

*Книга подготовлена и издана
при поддержке Бюро Фонда имени Фридриха Эберта
по сотрудничеству в Украине*

КОММУНИЗМ Черный Человек

Дискуссионные
статьи на тему
"Черной книги коммунизма"

Составители:
Стефан Кройцбергер,
Инго Маннтойфель,
Александр Штейнингер,
Ютта Унзер

C 01 - 01500

КНЕВ
ptima 2001
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ОПТИМА»

УДК 323.28(100)(091)
ББК 63.3(0)–4
К63

Коммунизм, террор, человек. Дискуссионные статьи на тему «Черной книги коммунизма» / Составители С.Кройцбергер, И.Маннтойфель, А.Штейнингер, Ю.Унзер / Пер. с нем. — К.: Оптима, 2001. — 195 с.
ISBN 966–7869–02–4

В настоящем издании помещены статьи немецких и других зарубежных историков — специалистов по исследованию коммунизма, посвященные поставленному авторами «Черной книги коммунизма» вопросу о взаимосвязи коммунистического господства и террора, а также вопросу о возможности сопоставления коммунизма и нацизма.

ББК 63.3(0)–4

Перевел с немецкого
кандидат филологических наук *Владимир Швед*

ISBN 966–7869–02–4

© Издательство « Оптима », оформление, 2001
© Составители: С.Кройцбергер, И.Маннтойфель, А.Штейнингер, Ю.Унзер, 2001
© Фонд имени Фридриха Эберта, перевод на русский язык, 2001

Содержание

К читателю	7
<i>Стефан Кройцбергер, Инго Маннтойфель, Ютта Унзер</i> Коммунизм и террор «Черная книга коммунизма»: основные тезисы и аргументы	8
<i>Манфред Хильдермайер</i> Сталинизм и террор	19
<i>Терри Мартин</i> Террор против наций в Советском Союзе	33
<i>Йорг Баберовски</i> «Или за социализм, или в Архангельск!» Сталинизм как крестовый поход против всего чужого	43
<i>Сузанна Шаттенберг</i> К вопросу о вине Новые концепции в советологии на примере «дела инженеров» 20-х–30-х годов	64
<i>Давид Феест</i> Террор и насилие в эстонской деревне	82
<i>Влодзимеж Бороджей</i> Насилие в Польской Народной Республике (1944–1989)	97
<i>Йоахим фон Путткамер</i> К вопросу о логике репрессий в коммунистических странах Сравнительный анализ событий в Чехословакии и Венгрии	118
<i>Петер Ульрих Вайсс</i> Два режима — одна система Деспотизм в Румынии: 1944–1989 годы	129
<i>Дан Динер</i> Историческая память и познание Национализм и сталинизм в сопоставительном контексте	145

Фритц Хоф Мейер

«Молодец» и «гениальный парень»Гитлер и Сталин: точки соприкосновения
между немецким и русским национал-социализмом

156

Дитрих Байрау

Нацистский режим и сталинская система

Рискованное сопоставление

170

Резюме статей

183

Библиография

187

Именной указатель

190

Об авторах

195

К читателю

Уже почти десятилетие в бывших республиках Советского Союза активно идет процесс анализа сталинистского и коммунистического прошлого. Сформировалась обширная литература воспоминаний и документально обоснованных научных исследований о процессах принятия решений в столице, о местных и региональных особенностях, судьбах отдельных лиц и о многом другом. В известной степени закономерно, что в период становления национального сознания эти сами по себе чрезвычайно важные работы зачастую отличаются некоторым сужением исторической перспективы до рамок собственного национального опыта. Основным же историческим вопросам, касающимся феномена коммунизма в XX веке, было уделено мало внимания.

Поэтому, вне всяких сомнений, одной из заслуг Стефана Куртуа, Николя Верта и других авторов «Черной книги коммунизма» является постановка вопроса о взаимозависимости коммунистического господства и террора. Книга была издана в 1997 году во Франции, причем понятие «коммунизм» в ней является синонимом существовавших или все еще существующих режимов.

После многочисленных обсуждений этой книги с Йоргом Баберовски (Тюбингенский университет) и Йоахимом фон Путткамером (Фрайбургский университет в Брайсгау) у нас возникла мысль предоставить возможность зарубежным специалистам и немецким историкам — специалистам по Восточной Европе — обсудить этот очень непростой вопрос в отдельном выпуске журнала «Osteuropa».

Мы надеемся, что перевод этой дискуссии на русский язык поможет научным экспертам и прежде всего всем интересующимся историей читателям в бывших республиках Советского Союза принять в ней участие, критически проанализировав с учетом собственного национального опыта тезисы, выдвинутые в «Черной книге коммунизма». Мы надеемся также, что напечатанные здесь статьи послужат дальнейшим толчком для обсуждения одного из самых значительных, особенно для Европы, вопросов XX века.

Составители выражают благодарность Винфриду Шнайдер-Детерсу, руководителю Бюро Фонда имени Фридриха Эберта по сотрудничеству в Украине, чья финансовая и моральная поддержка сделала возможной данную публикацию. Отдельной благодарности заслуживают также переводчик Владимир Швед за профессиональный и качественный перевод и директор издательства «Оптимизм» Игорь Гильбо за активное сотрудничество.

Стефан Кройцбергер, Инго Маннтойфель,
Ютта Унзер

Коммунизм и террор

«Черная книга коммунизма»: основные тезисы и аргументы

С того момента, как в 1997 году, спустя более пяти лет после краха восточного блока, появилась «Черная книга коммунизма» французского историка Стефана Куртуа, ставшая первым итоговым исследованием преступлений, совершенных во имя коммунистической идеологии, в обществе не утихает дискуссия относительно выдвинутых в ней положений и толкований. В Германии эта книга, впервые опубликованная на немецком языке в 1998 году, в течение семи месяцев выдержала десять изданий¹, и ее обсуждение проходило не менее бурно, чем во Франции². Столкновение мнений, высказанных главным образом в статьях местных газет и журналов, временами напоминало «спор историков» на исходе 80-х годов. Однако в этот раз прения отличались еще одной особенностью: они довольно быстро сосредоточились на специфической национальной ране, а именно вопросе о нацистской диктатуре и возможности ее сопоставления с коммунизмом. Вероятно, не в последнюю очередь это объясняется тем, что до сих пор среди участников дискуссии преобладали в основном журналисты, публицисты и специалисты по общей истории, а не ученые, серьезно исследующие соответствующий исторический период Восточной Европы.

Особенно интересно то, что в России, Украине и Белоруссии «Черная книга коммунизма» почти неизвестна и нигде не обсуждалась.

¹ Stéphane Courtois et др. (Hrsg.): Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror. Mit dem Kapitel «Die Aufarbeitung des Sozialismus in der DDR» von Joachim Gauck und Ehrhart Neubert. — München/Zürich 1998. Все ссылки и цитаты, использованные в настоящей статье, взяты из этого издания. В скобках указаны страницы.

² Достаточно подробные сведения об этой дискуссии см.: Horst Möller (Hrsg.): Der Rote Holocaust und die Deutschen. Die Debatte um das «Schwarzbuch des Kommunismus». — München/Zürich, 1999. См. также: Armin Pfahler-Traugott. Verharmlost das «Schwarzbuch des Kommunismus» nationalsozialistische Verbrechen? Über inhaltliche und methodische Probleme des Diktaturvergleichs // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. — № 9. — 1998. — С. 828–837; Helmut Altrichter. «Offene Großhaustelle Rußland». Reflexionen über das «Schwarzbuch des Kommunismus» // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — № 3. — 1999. — С. 321–361; Johannes Klotz (Hrsg.). Schlimmer als die Nazis? «Das Schwarzbuch des Kommunismus», die neue Totalitarismusdebatte und der Geschichtsrevisionismus. — Köln, 1999; Jens Mecklenburg/Wolfgang Wippermann (Hrsg.). «Roter Holocaust»? Kritik des Schwarzbuch des Kommunismus. — Hamburg, 1998.

Настоящее издание является попыткой устранить этот недостаток. В нем помещены статьи немецких и зарубежных историков — специалистов по исследованию коммунизма, которых «Черная книга» подтолкнула к тщательному критическому осмыслению различных аспектов террора и преступлений, совершенных коммунистической диктатурой в XX веке. Чтобы придать изложению целостный характер и более точно определить место публикуемых статей в общей системе взглядов далее еще раз кратко перечислены основные тезисы и аргументы, приведенные в «Черной книге» Стефана Куртуа и касающиеся тех стран, о которых пойдет речь в данной публикации, т.е. в первую очередь Советского Союза, Эстонии, Чехословакии, Польши, Венгрии и Румынии. При этом не ставится цель осветить и всесторонне взвесить проблематику исследований коммунизма или же сопоставления диктатур в содержательном и методическом аспекте. Это задача должна быть решена в рамках последующих специальных исследований.

Стефан Куртуа: «Преступления коммунизма»

Двадцатое столетие, по мнению Стефана Куртуа, отличается от предыдущих исторических эпох небывалым уровнем насилия. Причем неизгладимый след в прошедшем веке оставили не только две мировые войны и ужасы национал-социализма. Значительно более определяющее влияние на судьбу мировой истории оказала длившаяся почти 70 лет диктатура коммунистического режима в Советском Союзе (13). Именно реальный коммунизм, воплощенный в личностях типа Ленина, Сталина, Мао, Хо Ши Мина или Кастро, по мнению французского историка, ввел в систему подавление инакомыслия вплоть до «террора как формы правления», ставшего, по словам Куртуа, русским извращением марксизма. Даже если сбросить со счетов единичные зверства, совершенные во имя этого мировоззрения, то в целом необходимо признать, что власть коммунистических диктатур основывалась главным образом на массовых преступлениях. Эти преступления фактически становились системой правления: террор, как гласит одно из центральных положений автора, с самого начала был главной чертой современного коммунизма (14–15).

Поставив задачу исследовать те преступления, которые характеризуют коммунистическую систему в целом, при первом подведении итогов Куртуа приходит к следующему выводу: на совести коммунистов — главным образом Советского Союза ленинского и сталинского периодов — ровно сто миллионов жизней. Погиблие стали жертвами, с одной стороны, экспериментальных, а с другой — абсолютно продуманных, логичных и политически мотивированных актов насилия.

Кроме того, у автора не вызывает сомнений то, что коммунизм, точно так же, как нацистские преступники — главные обвиняемые на Нюрнбергском процессе 1945 года, — должен нести ответственность за военные преступления, а также за преступления против мира и против человечества, в первую очередь за геноцид (17–18).

«Расовый геноцид» и «классовый геноцид»: к вопросу о сопоставимости

При рассмотрении понятия «геноцид» Куртуа ссылается на новое его толкование во французском Уголовном кодексе 1992 года. Согласно этому толкованию, геноцид может обосновываться не только расистскими взглядами (как в случае с национал-социализмом) — с не меньшим успехом он может быть распространен и на общественные группы. Беспощадная классовая борьба во имя коммунистической доктрины, направленная на физическое уничтожение политической и идеологической оппозиции, которая велась, например, в Советском Союзе, в значительной степени соответствует именно этому пониманию геноцида. Борьба против казачества, начавшаяся еще в ленинский период, т.е. в начале 20-х годов, равно как и широкомасштабное раскулачивание в связи с принудительной коллективизацией с 1930 по 1932 год, осуществлявшееся преемником Ленина — Иосифом Сталиным, свидетельствуют, по убеждению Куртуа, что «существует очевидное сходство между «расовым» и «классовым» геноцидом». Не подвергая сомнению беспрецедентность такого явления, как Аушвиц, он приходит к следующей мысли: «Гибель украинского ребенка из кулацкой семьи, намеренно обреченного сталинским режимом на голодную смерть, является таким же тяжким преступлением, как и смерть в варшавском гетто еврейского ребенка, ставшего жертвой искусственно созданного нацистским режимом голода» (21).

Сопоставление Стефаном Куртуа 100 миллионов жертв коммунизма и 25 миллионов жертв нацизма отнюдь не является двойной «бухгалтерией ужаса». Арифметическое сравнение должно лишь побудить к «фразмышлениям о сходстве между нацистским режимом с его устоявшейся после 1945 года репутацией наиболее преступной системы столетия и коммунистической властью, легитимность которой на международном уровне оставалась неоспоримой вплоть до 1991 года» (27). На самом деле, как полагает Куртуа, может возникнуть впечатление, что методы правления и насилия, введенные Лениным и усовершенствованные Сталиным и его пособниками, нередко превосходят методы и практику фашизма. В то же время факты, свидетельствующие о том, что «фразмах и способы осуществления массового насилия», внедренные большевиками, частично вдохновлялись на подобные преступления и нацистский режим, ни в коем случае не рассматриваются автором как основание для установления прямых причинно-следственных связей между захватом власти профессиональными революционерами-коммунистами в России и утверждением нацистского режима в Германии (27–28). В заключение остается констатировать, что французского историка вряд ли можно заподозрить в сознательной или неосознанной недооценке национал-социализма (вопреки мнению некоторых из его критиков, принадлежавших главным образом к левому политическому спектру).

Николя Верт: «Государство против собственного народа»

В большой статье под таким названием, напоминающим лозунг, французский историк Николя Верт анализирует насилие и террор в Советском Союзе. Автор рассматривает последовательность циклов насилия в советской истории, уделяя при этом особое внимание периоду с 1917 года и до смерти Сталина в 1953 году, так как его преемники, по мнению Верта, в течение нескольких лет превратили Советский Союз в «авторитарное полицейское государство» (278).

Ленинский цикл насилия

Первый (ленинский) цикл насилия в Советском Союзе, согласно Верту, начался в конце 1917 года, с момента «большевистского государственного переворота» (63), и длился до конца 1922 года. Этот период отмечен радикальными взглядами Ленина, который усмотрел в терроре «новую форму классовой справедливости» (73) и еще во время Первой мировой войны призывал превратить ее в гражданскую (61). Поначалу большевистскому террору способствовал потенциал насилия, уходящий корнями в крестьянскую культуру и возросший за три года военных действий. Однако Верт указывает и на то, что во время гражданской войны большевики ни разу не предприняли попыток достичь решения путем переговоров. Вместо этого они пропагандировали массовый террор в качестве своей стратегии как средство удержания власти (86).

Описывая гражданскую войну, Верт упоминает и о «белом терроре», однако приходит к выводу: «Политика большевистского террора носила более систематический и организованный характер, задумывалась и осуществлялась на практике задолго до самой гражданской войны и теоретически была направлена против целых общественных групп» (96). В качестве довода в пользу своего основного положения «государство против собственного народа» Верт приводит тот факт, что в число жертв большевистского террора попали политики и рабочие, крестьяне и казаки, противники большевистских взглядов, а также «социально чуждые элементы» или «враги народа» (96–97). Исследование Верта показывает, что террор и акты насилия были результатом политических и идеологических решений большевиков. Например, когда весной 1918 года возникла проблема снабжения армии и жизнеобеспечения городов, большевики приняли решение не о создании рынка, а о принудительной конфискации зерна (79). Так началось «сознательно спланированное наступление на крестьянство», за которым последовали репрессии против когда-то революционных, а теперь обвиняемых в контрреволюции рабочих и солдат. Большевистские вожди усмотрели в массовом терроре возможность радикально изменить соотношение социальных сил в стране путем физического искоренения определенных общественных слоев, что отчетливо проявилось в терроре против крестьян, прежде всего, в принципе «коллективной ответственности всей деревни» (109). Чтобы сломить сопротивление рабочих и крестьян, большевики в качестве оружия применили голод. Поэтому для Верта первый цикл насилия завершается не поражением белых, а голодом 1922 года, окончательно сломившим сопротивление крестьян.

Период 1923–1927 годов Верт считает краткой передышкой между первым и вторым (сталинским) циклом насилия. Незвизирая на перемирие с крестьянством, провозглашенное большевиками в форме новой экономической политики (нэп), советская власть, как показывает Верт, продолжала вести войну против населения, ибо именно период нэпа был ознаменован кровавыми репрессиями против населения нерусских окраинных областей (156).

В это время было переименовано орудие террора большевиков: ЧК стала ГПУ (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем — Государственным политическим управлением). Верт усматривает в этом «формирование и легализацию системы террора как средства разрешения конфликтов между новым государством и обществом» (146). Так, именно на начальной стадии нэпа было принято решение о создании лагерей для политических узников (1922), а по-прежнему активно действующий большевистский аппарат террора не только не был распущен, а напротив, подвергся организационному и кадровому упорядочению.

Сталинский цикл насилия

Второй (сталинский) цикл насилия начался в 1928 году, когда большевистский режим заявил об окончании передышки в борьбе против крестьян и буржуазных специалистов. Принудительная коллективизация сельского хозяйства, начатая по приказу Сталина, явилась кульминационной точкой в схватке между большевистским режимом и крестьянством. Эта вторая война против крестьян стала результатом ничем не мотивированного решения большевистского руководства, причем Верт стремится продемонстрировать, что Сталин и его окружение прекрасно осознавали свои действия и их последствия. Поэтому автор считает, что причиной голода 1932–1933 годов было сознательное намерение властей сломить сопротивление крестьян (165).

Принудительная коллективизация и раскулачивание стали решающим моментом в построении репрессивной системы и «институционализации террора в качестве формы правления» (290). В вопросе о соотношении между советским террором и коммунистической идеологией показательным является следующее мнение Верта: репрессии были направлены на то, чтобы вывести на путь прогресса упорствовавшее в своей отсталости общество (189). В этот же ряд Верт ставит и такие шаги, как устранение рыночных механизмов и осуществление социалистических планов, экспроприация крестьянских земель и принудительный труд (163).

После принудительной коллективизации последовала краткая передышка, ибо маховик репрессий достигает максимальных оборотов уже в период Большого Террора (конец 1936-го — конец 1938 года). При этом Верт утверждает, что Большой Террор был политической операцией, инициированной и осуществленной Сталиным, причем в результате «спланированного сверху террора с его произвольно установленными категориями политических врагов» и системой квот кое-где на местах наблюдалось и чрезмерное рвение репрессивных органов. Верт приводит новейшие архивные данные, подтверждающие центральную роль Сталина в массовых репрессиях (212): «В течение всего периода ежовщины Сталин не упускал из своих рук контроль над политическими событиями» (212); «Большой Террор закончился тем же, чем и начался: распоряжением Сталина» (212). Осуществляя Большой Террор, направленный главным образом против образованных слоев, Сталин преследовал две цели: 1) создание услужливой бюрократии с молодым, сталинистским, или же лично преданным Сталину руководством; 2) окончательное устранение всех лиц, которые с точки зрения социалистической перспективы препятствовали построению социализма как новой общественной формации (224–225).

В период Второй мировой войны начало новому этапу репрессий было положено советизацией и аннексией областей, захваченных после 1939 года, причем жертвы именуются в этом случае националистами и «враждебными нациями». Завершение сталинского цикла насилия было ознаменовано акциями авантюрного характера, имевшими место с конца 1940 по 1953 год, т.е. вплоть до смерти Сталина. Французский историк объясняет особенности этого периода довольно ярко выраженными чертами антисемитизма и параноидальной болезнью Сталина, который арестами и казнями стремился ослабить позиции своих реальных или мнимых внутренних врагов (267).

Циклы насилия в сопоставлении: преемственность и отличия

В заключение Верт приходит к выводу, что его исторический очерк о первых 35 годах существования Советского Союза проливает свет на «практику разнузданного насилия как перманентной формы государственной политики» (292).

При кратком сравнении первого (ленинского) и второго (сталинского) циклов Верт указывает на одно отличие в историческом контексте: «красный террор», наступивший с осени 1918 года, был продолжением общей борьбы, бушевавшей после революции и гражданской войны; второй цикл пришлось на мирную страну. В то же время историк отмечает, что Ленин задумал использовать террор в качестве главного оружия еще до того, как разразилась гражданская война, — и этот подход последовательно применялся большевиками при осуществлении политики расказачивания в 20-е годы и политики раскулачивания в 30-е годы: на основе принципа коллективной ответственности в обоих случаях планировалось уничтожение и депортация определенной социальной группы, а решение принималось на высшем государственном уровне при непосредственном участии многих высокопоставленных большевистских партийных деятелей (113). Как в том, так и в другом случае на местах отмечалось чрезмерное усердие в осуществлении руководящих указаний.

Однако Верт видит также и отсутствие сходства между двумя циклами насилия, ибо «созданные во время гражданской войны лагеря и практиковавшиеся в 20-е годы ссылки ни по своим целям, ни по размаху, несоизмеримы с системой концентрационных лагерей, сложившейся в 30-е годы» (293).

К такому же противоречивому выводу автор приходит и в вопросе о планировании террора. С одной стороны, он утверждает, что политику квот сталинского террора можно считать выражением «планового характера террора», с другой же стороны, полагает, что вывод о «продуманном и контролируемом замысле, рассчитанном на длительную перспективу» опровергается наличием слабых мест, хаосом и импровизацией в осуществлении террора, в частности при депортации кулаков.

Важной причиной ужасающего размаха сталинского террора является фактор его заморозивания: ужесточая методы, большевистская власть уверовала в иллюзию полного контроля, что, в свою очередь, способствовало еще большему раскручиванию спирали насилия (295).

Карел Бартошек: «Центральная и Юго-Восточная Европа»

Чешский историк Карел Бартошек, живший во Франции, приходит к выводу о том, что во второй половине двадцатого столетия террор и репрессии переместились в восточноевропейские страны. Волна насилия, порожденная созданием и утверждением коммунистических режимов в этой части мира, во многом стала как бы повторением того, что происходило здесь во времена нацистской оккупации и Второй мировой войны. Бартошек подтверждает правомерность метафоры «импорт террора», которая вначале многими подвергалась сомнению. Невзирая на разнообразие форм национального проявления и особенности динамики, обусловленные исторической конъюнктурой, неизменным остается одно: исходной точкой и контролирующей инстанцией репрессий как орудия власти была Москва.

Одним из подтверждений своего тезиса автор считает наблюдение, согласно которому процессы в Восточной и Центральной Европе соответствуют физическому закону о сообщающихся сосудах. И действительно, даже с поправкой на частные различия, в центрально- и восточноевропейских странах обнаруживаются определенные повторяющиеся явления, не в последнюю очередь обусловленные страхом перед «эффектом домино».

Основные направления в практике использования террора и насилия соответствовали испытанной логике Москвы (435). Сначала речь шла об отстранении, а в конечном счете и ликвидации некоммунистических партнеров по союзу, от которых во все времена избавлялись посредством дезавуирующих политических процессов и быстрого исполнения приговоров, т.е. на фоне отсутствия протестов со стороны западноевропейских братских партий фактически «обезглавливались» наиболее крупные некоммунистические партии в Центральной и Восточной Европе, включая ГДР.

Следующим шагом стало то, что Бартошек называет «разрушением гражданского общества». В соответствии с хорошо продуманной стратегией коммунистических репрессий для обеспечения абсолютной власти после устранения непосредственных политических конкурентов отныне надлежало уничтожить организационные структуры гражданского общества путем нейтрализации лиц, занимавших ключевые посты в профсоюзах, других объединениях на профессиональной основе, церкви, и «обрубить» их многочисленные зарубежные связи (445–446).

Основным объектом коммунистического террора в странах Центральной и Восточной Европы стали широкие слои населения, представителей которых автор называет «маленькими людьми». Именно эти люди вначале активно поддерживали новые режимы в связи с ожидавшимся улучшением условий жизни, в частности после проведения национализации и земельной реформы. Однако вскоре недовольство, вызванное неосуществившимися надеждами, вылилось в забастовки и демонстрации, на которые власти, в свою очередь, ответили массовыми репрессиями (454–455). Дозированная психология страха использовалась, очевидно, в качестве гаранта стабилизации, а проявления политического недовольства в конечном счете часто становились достаточным основанием для уголовных преследований.

Размах коммунистического террора, т.е. постоянно растущее число лиц, приговоренных к дисциплинарным или уголовным наказаниям или даже подлежащих изоляции в качестве «социально чуждых элементов», поставил на повестку дня использование системы лагерей (в свое время созданной отчасти союзниками Гитлера), в которых сотни тысяч людей снова были обречены на жизнь в нечеловеческих условиях, рабский труд и смерть. Количество тех, кто страдал и/или погиб в этих исправительных и трудовых лагерях, сегодня, очевидно, точно установить невозможно.

Глава завершается резкой критикой в адрес ученых-историков, которые твердят о «своеобразном ревизионизме», требуют «учета исторического контекста» при оценке фактов или же подчеркивают «социальный аспект» коммунизма: «Не лучше ли им... заняться наконец социальной стороной политики подавления, всеми теми «маленькими людьми», которые подверглись жестокому преследованию коммунистов?» (464)

Достаточно много внимания Бартошек уделил политическим процессам, инсценированным коммунистами против коммунистов, — т.е. тому этапу, когда с подачи Москвы осуществлялось преследование высокопоставленных коммунистических деятелей, привлечение их к суду и, наконец, уничтожение. Эти события следует оценивать в связи с международным положением того времени, а также в контексте соответствующих поли-

тических, социальных и экономических проблем каждой страны. Свой взгляд на внутреннюю логику этой формы террора Бартошек излагает в виде четырех тезисов:

Тезис 1. Восточный блок, внешним врагом которого был провозглашен американский империализм, готовился к войне в Европе, и «воспитание трупами» было призвано дисциплинировать его собственные ряды и послужить средством демонстрации силы.

Тезис 2. Антисемитский аспект. Борьба против сионизма («по сути, просто вульгарный антисемитизм», 477) неотделима от изменения советской политики по отношению к Израилю и арабскому миру.

Тезис 3. Острые внутренние конфликты между противоборствующими группами в аппарате советских органов госбезопасности стали определяющим фактором при выборе соответствующих жертв и применяемых против них средств воздействия.

Тезис 4. Венцом в ряду политических процессов против внутренних врагов должно было стать проведение в Москве показательного процесса против «участников международного заговора».

Для подкрепления четвертого тезиса Бартошек в главе под названием «Последний заговор» (265 и далее) указывает на новые детали.

Последние три с половиной десятилетия существования восточного блока чешский историк, как и венгр Миклош Мольнар, относят к периоду посттеррора, сменившегося впоследствии посткоммунизмом. Бартошек утверждает, что репрессии, применявшиеся в ходе становления коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы, смело можно назвать массовым террором, который практиковался не только в качестве сопутствующего явления, но и имел своей целью уничтожение основных прав и свобод. Убедительным свидетельством сильного влияния Москвы на этом этапе (помимо постоянного присутствия советских воинских частей и служб безопасности) были танки как символ террора сверхдержавы.

Как и прежде, «закручивание гаек» или ослабление пружины террора зависело от политической ситуации в мире, прежде всего от состояния отношений между Востоком и Западом. Начало периоду посттеррора также было положено двумя внешними факторами: усиливающейся, в том числе и в Советском Союзе, критикой в адрес Сталина и сталинизма и политикой мирного сосуществования (независимо от способов ее обоснования). В этот период, когда практика подавления обрела еще более яркие национальные особенности по сравнению с прошлым, значительно сократилось число жертв репрессий, почти во всех странах Центральной и Восточной Европы исчезли лагеря, а само оружие террора утратило свою действенность.

«Преодоление тяжкого наследия» — так назвал Бартошек свою заключительную главу. В ней он дает оценку отдельным стран в этом направлении, однако не скрывает и того, что в целом результат преодоления этого «чудовищного наследия» (Вацлав Гавел) нельзя признать удовлетворительным — вывод, в справедливости которого убедилась не одна нация, пытавшаяся осмыслить свое прошлое.

Анджей Пачковский: Польша — «заклятый враг»

Польский историк Анджей Пачковский относит поляков «к народам, которые, вероятно, больше всех пострадали от репрессий советских правителей» (397), так как многие из них, будучи советскими гражданами, стали жертвами коммунизма в советской России еще в 20-е и 30-е годы. Поэтому в первом разделе своей статьи, помещенной в «Черной книге коммунизма», он обращается к теме террора против польских граждан, проживавших в Советском Союзе в 1939—1944 годах. Второй раздел посвящен террору и насилию со стороны коммунистического режима, навязанного Советами Польше, по отношению к своим же соотечественникам.

*Польша как жертва коммунистического режима
советской России до 1944—1945 годов*

Причина того, что Польша приобрела статус «заклятого врага России», заключается не только в традиционной вражде между Россией и Польшей, но и в том, что после Первой мировой войны стремление Варшавы к независимости столкнулось с революционными замыслами Москвы. В результате национального подъема в Польше во времена Пилсудского (1920) Красная Армия не смогла донести революцию через Варшаву до Берлина. Сталин так и не простил Польше своей неудачи.

Жертвами кампании против церкви и за коллективизацию, развернувшейся во второй половине 20-х годов, а также идеологически обусловленных насильственных экономических и социальных преобразований, насаждаемых новой властью, стали польские священники и крестьяне, главным образом в Украине и Белоруссии.

С особой силой террор, направленный непосредственно против поляков, проявился в 30-е годы, когда в связи с «большой чисткой» и под предлогом мнимой принадлежности к ПОВ (Польская военная организация) — «группировке, осуществлявшей саботаж и шпионскую деятельность» — были арестованы и казнены польские коммунисты, сотрудники НКВД польского происхождения и рядовые граждане, рабочие и крестьяне. По мнению Пачковского, более 10% жертв Большого Террора были поляками, а среди погибших в ходе операций, направленных против национальных меньшинств, их количество составило около 40% (401).

Следующий этап советского террора против поляков начался в сентябре 1939 года, после присоединения восточных областей Польши к Советскому Союзу с использованием методов устрашения и репрессий (402). Весной 1940 года советское руководство приняло решение о казни почти 15 тысяч польских военнопленных, преимущественно офицеров, в районе Катыни, Харькова и Калинин (ныне Тверь) и о ликвидации еще 11 тысяч польских узников. С сентября 1939-го по май 1941 года по стране прокатились четыре волны депортации в глубь территории Советского Союза — это от 330 до 340 тысяч человек, в числе которых было много поляков. Пачковский приходит к выводу, что с 1939 по 1941 год количество жертв разнообразных репрессий (казни, тюрьмы, лагеря, депортации, принудительный труд) на территории аннексированных Советским Союзом областей составило около одного миллиона человек (407).

Новый этап советского террора против польского населения пришелся на начало 1944 года, после того как части Красной Армии пересекли линию польско-советской

границы 1921 года. Польская Армия Крайова (АК), «отечественная армия», противопоставившая себя в качестве легитимной власти в Польше Красной Армии, стала главной мишенью советских подразделений НКВД, осуществлявших разоружение АК, аресты и интернирование офицеров, насильственный призыв многих солдат в польскую армию под командованием генерала Берлинга, созданную советскими властями. В целях укрепления советского диктата в Польше силами НКВД до 1947 года осуществлялись депортации и так называемые акции усмирения. НКВД создал аппарат польской службы безопасности, который наряду с Красной Армией и компартией стал фундаментом коммунистического государства.

Террор и репрессии в Польской Народной Республике

Пачковский выделяет пять этапов репрессий в Польской Народной Республике.

С 1944 по 1947 год массовый террор обеспечил захват власти в государстве. Попытки сопротивления были сломлены аппаратом польской службы безопасности, «ставшим прочной составной частью советской системы» (411), посредством депортаций, арестов, показательных процессов, инфильтраций и акций насильственного «усмирения» целых областей. Если в этот период «маховик репрессий» был направлен главным образом «против истинных и активных противников» коммунистического господства (416), то после 1948 года цель органов госбезопасности изменилась.

1948—1956 годы — это период «всеобщего террора», который должен был породить в людях постоянное ощущение страха, так как репрессии могли коснуться буквально каждого (419). В связи с конфликтом между Сталиным и Тито жертвами террора отныне могли стать и высокопоставленные деятели коммунистической партии. Помимо этого, аппарат службы государственной безопасности, увеличенный после 1949 года и насчитывавший к 1952 году 34 тысячи сотрудников, принимался за рабочих, крестьян, «спекулянтов» и священнослужителей. Цель заключалась в разобщении людей. И хотя с конца 1953 года репрессии пошли на спад, однако о настоящей «оттепели» в Польше, согласно мнению Пачковского, стало возможно говорить лишь после XX съезда КПСС в феврале 1956 года и смерти Берута (421). Террор продолжался и позже — правда, с меньшими размахом, потому что он достиг своей цели: поставил общество под контроль правящего режима.

В 1956—1981 годах органы госбезопасности перешли к системе выборочных репрессий, направленных главным образом против оппозиции, католической церкви и интеллигенции (421). И хотя аппарат государственной безопасности смог самостоятельно подавить забастовки, демонстрации и бунты 1956, 1970, 1976 годов, он не отказывался от практики широкого проникновения внештатных сотрудников в различные сферы общественной жизни, что позволяло «оперативно срывать попытки создания нелегальных организаций» (423), — следствием таких действий стали аресты, денежные штрафы, увольнения или отказы в выдаче заграничного паспорта и т.д.

После того как при попытке подавления волны забастовок в 1980 году и в борьбе против профсоюза «Солидарность», основанного Лехом Валенсой, применявшиеся до сих

пор репрессивные методы не принесли результата, 13 декабря 1981 года генерал Ярузельский объявил о введении военного положения. Пачковски усматривает в этом попытку тотального подавления сопротивления общества, являвшуюся альтернативой требованиям приверженцев жесткой партийной линии применить всеобщий террор и казни. После ареста и интернирования сторонников оппозиции и членов «Солидарности», а также массового подавления демонстраций в 1982–1983 годах аппарат службы госбезопасности снова сделал ставку на методы дезинформации и дезинтеграции оппозиционных сил. Согласно мнению Пачковски, система уже на этой стадии своего развития существенно отделилась от своих сталинских истоков (428).

Лишь под влиянием процессов перестройки и гласности в Советском Союзе и стабилизации польской экономики режим в Варшаве уменьшил размах репрессий и решил заключить нечто наподобие перемирия с польской оппозицией. Этот шаг стал промежуточным этапом на пути к началу переговоров с профсоюзом «Солидарность», а тем самым и к капитуляции коммунистической системы в Польше. Система, которая, по словам Пачковски, «никогда не имела под собой законной основы, так как пренебрегала и международным правом, и собственной Конституцией» (429).

Манфред Хильдермайер

Сталинизм и террор

Споры о связи между террором и сталинизмом ведутся с момента введения термина «сталинизм» для обозначения соответствующей системы. Его появление было продиктовано стремлением обозначить то новое качество, которое обрел большевистский режим, называвший сам себя социалистическим, после окончания междоусобицы, вызванной смертью Ленина. Это новое качество по прошествии всего лишь десятилетия оказалось разгулом массового террора в самых разных формах — от войны, объявленной селу городской красной гвардией, до вероломных убийств по прямому приказу сверху и развязывания кампании против всех и каждого, кто вызывал хотя бы малейшее подозрение. Естественно, имели место и другие изменения в социальном и экономическом строе, системе власти, которые авторы термина попытались отразить в новом понятии, однако насилие и принуждение всякий раз оставались существенной составляющей этого строя. Сталинизм и террор оказались неотделимы друг от друга, как душа и тело.

Поэтому о сталинском терроре существует, по крайней мере, столько же мнений, сколько и о самом сталинизме. Однако все они так или иначе относятся к разным этапам и формам этого явления, в силу чего представляется целесообразным предпослать дальнейшему изложению краткое описание этих этапов. Сделать это несложно, так как этапы совпадают с определенными историческими событиями. Затем в сжатой форме излагаются соображения, касающиеся понимания сталинского террора. Анализ разворачивается в двух основных плоскостях — *типологической* и *интерпретативной*, в рамках которых кратко освещаются важнейшие формы проявления террора и их взаимосвязь.

Формы сталинского террора вытекают из чистой хронологии. Поэтому логично предположить, что в формулировках общего характера они достаточно четко отграничиваются друг от друга. Однако этого-то, как правило, и не происходит. Уже по одной этой причине не лишним будет напомнить, что и сталинский террор не всегда равнялся сталинскому террору.

Преследования кулачества

Первыми жертвами большевистского массового насилия после гражданской войны стали кулаки. Кампания против них была развязана сразу же после прихода Сталина к власти. Как только осенью 1929 года было окончательно покончено с так называемыми

правыми уклонистами во главе с Бухариным, Центральный Комитет Коммунистической партии по предложению Сталина принял решение о сплошной коллективизации. Однако объединения единичных хозяйств в коллективные на территории всей страны можно было добиться только силой. Цель сама по себе была отнюдь не новой. Она составляла ядро большевистской программы преобразований и была порождена идеологическими причинами. В соответствии с ней новый режим с 1918 года поощрял создание колхозов и их еще более радикальной формы — совхозов. После продовольственного кризиса зимой 1927–1928 годов агитация в пользу коллективных хозяйств начала подкрепляться существенным финансовым и правовым давлением. Формами такого давления, наряду с лишением права голоса, стали специальные налоги. В результате многие крестьяне прекращали сопротивление (самораскулачивались), продавали землю и перебирались в города. Относительно немногие из них «добровольно» вступали в колхоз. Большинство упорствовало и занимали выжидательную позицию¹.

Постановление Политбюро от 10 ноября 1929 года отняло у крестьян даже эту возможность пассивного сопротивления. Оно ознаменовало переход от нефизического к физическому принуждению к вступлению в колхозы. Поскольку сопротивление ожидалось главным образом со стороны зажиточных крестьян, которые по традициям определяли жизнь деревни, это постановление повлекло за собой — если и не в обязательном порядке, то с достаточной степенью вероятности — еще одно мероприятие: преследование кулаков. В секретном постановлении Политбюро от 5 января 1930 года указаны три категории так называемых кулаков:

- a) «контрреволюционные активисты», имущество которых подлежало изъятию, а сами они — депортации в «концентрационные лагеря»; тот, кто обвинялся в «оказании сопротивления» или «террористических актах», подлежал казни на месте. Эта участь постигла ровно 63 тысячи семей;
- б) «крупные кулаки» и «середняки», собственность которых также подлежала отчуждению. Однако им разрешалось оставлять себе предметы первой необходимости и некоторые запасы продовольствия. К месту депортации — отдаленным северным районам, на Урал, в Казахстан или Сибирь — они могли отправляться вместе с родными. Общее число таких семей составило 150 тысяч;

¹ *Примечание.* Текст доклада, прочитанного в начале ноября 1999 года во Фрайбурге, печатается без именных цитат. Он дополнен только соответствующими ссылками.

¹ В связи с предыдущим и последующим изложением см. новые научные труды: S. Merf. Die Anfänge der Kollektivierung in der Sowjetunion. Der Übergang zur staatlichen Reglementierung der Produktions- und Marktbeziehungen im Dorf (1928–1930). — Wiesbaden, 1985. On ж. Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchosystems 1930–1941. — Berlin, 1990; R. W. Davies. The Socialist Offensive. The Collectivisation of Soviet Agriculture, 1929–1930. — London, 1980; On ж. The Soviet Collective Farm, 1929–1930. — London, 1980; L. Viola. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. — Oxford, 1996; Первые документы «постсоветского» периода: Пяская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения. Документы и материалы / Под ред. Л. Виола и Т. МакДональда. — Москва, 1998; V. Danilov/A. Berelowitch. Les documents des VČK-OGPU-NKVD sur la campagne soviétique, 1918–1937 // Cahiers du Monde Russe. — № 3. — 1994. — С. 633–682; N. Werth/G. Mouleux (Hrsg.). Rapports secrets soviétiques: la société russe dans les documents confidentiels, 1921–1931. Recueil de pièces d'archives. — Paris, 1994. Об опр.: Manfred Hildermeier. Geschichte der Sowjetunion 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. — München, 1998. — С. 377 и далее.

- в) «прочие», имущество которых изымалось частично, а сами они переселялись на худшие земельные участки в непосредственной близости от прежнего места проживания. Плановые цифры по этой категории точно не определены и могли составлять от 396 до 852 тысяч дворов.

Несмотря на требующуюся жестокость, распоряжение тщательно выполнялось. При этом решение о включении в ту или иную категорию могла принимать по своему усмотрению так называемая тройка, состоявшая из руководителей местного отдела службы безопасности (в то время — ОГПУ), партийной организации и местного Совета. Поэтому всякий крестьянин, имевший даже небольшую собственность, боялся стать следующей жертвой. Следствием этого стали страх и бездеятельность. Чтобы хоть как-то провести посевную весной 1930 года и снабдить население продовольствием, Сталин прервал кампанию своей знаменитой статьей в «Правде» от 2 марта 1930 года («Головокружение от успехов»). Однако передышка была краткой. В августе 1930 года кампания продолжилась. К концу года большая часть единоличных хозяйств была коллективизирована; в течение 1931 года под давлением пришлось уступить и немногим оставшимся единоличникам.

Вплоть до сегодняшнего дня серьезные споры вызывает вопрос о количестве тех крестьян, которых можно считать жертвами принудительной коллективизации. При этом подходы оппонентов, в том числе и тех, кто считает решающим аргументом статистику, в большинстве случаев остаются очень размытыми. Поэтому без некоторых примеров с арифметическими подсчетами здесь просто не обойтись.

Необходимо отметить, что эти процессы проходили довольно хаотично и поспешно, и о планировании в прямом смысле слова не может быть и речи. И все же имеющаяся частичная информация дает основания для некоторых выводов. Так, по предварительным подсчетам, общее число семей, потерявших дом и подворье, к концу 1931 года составило от 600 до 800 тысяч, из которых, как минимум, 350 тысяч были сосланы на новое поселение в отдаленные, чаще всего заполярные, районы. Если исходить из среднестатистической численности семьи в 5–6 душ, получается примерно то же количество, которое подтверждается документами из архивов ОГПУ и НКВД о ссылке кулаков. В соответствии с этими новыми данными около 2,1 миллиона человек были депортированы в качестве так называемых спецпереселенцев в отдаленные районы; от 2 до 2,5 миллиона человек, или от 400 до 450 тысяч семей, были в принудительном порядке перемещены в пределах региона проживания; еще от 1 до 1,25 миллиона человек, соответственно от 200 до 250 тысяч семей, самораскулачивались. Судя по этим цифрам, от войны против деревни пострадали 5–6 миллионов человек (это 1 миллион из 25 миллионов предположительно существовавших тогда дворов).

Иной вопрос, сколько жизней унесла кампания по преследованию кулаков. Здесь почва для серьезных исследований оказывается особенно зыбкой. Наиболее достоверными представляются достаточно осторожные оценочные подсчеты на основе приведенных ранее цифр. Наименьшие шансы на выживание имели 100 тысяч человек, причисленных к первой категории кулаков. Далее идут те, кто был депортирован в суровые районы Севера и Сибири. Если исходить из цифры в 2,1 миллиона человек и высокой смертности (от 15 до 20%) в связи с эпидемиями, голодом, истощением и другими бедствиями, то получается от 315 до 420 тысяч погибших. Поскольку сильным запрещалось возвращаться в родные края, по-видимому, уместно учитывать и динамику последующих лет вплоть до более

или менее сносной «нормализации» демографических показателей в колониях бывших кулаков. С учетом этого фактора число преждевременно умерших за период с 1930 по 1953 год увеличивает эти данные до 530, максимум 600 тысяч человек. Поспешные завышенные подсчеты, в результате которых делается вывод о пяти и более миллионах «дополнительных случаев смерти» в ходе кампании по преследованию кулаков, не смогли убедить научную общественность. Здесь, правда, можно возразить, что оценка террора зависит не от точности цифр, а от его методов и размаха. Это, безусловно, так. Но и эти рассуждения должны основываться на проверенных данных, а не на свободной их трактовке².

Подводя итог рассуждениям о сталинской коллективизации, можно констатировать следующее:

- Принудительная коллективизация, вне всякого сомнения, осуществлялась террористическими методами.
- В соответствии с грубыми марксистскими или псевдомарксистскими критериями она была направлена против мнимого класса сельских эксплуататоров.
- Коллективизация (речь в конечном счете шла о войне города против деревни) коснулась 5–6 миллионов человек (1 миллион дворов).
- Она унесла жизни 530–600 тысяч человек, причем преждевременно умерших необходимо учитывать в этих данных отдельно.

Голодомор 1932–1934 годов

Принудительная коллективизация находилась в причинной связи со второй формой сталинского террора (голодомором 1932–1934 годов), которая поэтому не должна рассматриваться в изоляции от других форм ни с аналитической, ни с интерпретативной (опсательной) точки зрения.

Исходя из повышенного внимания к этой проблеме в последнее время и несмотря на большое количество открытых вопросов, ее, безусловно, следует рассматривать в непосредственной связи с произвольной ломкой отношений собственности и производства на селе. Не засуха, как утверждалось официально, принесла смерть миллионам людей, а твердолобая и жестокая заготовительная кампания зимой 1932–1933 годов, в результате которой у крестьян, и без того тяжело пострадавших, были отняты последние крохи урожая. И вслед за катастрофой произошла трагедия. Все началось во время уборочной страды осенью 1931 года, когда был получен самый низкий после 1924 года урожай. Сократились не только площади обработки — продолжалось сокращение поголовья скота, в том числе и упряжных животных. Особенно тревожным должно было показаться то обстоятельство, что урожай с гектара зерновых, полученные колхозами и совхозами, оказались значительно более низкими по сравнению с аналогичными показателями

крестьян-единоличников. Но поскольку партия и правительство сделали ставку на преобразование села и ради этого пошли на «гражданскую войну», широкомасштабный продовольственный кризис был как бы запрограммирован.

Как рассматривать опустошительный голодомор двух последующих лет — как результат искусственно созданного бедственного положения деревни или прикрытой идеологическими мотивами некомпетентности в экономической и административной политике — зависит от многих до сих пор не выясненных окончательно факторов. В любом случае ответственность за него лежит на партийных и государственных руководителях. Вне зависимости от того, когда Сталин узнал об истинном размере катастрофы (и узнал ли вообще), неоспоримым остается тот факт, что его реакция оказалась замедленной и неадекватной. Нормы сдачи продовольствия были снижены, но не отменены. По мере того как дефицит становился все более очевидным, в соответствии с накатанной логикой посленэповского периода были предприняты попытки решить проблему методом принуждения. Единичники должны были безвозмездно сдавать своих лошадей в аренду колхозам, чтобы восполнить нехватку тягловой силы. Крестьян обложили специальными дополнительными налогами, с тем чтобы вынудить их (в связи с постоянными подорожаниями в утайвании) продавать зерно. Все, в том числе и коллективные хозяйства, получили распоряжение о неукоснительном выполнении обязательств по поставкам. Вне зависимости от того, был ли урожай 1932 года средним или даже более низким по сравнению с предыдущим периодом, как это утверждает официальная статистика, массовое вымирание населения в последующие годы показало, что из крестьян выжимали больше, чем они могли отдать без ущерба для посевной.

По прошествии 50 лет со времени трагедии с особой силой вспыхнул спор о числе жертв и о том, можно ли рассматривать голодомор как акцию, направленную на истребление украинской нации. При этом на зыбком фактическом материале были произведены подсчеты и представлены сценарии, которые в большинстве случаев вызвали в научной среде глубокий скепсис. Лишь с открытием архивов в последнее время появилась возможность посмотреть на эти события по-новому. Однако осталось столько невыясненных вопросов, что окончательное мнение пока так и не сложилось. Количество погибших от голода зависит главным образом от двух переменных параметров: уровня рождаемости в соответствующие годы (эти данные отсутствуют и могут быть получены только методом интерполяции), а также среднестатистической смертности. С учетом этих факторов цифры — которые скорее следует назвать оценочными, чтобы лишить их видимости неопровержимых фактов — колеблются в пределах 7,2–8,1 миллиона преждевременно умерших (или — с учетом неродившихся — даже 7,9–10 миллионов), в то время как, согласно другим данным, полученным в результате исследования архивов, 4–5 миллиона человек умерли от голода, а общие потери населения (включая беженцев и пропавших без вести) равняются 5–7 миллионам. В настоящее время достаточно сложно отдать предпочтение какому-либо из двух вариантов. То же можно сказать и о третьем варианте, который, однако, предпочтительнее в силу того, что является усредненным. Согласно этому варианту, 6 миллионов крестьян погибли от голода. Характерно, что этот показатель не так далек от 7 миллионов жертв, в том числе 5 миллионов украинцев, предположение о которых высказано в одном из наиболее ярких публицистических материалов о «жате страданий» Р.Конквеста. Тем более оправданным представляется мнение о том, что голод был «самым страшным преступлением Сталина».

² Cp.: Merl, Bauern [см. сноски 1], с. 100 и далее; Он же. Wie viele Opfer forderte die «Liquidierung der Kulaken als Klasse»? // Geschichte und Gesellschaft. — № 4. — 1988. — С. 534–540; Stephan Merl. Das System der Zwangsarbeit und die Opferzahl im Stalinismus // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. — № 5. — 1995. — С. 277–305; Davies, Socialist Offensive [см. сноски 1], с. 235 и далее; Другие данные см.: D. Wolkogonow: Stalin. Triumph and Tragödie. Ein politisches Porträt. — Düsseldorf, 1989; Robert Conquest. Ernte des Todes. Stalins Holocaust in der Ukraine 1929–1933. — München, 1988.

В то же время более глубокий по своим последствиям тезис о геноциде украинской нации можно считать опровергнутым. Новые данные свидетельствуют, что от голода не менее пострадали и другие зерносеющие регионы, прежде всего на Северном Кавказе и в районе Нижней Волги (Саратов, Пенза). Дефицит продуктов питания, удручающе бедственное положение царили во всех областях с высокой урожайностью зерновых, так как в соответствии с жестким планом у крестьян изымали больше, чем они могли дать. Даже в тех случаях, когда органы власти действительно стремились спасти от самого худшего хотя бы часть страны, главное их внимание было обращено не на русские области (с расчетом в качестве дополнительного эффекта сломить упорство украинцев), а на города, рабочий класс и промышленность. Приоритетными были не национальные, а большевистские и марксистские соображения³.

Таким образом, при рассмотрении главного вопроса, вокруг которого в настоящее время ведутся споры⁴, следует, прежде всего, иметь в виду два факта:

1. Голодомор, вне всякого сомнения, был следствием принудительной коллективизации. Однако маловероятным представляется предположение о том, что он был спланированным и на него пошли сознательно. В этом заключается его отличие от идеологически направленной кампании преследования кулачества.
2. То, что голодомор не был умышленной акцией, конечно же, не освобождает режим от ответственности. Без объявления войны деревне катастрофа не была бы столь сокрушительной, даже если учесть то обстоятельство, что в России — по климатическим или иным причинам — постоянно случались неурожаи, иногда с достаточно серьезными последствиями.

Показательные процессы против старых большевиков

Третья разновидность сталинского террора, в отличие от преследования кулачества и голодомора, вызванного коллективизацией, наверняка не подпадает под определение «сталинские массовые преступление», однако она является одним из символов того времени. Речь идет о показательных процессах против знаменитой старой большевистской гвардии.

Предлогом для этих процессов стало событие, которое иногда сравнивают с путчем Рёма, а именно убийство 1 декабря 1934 года руководителя Ленинградской партийной организации Сергея Кирова. При всей неоднозначности толкований, о чем детальнее речь пойдет далее, с позиций сегодняшнего дня не подлежит сомнению тот факт, что эти выстрелы из револьвера разочаровавшегося коммуниста ознаменовали начало волны

новых невиданных репрессий, которые в последующем — примерно вплоть до ноября 1938 года — потрясли Советское государство. Составной их частью стало осуждение минимой контрреволюционной деятельности бывших соратников Сталина, а яркая режиссура процессов была предназначена всей стране и, конечно же, международной общест-венности.

Систопляска началась с процесса против Григория Зиновьева и Льва Каменева. Не прошло и двух недель с момента покушения, как Жданов, преемник Кирова по Ленинграду, публично назвал их именами. Зиновьева, Каменева и их «троцкистских» подручных обвинили в организации покушения. Тут же, на месте, началась кампания по искоренению «змеиног отродья». Были арестованы 13 ленинградских большевиков, которых вместе с убийцей Кирова в рамках секретного упрощенного производства приговорили к смертной казни. Одновременно пропагандистский аппарат усиленно искал хоть какое-то обоснование подобного приговора и воспользовался в качестве аргумента утверждением, что Зиновьев в прошлом якобы превратил Ленинградскую партийную организацию в собственную вотчину. Власть тогда еще считала необходимым придать всему происходящему видимость законности, какой бы уткой и фальшивой она ни была. Этим абсурдным подходом объясняется использование — как и в 1928–1931 годах — показательных процессов, острин которых теперь развернулось в сторону старых известных партийных деятелей. Частью государственного террора стали признания, выбитые силой, и предъявление обвинений следующим жертвам «по приказу сверху». Все это с максимальной поспешностью было пушено в ход после выстрелов в Кирова. Уже в середине декабря Зиновьев и Каменев очутились в тюрьме. Ввиду недостаточности доказательств их вначале приговорили к лишению свободы и отправили на Урал. Однако и они прошли через громкий судебный процесс. Их вынудили сознаться в поступках, которые они никогда не совершали. Мастерам пыток из НКВД и наводящим ужас судьям понадобилось еще полтора года для окончательной подготовки. Мучители не останавливались ни перед какими средствами, чтобы добыть желаемые признания вины. Они дезинформировали узников, истязали их непрерывными допросами, применяли (с явного одобрения Сталина) пытки и брали в заложники членов семей, родственников, включая детей. Действенными оказывались, как правило, угрозы применения и прямое применение силы против невинных людей. Решающее значение, однако, сыграло нарушение вождем данного им слова: в личной беседе Сталин принял условие Зиновьева и Каменева, пообещав им, что смертных приговоров не будет.

Процесс начался 19 августа 1936 года в Верховном военном суде. Главные обвиняемые послушно играли уготованную им роль. Каменев сознался в том, что совместно с Троцким и Зиновьевым был организатором и руководителем заговора против Кирова; Зиновьев покаялся в сползании «через троцкизм к фашизму» из-за «ошибочно понимаемого большевизма». Вместе с 14 товарищами по несчастью их признали виновными в убийстве «прекрасного большевика» и вынесли смертный приговор. Утром 25 августа, на следующий день после вынесения приговора, в газете «Правда» появилось сообщение о приведении его в исполнение. Кроважодное требование обвинителя Вышинского, которого по праву называют советским Фрайслером, убивать «всех этих бешеных собак» было исполнено с демонстративной поспешностью.

В том же духе последовали обвинения против других известных в прошлом членов партии. Как только во время слушания дела Каменева и Зиновьева прозвучали имена Пятакова, Радека, Бухарина, Томского, Рыкова и других (причем в объяснение причин вда-

³ Ср.: Merl. *Bauern* [см. сноску 1], с. 218 и далее; R.W.Davies/M.Harrison/S.G.Wheatcroft (Hrsg.). *The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. — Cambridge, 1994. — С. 16 и далее; 74; S.G.Wheatcroft. *More Light on the Scale of Repression and Excess Mortality in the Soviet Union in the 1930s*: J.A.Getty/R.T.Manning (Hrsg.). *Stalinist terror. New perspectives*. — New York, 1993. — С. 275–290; Conquest. *Ermle* [см. сноску 2], с. 373.

⁴ Начало дискуссии положила работа: St.Courtois и др. (Hrsg.). *Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror. Mit dem Kapitel «Die Aufarbeitung des Sozialismus in der DDR»* von Joachim Gausk und Erhart Neubert. — München, 1998; О дискуссии во французской и немецкой публицистике см.: Horst Möller (Hrsg.). *Der rote Holocaust und die Deutschen. Die Debatte um das «Schwarzbuch des Kommunismus»*. — München, Zürich, 1999.

ваться нет возможности, так как это увело бы нас слишком далеко), каждому, кто умел слушать, стало понятно, что власть назвала тем самым имена следующих жертв юстиции. Второй процесс состоялся в последнюю неделю января 1937 года. Прежними оказались не только председатель, обвинитель и место проведения суда — предъявление обвинения и рассмотрение дела тоже прошли в строгом соответствии с испытанным образцом. Поэтому их подробное описание излишне. Как и в первом случае, все 17 обвиняемых сознались в самых немислимых поступках. Радек — в духе своих мучителей — даже изобрел «троцкистов на четверть и на одну восьмую часть», что зловеще напоминает «получервев и других лиц с примесью еврейской крови». Сталинские подстрекатели обрушились на новых обвиняемых с бранью, называя их «шайкой бандитов, злодеев, фальсификаторов, диверсантов, шпионов, убийц», заслуживших «единственную меру наказания» — «расстрел, смерть». Как и в ходе первого процесса, судьям для вынесения приговора понадобилось несколько часов. Тринадцать обвиняемых были приговорены к смерти, четверо — к длительным срокам лишения свободы. Последним, однако, «снисходительность» судей ничего не дала. Спустя два года они умерли в исправительном лагере, причем Радек пал от рук наемных убийц, что подтверждается доказательствами.

Третий и последний большой показательный процесс стал одновременно самым значительным: вслед за так называемой левой оппозицией 1923–1927 годов (за исключением сосланного Троцкого) перед судом предстали Бухарин, Рыков и еще 19 так называемых правых уклонистов. Сталин, инсценировавший этот спектакль, решил пойти до конца. Об этом свидетельствует тот факт, что ни до, ни после этого процесса перед судом ни разу не стояло столько высокопоставленных товарищей. Процесс начался 2 марта 1938 года. Несмотря на истязания, продолжавшиеся в течение года, не все обвиняемые послушно подчинились режиссуре Вышинского. Наиболее непредсказуемо вел себя Бухарин. Он был в неплохом физическом состоянии и обладал достаточным ораторским талантом, чтобы открыть глаза на истину «между строк». Но вопрос, насколько ему в действительности удалось инсценировать «ответный процесс», остается открытым. Обвинение Бухарина в том, что он был агентом гестапо, вряд ли показалось кому-то убедительным. Однако абсурдность ситуации не вышла за встречное обвинение против Сталина, так как последнему, невзирая на странную видимость «честного» процесса, не было надобности заботиться о доверии к себе. За тремя исключениями обвиняемые были приговорены к смерти, а 15 марта 1938 года расстреляны как «паршивые собаки» (по выражению Вышинского). Вплоть до сегодняшнего дня наиболее непонятной остается не столько жестокость Сталина, сколько поведение Бухарина. В начале 1936 года он получил возможность уехать в Париж, где выступил с сообщениями о смертоносном характере Сталина. И все же после этого он возвратился к своему палачу⁴.

Террор, замешанный на произволе

С самого начала особое внимание уделялось и четвертой разновидности террора. Она стала воплощением сталинского насилия и сталинской диктатуры «красного тоталитаризма». Речь идет о самоуправных арестах и расстрелах сотен тысяч людей и депортации миллионов в лагеря для принудительных работ. Своего пика этот массовый террор достиг в период между августом 1936-го и весной 1938 года и связан с кратким пребыванием на посту председателя НКВД Николая Ежова. Роберт Конквест назвал этот период Большим Террором, и это понятие прочно вошло в обиход⁵.

Детали происходившего лучше всего прослеживаются на примере отдельных судеб. Не случайно при рассмотрении этой темы наиболее часто цитируются мемуары представителю литературной среды — например, знаменитое произведение Надежды Мандельштам «Век волков». Произвол и насилие органов госбезопасности приобрели не только новый размах, но и ввиду их непредсказуемости и жестокости вошли в жизнь каждого человека. Угроза принудительного труда или смерти стала повседневной, ужас проник во все сферы жизни. Необходимо было научиться справляться с ним так же, как с болезнями или несчастными случаями. По сообщению зарубежного бюллетеня того времени, людей не арестовывали, они просто «исчезали». Ночами по городским улицам рыскали «черные воронки» НКВД, а их потенциальные жертвы с уже приготовленными котомками до рассвета не смыкали глаз, ожидая звонка в дверь. Многие пытались подавить страх алкоголем. Большинство же игнорировало опасность или, по крайней мере, пытались это делать, как обычно игнорируют повседневную возможность какого-либо удара судьбы.

Этот террор основывался на тех же принципах, что и войны древности: большей частью он питал сам себя, поэтому вопрос о числе его жертв остается открытым. До распада Советского Союза приходилось пользоваться отрывочными и большей частью субъективными источниками, главным образом мемуарами, воспоминаниями о пережитом, а позже филозными разоблачениями. Положение усугублялось еще и многообразием страданий и репрессий. Этими причинами можно объяснить и большие расхождения в оценках.

Приведем для иллюстрации несколько примеров. Данные о количестве арестованных колеблются в пределах от 19,8 миллиона (1935–1940 годы; О.Шатуновская) до 3,5–4,5 миллиона (Д.Волконов), об узниках лагерей и тюрем — от 8 миллионов (Р.Конквест) до 16 миллионов (А.Антонов-Овсеенко), а о казненных (1937–1938 годы) — от 0,5–0,6 миллиона (Р.Медведев) до 7 миллионов (О.Шатуновская)⁶. При подобных расхождениях любой статистик придет к выводу, что результаты, очевидно, не имеют рационального смысла и свидетельствуют о большом различии применяемых категорий. Вероятно, некоторые цифры основаны на подсчете арестов как таковых, без учета того, сколько арестованных впоследствии было освобождено из лагерей. Кроме этого, достаточно неопределенным остается понятие жертвы. Одни называют жертвой всякого, кого «забирали» органы, другие относят к ним только погибших. Оба понятия — по крайней мере, в немецком языке — могут обозначаться одним словом, однако их следует разграничивать

⁴ Литературу и ссылки по этому вопросу см.: Hildermeier, *Geschichte der Sowjetunion* [см. сноску 1], с. 450 и далее, с. 456 и далее.

⁵ Ср. новое издание: R. Conquest, *The Great Terror. A Reassessment*. — New York, 1990.

⁶ Ср. обобщающие данные: J. A. Getty/G. T. Rittersporn/V. N. Zemskov, *Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence* // *American Historical Review*. — № 4. — 1993. — С. 1022.

при количественной оценке размаха сталинского террора. В случае применения полностью недифференцированного понятия жертвы не вызывает удивления цифра в 20 миллионов (!) случаев (*casualties*), т.е. имеются в виду умершие за весь период сталинской диктатуры (1929–1953). Эту цифру приводит Конквест в послесловии к новому изданию своей книги о Большом Терроре (1990) — и это несмотря на то, что он выделяет умерших из общего числа репрессированных, которое оценивает в 40 миллионов человек (!). От подобных цифр невозможно отмахнуться, и об этом свидетельствует бурная реакция французской и немецкой прессы на появление «Черной книги коммунизма». Во вступлении Куртуа снова появляется зловещая цифра в 20 миллионов человек, погибших в результате сталинского террора, хотя прекрасная, написанная со знанием дела статья Н.Верта о Советском Союзе 1917–1953 годов, также опубликованная в этом труде, намного сдержаннее; автор не оперирует подобными, едва ли достоверными, цифрами⁸.

Вне зависимости от упомянутых проблем претензия на научность обываает профессиональных историографов к предельно правдивому освещению и этого аспекта сталинского террора. После того как были открыты архивы, стало возможным предпринять первые шаги в этом направлении. Оказалось, что бюрократы в аппарате НКВД (как и их коллеги в главном управлении имперской безопасности) вели тщательный учет. Появились списки и цифры, которые никто не считает исчерпывающими или окончательными, которые не лишены собственных ошибок, но впервые дают представление о картине в целом.

Оценка этих данных приводит к выводу о необходимости корректировки прежних расчетов в сторону уменьшения. Вместо 7–8 миллионов узников всех трудовых лагерей (53 в марте 1940 года) и всех трудовых колоний (425 в тот же период) документально подтверждается цифра в 2 миллиона. Вместе с узниками тюрем и ссыльными из числа кулаков в сумме получается максимум 3,5 миллиона репрессированных в довоенный период. Вместо, как минимум, 3,5–4,5 миллиона арестов в период Большого Террора с 1937 по 1938 год (однако наиболее распространенные цифры — 7–8 миллионов: Р.Конквест) внутренняя статистика НКВД дает основания предположить, что их максимальное число составляет 2,5 миллиона. Что касается казенных в этот период, то вместо одного или нескольких миллионов (за исключением заниженной цифры в 0,5 миллиона) документальные подтверждения получены в отношении 680 тысяч человек. Эти данные наверняка тоже являются далеко не точными, однако минимизируют допустимую статистическую погрешность с миллионов до сотен тысяч. Наконец, иным оказывается и порядок цифр, относящихся к тем категориям жертв, которые чаще всего выступают в качестве мерила жестокости сталинского террора, т.е. умерших в лагерях, колониях и в ссылке преимущественно вследствие голода, истощения или болезней. К документально подтвержденным 3,5 миллиона наверняка следует добавить доселе неучтенных. Но в соответствии с нынешним уровнем сведений «истинное» число, если его когда-нибудь удастся установить, вряд ли будет существенно отличаться от этих показателей⁹.

⁸ Ср.: Conquest Great Terror [см. сноscopy 6], с. 486; Courtois и др. (Hrsg.). Schwarzbuch [см. сноscopy 4], с. 16. В отличие от него Верт руководствуется главным образом архивными данными Гетти, Риттершпорна и Земскова, см., в частности: там же, с. 229 и далее.

⁹ Ср. приложение со статистическим материалом на основе работы Getty/Rittersporn/Zemskov. Victims [см. сноscopy 7] в соответствующем новейшем сборнике документальных материалов: J.A. Getty. The road to terror. Stalin and the self-destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. — New Haven, 1999. — С. 489–492.

Проблема трактовки

При рассмотрении приведенных цифр встает проблема их истолкования, к которой подводит краткий обзор основных форм проявления и этапов сталинского террора. Ведь видимость объективности достаточно обманчива и в этом случае. Кажущаяся нейтральной «статистика» террора на самом деле не является таковой. Тот, кто хорошо знает суть дела, без труда обнаружит, что внушительные цифры, как правило, приводят авторы консервативного толка, в то время как более сдержанные оценки дают те, кто занимает совершенно иные мировоззренческие позиции. То же характерно и для различных предложений по толкованию террора, которые вносились в течение последних десятилетий. От классификаций следует отказаться в силу их естественной субъективности. Однако нельзя не упомянуть о фактическом состоянии дел (являющемся в конечном счете итогом мировоззренческого видения событий в общую систему обществоведческого познания), чтобы на этом фоне подчеркнуть гипотетический и относительный характер вкратце изложенных далее соображений.

К достаточно часто упоминающейся зависимости соответствующих подходов от позиции исследователя следует добавить еще одно предостережение (*caveat*): предложения по истолкованию зачастую соотносятся с разными проекциями. В результате объектами сравнения могут оказаться если не груши и почталыоны, то, по крайней мере, груши как плоды и груши как деревья. Поэтому разные концепции могут считаться альтернативными лишь отчасти. Иные вообще находятся, так сказать, «в другой категории», поскольку относятся к иному дискуссионному контексту, а чаще всего и к иным временным и политическим координатам.

Приведу три варианта толкования рассматриваемых событий, а также четвертый, усредненный, который кажется мне наиболее приемлемым.

Первый вариант — самый новый, однако приводится первым в силу своего наиболее общего характера. Он предполагает *связь между коммунистической идеологией и террором*. Тот, кто стремится к изменению сложившейся действительности — экономики и государства, общества и культуры — в соответствии со своими предварительными сформулированными в виде чистой теории представлениями и неуклонно идет к этой цели, должен принимать в расчет необходимость подавления сопротивления. Утопия равенства, как назвал эту взаимосвязь в своем популярном сочинении один из советских философов последних лет горбачевской перестройки¹⁰, привела к террору против тех, кто не выписывался в нее. После развала Советского Союза Мартин Малия, некогда преподававший в Беркли, сделал эту мысль лейтмотивом своего разоблачительного труда, который вышел в Германии под сенсационным названием «Безумие, ставшее явью». Уже только по этой причине то, что было предложено немецкому читателю авторами «Черной книги коммунизма», и то, что в качестве утопии «чистого», однако на значительно более высоком уровне, стало для Герда Кёнена путеводной нитью его общего анализа¹¹, не является чем-то новым. Напротив, мысль эта стара и позаимствована из ранней теории

¹⁰ А. Ципко. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. — № 11. — 1988. — С. 45–55; № 12. — 1988. — С. 40–47; № 1. — 1989. — С. 46–56; № 2. — 1989. — С. 53–61.

¹¹ M. Malia. Vollstrecker Wahn. Rußland 1917–1991. — Stuttgart, 1994 (англ.: The Soviet Tragedy); G. Koenen. Utopie der Säuberung. Was war der Kommunismus? — Berlin, 1998.

тоталитаризма. Утопия и идеология не являются прагматичными по своему определению (per definitionem), они непримиримы к иным формам действительности и «идут по трупам» — в послевоенный период это утверждение стало практически общим местом в характеристике обеих диктатур.

Однако это означает и то, что указанная взаимосвязь в этой своей общей форме, безусловно, отражает суть явления. При таком подходе к числу кратко представленных «типов» сталинского террора следовало бы отнестись принудительную коллективизацию и — с определенными оговорками — голодомор. По крайней мере, с момента выхода в свет книги Стефана Мерля об истоках коллективизации¹² не подлежит сомнению, что имевшее решающее значение постановление Политбюро следует понимать не в качестве нападения как лучшего способа выхода из затруднительного положения, а в качестве целенаправленного осуществления идеологической программы. Голодомор также не поддается осмыслению в отрыве от насильственной коллективизации. В «Черной книге коммунизма» критике подлежит не постулат этой взаимосвязи, которая еще более явно обнаруживает себя в случае с Китаем, а то обстоятельство, что ни в одной из статей, тем более во введении Куртуа, выдержанном в плакатном стиле, этот постулат не получает дальнейшего развития. Поэтому вообще не ставится имеющий существенное значение вопрос о том, действительно ли следует отличать сталинизм (который всегда равнялся советскому терроризму) от самого Сталина. В самом деле, старое разграничение между ленинизмом и сталинизмом давно обветшало. «Культура насилия», равно как и диктатура партий, существовала уже с октября 1917 года¹³. Скорее всего, намного больше, чем думали раньше, было и повседневного насилия (в первую очередь, по отношению к крестьянам)¹⁴. Но до Сталина не было крестового похода против деревни и тотального террора, который в конечном счете обернулся против самой партии.

Второй вариант является порождением концепции тоталитаризма, или (это еще вернее) того, что англосаксонская историческая советология понимала под ней. Здесь имеется несколько исходных предположений, которые можно обобщить следующим образом. Сталин, в руках которого были все нити власти и все средства контроля, стоял у истоков насилия и извлекал из него выгоду. Он инициировал не только показательные процессы, но и массовые аресты, а также расстрелы, так как усматривал в них наиболее подходящее средство для устранения соперников и обеспечения единоличной власти. При этом перманентная угроза произвола и террора, как свидетельствует подробный вариант такого толкования, предложенный Мерль Фейнсод, имела, как минимум, то же значение, что и реализация этой угрозы на практике¹⁵. С этой точки зрения террор становится необходимым ферментом перехода от монопольного партийного владычества к индивидуальной диктатуре. Как таковой он неотделим от личности диктатора: Сталин стремился

к единоличной власти и захватил ее способом, отвечавшим его жестокому характеру интригана. Одновременно на практике диктатура опиралась на новые методы и средства массовой манипуляции, социального контроля, политического руководства, создания харизмы и полицейского надзора, по крайней мере над всеми коллективными проявлениями. Личная диктатура обрела форму осуществляемого партией и ее вождями тоталитарного правления.

Нетрудно заметить, что такое толкование зиждется на одной «истории». Она началась с убийства председателя Ленинградской партийной организации, в котором Хрущев в своем знаменитом закрытом докладе на XX съезде КПСС в 1956 году обвинил Сталина. Это убийство стало поводом для инсценировки показательных процессов, а также выборочной травли различных целевых групп: старых большевиков, партийной и хозяйственной элиты вплоть до высшего командования. Немецкое название знаменитой книги Роберта Конквеста «Большой Террор», посвященной анализу тоталитаризма, — «Вначале умер товарищ Киров» как нельзя лучше отражает именно *конструктивный* аспект этой «саги» о терроре¹⁶.

В конце 70-х годов все чаще стали раздаваться возражения против такого толкования террора. В конечном счете они вылились в **третий вариант**. Его сторонники, которые известны в США как ревизионисты, но охотнее называют себя социальными историками, показало немыслимым то, что аресты и депортация миллионов людей могли производиться по воле одного человека. На среднем, тем более нижнем уровне, в городских и районных организациях, импульс насилия распространялся сам по себе, нарастая как снежный ком. Для отлучения от партии достаточно было «неправильного» происхождения. Саботажников и диверсантов хотели найти и потому нет ничего удивительного в том, что их действительно находили. Целая организация, пришедшая в движение для того, чтобы покончить с «противниками», не могла не находить их, чтобы на поверку не оказаться неспособной выполнить свое предназначение. В этом смысле навешенное идеологией представление трансформировалось, по выражению Габора Риттершпорна, из «подстрекательского новсюду заговора» в угнетающую реальность¹⁷. При этом иногда срабатывали и личные мотивы. Специальные исследования показали, что поощрение предательства и депортаций предоставило заманчивую возможность для сведения старых счетов. К тому же положение усугублялось политическими и организационными реалиями, способствовавшими выделению институтов насилия в особую категорию и, возможно, высвобождению «террористических наклонностей».

¹² Merl. Anfänge [см. сноску 1].

¹³ Cp.: Stefan Plaggenborg. Gewalt und Militanz in Sowjetrußland 1917–1930 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — № 3. — 1996. — С. 409–430; Он же. Stalinismus als Gewaltgeschichte: Stefan Plaggenborg (Hrsg.). Stalinismus: neue Forschungen und Konzepte. — 1998. — С. 71–112.

¹⁴ Cp.: V.N. Brovkin. Behind the front lines of the civil war. Political parties and social movements in Russia, 1918–1922. — Princeton, 1994. Новые документы по этому вопросу в кн.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы в 4 томах / Под ред. А. Берelowича, В. Данилова. — Т. I: 1918–1922. — Москва, 1998.

¹⁵ M. Fainsod. Wie Rußland regiert wird. — Köln, 1965. — С. 469 и далее.

¹⁶ См.: Robert Conquest. Am Anfang starb Genosse Kirow. Säuberungen unter Stalin. — Düsseldorf, 1970; Cp. эти эпитетические образы в воссозданном виде со всеми примерами в кн.: A. Getty. The politics of repression revisited: Getty/Manning. Stalinist terror [см. сноску 4], с. 42 и далее; Последняя авторитетная работа такого же типа: R.C. Tucker. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941. — New York, London, 1990. — С. 238 и далее.

¹⁷ Cp.: G. T. Rittersporn. The Omnipresent Conspiracy: On Soviet Imagery of Politics and Social Relations in the 1930s: Getty/Manning. Stalinist terror [см. сноску 4], с. 99–115; Исследование выполнено в рамках книги: G. T. Rittersporn. Stalinist simplifications and Soviet complications: social tensions and political conflicts in the USSR, 1933–1953. — New York, 1991 [название оригинального издания на французском языке: Simplifications stalinienne et complications soviétiques. Tensions sociales et conflits politiques en U.R.S.S. (1933–1953). — Paris, 1988].

Правомерность **четвертого** варианта подтверждается анализом протоколов Политбюро 30-х годов, проведенным после того, как были открыты соответствующие архивы. После ознакомления с работой Олега Хлевнюка буквально напрашивается вывод о *совместимости* второго и третьего вариантов: «тоталитаристской» гипотезы о Сталине как *master mind* и «ревизионистского» растворения террора в самодинамике организационного хаоса и борьбы за власть на местах. Предположения о возможности параллельного существования обеих форм ничем не опровергаются. Убедительной иллюстрацией того, как это могло выглядеть на практике, являются две главные находки упомянутого исследователя. Хлевнюку удалось обнаружить списки 259 тысяч 450 человек, подлежавших аресту, и 72 тысяч 950 человек, подлежавших расстрелу, подписанные собственноручно Сталиным и членами Политбюро только за период с августа по декабрь 1937 года. В то же время он нашел многочисленные просьбы местных руководителей о повышении квот, в отдельных случаях на 100%¹⁸.

Возможно это, несомненно *новое*, качество террора — *тоталитарность*, которое еще предстоит объяснить, является следствием именно *сочетания инициативы центра и претворения ее в жизнь на местах*. При таком взгляде Сталин, фигурально выражаясь, действительно только «зажег спичку», в то время как запал уже существовал в форме социального и административного конфликтного потенциала того общественного порядка, который еще не оправился до конца от шока насильственной и глубоко проникающей «революции сверху»¹⁹.

¹⁸ Ср.: O.V. Chlebnjuk. Das Politbüro. Mechanismen der politischen Macht in der Sowjetunion der dreißiger Jahre. — Hamburg, 1998. — С. 274 и далее.

¹⁹ Ср.: Gcuty/Manning. Stalinist terror [см. сноску 4], с. 15.

Терри Мартин

Террор против наций в Советском Союзе

Для ортодоксального марксиста, тем более коммуниста, планомерная депортация целых наций является, наверное, самой труднообъяснимой формой советского террора. Марксизм делает ставку на классовую борьбу, и террор, основанный на ней, поддается объяснению как орудие, необходимое для прихода к власти и удержания ее в целях революционного преобразования общества. В этом были убеждены и Ленин, и Сталин. Террор против «бывших», которые, согласно строгому марксистскому анализу, не относились к определенному классу и репутация которых была только «подмочена» предпологаемыми связями со старым режимом (служащие царской полиции, офицеры белой армии, православные священники), мог быть оправдан теми же причинами.

И действительно, большевики вообще не видели разницы между террором против групп людей, выделенных на основе классовых признаков (дворяне, капиталисты, кулаки), и иных «бывших». В обоих случаях это была форма «классового террора»¹. Правда, террор, развязанный Сталиным против партийной элиты, был намного менее понятным, и оправдать его было намного труднее, однако нестигаемые ленинцы могли все же и смутно найти объяснение (хотя бы как некой гротескной деформации традиционной ленинской практики периодических партийных «чисток» от враждебных и чужеродных элементов). Перевод Сталиным обычных уголовников в категорию «политических» также стал в определенной степени новым явлением, однако мог быть преподнесен как акция против тех, кто, в свою очередь, осуществлял деятельность, направленную против социалистического строя.

И все же довольно трудно отыскать общие положения в марксизме или, конкретнее, ленинизме, которыми можно было бы оправдать террор, направленный против целых наций. Невероятно, но факт: советская пропаганда никогда не делала попыток публично оправдать депортации, она хранила молчание в отношении этого постыдного отклонения от принципа марксистского интернационализма². Это молчание находилось в резком противоречии с крикливой пропагандой, развернувшейся в связи с раскулачиванием и показательными процессами.

¹ Sheila Fitzpatrick. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. — № 65. — 1993. — С. 745–770.

² В 1944 году против депортированных народностей были публично выдвинуты обвинения в пособничестве немцам, однако впоследствии о них мало кто вообще вспоминал; ср. в этой связи: Robert Conquest. The Nation Killers. The Soviet Deportation of Nationalities. — London, 1977.

Депортации были не просто чрезвычайной формой общей советской политики, направленной против целых народов. В настоящее время существует фактически единое мнение, согласно которому советский режим не только в целом положительно относился к различным формам проявления национального самосознания со стороны советских граждан нерусского происхождения, но даже пытался содействовать им — однако во всех этих случаях имелись четкие установки относительно форм проявления национальной идентичности. Длительное время выдвигался аргумент, согласно которому подобная «положительная» национальная политика ограничена ленинской эрой, но потом выяснилось, что в значительно урезанном виде она существовала в течение и всей сталинской эпохи³.

Как идеология интернационализма, марксизм, что совершенно понятно, был направлен против национализма — национализм считался буржуазным и капиталистическим явлением. За регулярными кампаниями против «буржуазного национализма» в Советском Союзе не скрывалась какая-либо проблематика идеологического характера — в советской прессе они широко и без угрызений совести приветствовались в качестве формы классово обоснованного террора. Однако феноменом, требующим объяснений, остается советский террор против целых этносов, народностей и отдельных лиц в связи с их национальной принадлежностью. Поскольку такая практика слишком явно противоречила идеологии Коммунистической партии, в исследовании этого вопроса вначале необходимо сосредоточиться на выяснении взаимосвязи между коммунизмом и террором.

Имеются достаточно объемные документальные подтверждения различных кампаний террора против отдельных национальностей⁴. До Второй мировой войны они были направлены против так называемых диаспорных наций, т.е. против таких этносов — в частности, поляков, немцев, финнов и корейцев, — большая часть представителей которых находилась в местах компактного проживания вне границ Советского Союза (как правило, в собственном национальном государстве). Существенная часть такого населения (а этническая группа корейцев полностью) была выселена из пограничных областей СССР. Впоследствии эти же этносы стали первой мишенью во время массовых операций Большого Террора. И действительно, почти половина всех казней 1937–1938 годов была частью подобных «операций против отдельных народностей»⁵. Во время войны и сразу после ее завершения жертвами депортаций стали немцы, финны, греки, болгары, курды и армяне (проживавшие в Крыму, а не в Армянской ССР).

Война положила начало другому новому по форме явлению: депортировались целые группы населения в составе коренных советских этносов, такие как калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, кабардинцы, крымские татары и турки-месхетинцы⁶. Террор на ан-

нексированных незадолго до этого территориях (Прибалтика, Молдавия, Западная Украина и Белоруссия) был направлен не против отдельных лиц в связи с их национальностью, а против представителей тех же «враждебных» классов и «бывших», которые подвергались систематическим нападкам в 1918–1938 годах на территории остального Советского Союза⁷.

Однако после того как, согласно декрету от 26 ноября 1948 года, так называемых спецпереселенцев (т.е. тех депортированных, которые вынуждены были жить в изгнании под надзором НКВД) разбили на две группы: приговоренные к пожизненной ссылке (в основном это был национальный контингент) и сосланные на определенный срок (кулаки, члены власовской армии, «туеядцы»), всех депортированных из западных областей только из-за их национальной принадлежности стали относить к категории «вечноссылных», даже если ссылали их как кулаков или власовцев⁸. Таким образом, первоначальный классовый террор в западных областях подвергся последующей «национализации» или же «этнизации».

Практика большевистского террора

Краткий обзор свидетельствует о том, что террор, направленный против национальностей, представлял собой довольно существенный фактор. На его долю приходится без малого половина всех казней, совершенных во время Большого Террора, и половина всех сталинских депортаций. Поскольку ни труд «Что делать?», ни последующие идеологические заявления большевиков не проливают свет на этот удивительный факт, представляется целесообразным предпослать дальнейшему изложению несколько замечаний относительно *практики* большевистского террора, а не его теории⁹.

Вначале существовало три разновидности советского террора (точнее, насилия и поноуждения, так как террор не был единственной целью большевиков): казни, лишение свободы и депортации¹⁰. За исключением «красного террора» периода гражданской войны, Большого Террора 1937–1938 годов и Катинской резни, казни в рамках сталинской системы террора практиковались относительно редко. Что касается лишения свободы и депортаций, то они были распространены в равной мере и коснулись миллионов советских граждан.

³ Турки-месхетинцы — довольно комплексная категория. К моменту депортации они имели статус азербайджанских турок, живших в Грузии, их вполне можно считать этнической группой турок диаспоры, так как действительно существовала достаточно сильная связь с турецкими соплеменниками по ту сторону границы. Ср.: Н.Ф. Бугай. Турки из Месхетии. Долгий путь к реабилитации (1944–1994). — Москва, 1994.

⁴ Лучшее всего этот вопрос освещен в работе: О.А. Горланов, А.В. Рогинский. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг.: Репрессии против поляков [см. сноску 5]. — С. 114–136.

⁵ В.Н. Земсков. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. — № 11. — 1990. — С. 9.

⁶ В последующих четырех главах обобщены доводы, которые можно найти в кн.: Martin. Stalinist Forced Relocation Policies [см. сноску 4]; Провокационную оценку советской «национальной политики» ср.: Peter Holquist. To Count, to Extract and to Exterminate: Population Statistics and Population Policies in Late Imperial and Soviet Russia: Ronald Suny/Terry Martin (Eds.). A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin (предположительная дата публикации — 2001 год).

¹⁰ Вопрос о советском терроре лучше всего освещен Николасом Вестом в обширном эссе: Ein Staat gegen sein Volk. Gewalt, Unterdrückung und Terror in der Sowjetunion: Stéphane Courtois и др. (Hrsg.). Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror. — München, 1998. — С. 51–295.

¹ Ronald Grigor Suny. The Revenge of the Past. — Stanford, CA, 1993; Yuri Slezkine. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. — № 53. — 1994. — С. 414–452; Terry Martin. An Affirmative Action Empire: Ethnicity and the Soviet State, 1923–1938. — Ph.D. diss., University of Chicago, 1996.

² Terry Martin. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History. — № 70. — 1998. — С. 813–861; Н.Ф. Бугай. Л. Берия — И. Сталину. Согласно вашему указанию. — Москва, 1995; Terry Martin. Stalinist Forced Relocation Policies: Patterns, Causes, Consequences. — Sharon Russell and Myron Weiner (Eds.). Moving Targets: Demography and Security. — Cambridge, 2000.

³ Martin. The Origins [см. сноску 4]; В.Петров, А.В. Рогинский. «Польская операция» НКВД, 1937–1938 гг.: Репрессии против поляков. — Москва, 1997. — С. 22–43; Н.Охотин, А.Рогинский. Из истории «немецкой операции» НКВД, 1937–1938 гг.: Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. — Москва, 1999. — С. 35–74.

Сталинские массовые депортации отличаются категориальной и профилактической направленностью. Они носили категориальный характер, так как речь шла не о том, что человек сделал в действительности, а о том, принадлежит ли он к категории населения с соответствующим клеймом. Профилактический характер состоял в том, что эти депортации использовались не для насильственного перемещения отдельно взятого лица или наказания преступника, а для того, чтобы убрать подальше человека, который при первой возможности предположительно мог совершить уголовно наказуемое деяние. Иными словами жертву спрашивали не «что ты совершил?», а «кто ты?». Характерно, что ответ на вопрос о том, кем является депортированный — кулаком, калмыком, польским «поселенцем» или «православным», выяснялся путем индивидуального обращения к нему.

Существовало лишь несколько исключений из этого общего правила. После Второй мировой войны все власовцы, воевавшие на стороне немцев в составе освободительной армии Власова и других (нерусских) соединений, были сосланы на шесть лет ввиду достаточно очевидного конкретного деяния (борьба против Красной Армии), причем тех, чьи преступления оценивались как особо тяжкие, выделяли в отдельную группу и направляли в лагеря¹¹.

Массовые же аресты в Советском Союзе осуществлялись отчасти в индивидуальном порядке, а отчасти по формально-категориальным признакам. Эти акции были направлены против определенных категорий населения — например, украинской интеллигенции, галицких эмигрантов 1933 года, однако далеко не все представители этих категорий действительно были лишены свободы. Вместо этого, как правило, задерживались лица, состоявшие на учете в органах госбезопасности в связи с возможными антисоветскими акциями или подозрительным поведением, а также те, у кого во время террористических кампаний находили так называемый компромат.

Аресты оставались в основном профилактическим средством, поскольку «компромат» в большинстве случаев использовался только для того, чтобы обосновать имевшиеся подозрения в антибольшевистском поведении или антибольшевистских планах. Подозрения — если сравнить их с причинами для депортации — были аргументом более весомым и конкретным, они касались отдельно взятой личности, а не категории населения. Поэтому вопросы «кто ты?» и «что ты сделал?» задавали тем, кто оказывался в тюрьме. Однако и здесь были исключения. Большой Террор достиг такого размаха, что аресты и казни охватили большое число представителей определенных категорий (прежде всего, диспорных наций), причем конкретные причины задержания перестали играть какую бы то ни было роль¹².

Примечательно, что депортации и аресты осуществлялись с различными, однако взаимодополняющими целями. Аресты определенного количества лиц, причислявшихся к категории депортированных и считавшихся антисоветскими элементами (в большинстве своем это были люди, взятые на учет органами госбезопасности), производились до и во время массовых депортаций. Разделение кулаков на две категории (первая — элемент, осуществлявшие активную антисоветскую деятельность и подлежащие аресту; вто-

рая — преимущественно лица, подлежавшие выселению) использовалось в качестве схемы при последующих депортациях¹³.

На практике массовые депортации все чаще применялись по отношению к тем людям, которые считались подозрительными, но к индивидуальным действиям против которых (арест и судебный процесс) режим был либо не готов, либо не считал их целесообразными.

Как отмечалось ранее, террор, направленный против отдельных национальностей, включал в себя, в первую очередь, массовые депортации и носил поэтому почти исключительно упреждающий характер. Теперь предстоит пролить свет на вопрос о том, как отдельные национальности попали в разряд тех групп населения, профилактические депортации которых Сталин считал необходимыми.

Негативное отношение к понятию «национальность»

Прежде всего, заметим, что, хотя нации вначале и не относились к числу групп, как-либо заклеенных большевиками, все же они составляли существенный элемент советской системы социальной категоризации¹⁴. Представителям «отсталых» народностей отдавалось предпочтение и в плане получения образования и трудоустройства, и в плане возможности вступления в партию. Коренным нациям оказывалась такая же поддержка в соответствующих республиках. Эти мероприятия были частью советской политики национального развития, стратегии «обезоруживания» национализма путем поддержки формы национального сознания, которые не могли помешать общему большевистскому плану строительства централизованного социалистического государства.

Одна из форм большевистской поддержки включала в себя даже некую разновидность возвращения к национальным истокам («положительном смысле»)¹⁵. Рассеянные по стране евреи, рома и ассирийцы на добровольной основе доставлялись в компактные сельские поселения в целях создания национальных территорий. В уже существовавших к тому времени этнических поселениях (например, немецкие и польские районы в Украине) в распоряжение новых поселенцев предоставлялись пахотные земли, т.е. уже в 20-е годы осуществлялись переселения по национальному признаку, которые не были карательными по своей сути.

Национальность всегда оставалась советской категорией. Вопрос только в том, каким образом в определенных случаях происходило превращение этой категории из «нейтральной» или «положительной» в вызывающую подозрение, что, в свою очередь, вело к профилактическим мерам принуждения в форме массовых депортаций. Этот процесс проходил в два этапа. На первом этапе анафеме предавались нации, имеющие диаспору. Ключевым моментом здесь является то, что я называю «советской ксенофобией»: превеликий страх и настороженность перед лицом «заразы» извне. Враждебность в отношении иностранцев приобрела этническую окраску ввиду существования этнических связей с зарубежьем. Как упоминалось ранее, Ленин и Сталин были убеждены, что национальный фактор представляет собой довольно действенный эмоциональный рычаг,

¹¹ П.М. Полян. Жертвы двух диктатур. Воиннопленные и старбайтеры в Третьем рейхе и их репатриация. — Москва, 1996.

¹² Ср. в этой связи: Петров/Рогинский. «Польская операция» [см. сноску 5] и Охотин/Рогинский. Из истории [см. сноску 5].

¹³ Н.А. Ивинский. Коллективизация и раскулачивание, начало 30-х гг. — Москва, 1996. — С. 68 и сл.

¹⁴ Ср.: Терри Мартин. An Affirmative Action Empire [см. сноску 3].

¹⁵ Терри Мартин. The Origins [см. сноску 4], с. 825 и сл.

однако им следует пользоваться в рамках стратегической национальной политики, которая, в свою очередь, должна учитывать проявления национальной идентичности.

С учетом такой веры в эмоциональное воздействие этнических связей вряд ли кого-то может удивить тот факт, что в 20-е годы в СССР был выдвинут постулат об использовании зарубежных этнических связей для усиления советского влияния за границей. С этой целью, наряду с другими акциями, были созданы национальные республики Молдавия и Карелия, расширена территория Белоруссии и успешно осуществлялась широкомасштабная украинизация¹⁶.

Логика этой политики предусматривала и реальную возможность обратного процесса: зарубежные государства, благодаря этническим связям за пределами своих границ, получали возможность враждебно влиять на Советский Союз. Это еще в 20-е годы стало существенной причиной ярко выраженного негативного отношения к иностранцам в СССР. А события после 1928 года (особенно массовая эмиграция диаспорных наций как реакция на коллективизацию и появление авторитарных враждебных режимов в Германии, Японии, Центральной и Восточной Европе) убедили советское руководство в том, что диаспорные нации действительно представляют потенциальную угрозу, поэтому их и отнесли к разряду подозрительных национальных групп.

В результате был предпринят ряд профилактических депортаций представителей этих наций в глубь страны, подальше от границ. Наибольшего размаха эти акции достигли во время Большого Террора (1937–1938), когда была депортирована корейская этническая группа и проведены массовые операции против остальных этнических групп.

Распространение террора на представителей коренных наций

Вторым этапом террора против представителей различных национальностей стал переход от профилактических депортаций диаспорных наций к насильственному перемещению семи коренных этнических групп: калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, кабардинцев, крымских татар и турок-месхетинцев. Эти изменения в советской внутренней политике нуждаются в дополнительном разъяснении.

Во-первых, депортация данных национальных групп была бы просто немыслима без предшествовавшей ей депортации диаспорных наций, узаконившей и практику террора, направленного против этнических групп, и концепцию «нации-врага».

Во-вторых, в 30-е годы можно было наблюдать постепенное смещение в советском толковании понятия «национальность»: от нации как явления в сущности современного, сложившегося под влиянием случайных факторов, к нации как сообществу с глубокими генетическими корнями¹⁷. Это, в свою очередь, существенно облегчило формирование представления о «нации-враге» с изначально присущими ей негативными неискоренимыми свойствами.

В-третьих, враждебность к иностранцам, которая приобрела этническую окраску, также сыграла определенную роль в некоторых из этих депортаций. Именно соображения

¹⁶ Terry Martin. *The Origins* [см. сноски 4], с. 829–832.

¹⁷ Terry Martin. *Modernization or Neo-Traditionalism: Ascribed Nationality and Stalinist Primordialism*. Sheila Fitzpatrick (Ed.). *Stalinism: New Approaches*. — London, 2000. — С. 348–367.

безопасности ввиду зарубежных связей крымских татар и месхетинцев с Турцией приводились в качестве оправдания массовых принудительных перемещений в период, когда война с Турцией казалась вполне возможной¹⁸.

В-четвертых, немецкое вторжение послужило подтверждением — пускай даже тенденциозному — аргумента, согласно которому некоторые нации пошли на прямое сотрудничество с врагом даже при отсутствии каких-либо этнических связей.

Фактор «социально чуждых элементов»

Очевидно, что эти четыре фактора сыграли важную роль в депортациях 1943–1944 годов, однако их недостаточно, чтобы объяснить, например, депортацию всей чеченской или ингушской народности. Здесь, по-видимому, мы имеем дело с третьим видом советского террора. Помимо классового террора, который привел в 1917 году к власти большевиков, и террора 30-х годов, основанного на вражде к иностранцам и направленного против этносов, имел место и террор, мишенью которого стали так называемые социально чуждые элементы. Особенно ярко он проявлялся в «чистках», которые проводились в крупных городах и сопровождались паспортными проверками. Кроме представителей определенных классов, например кулаков, объектом этих операций стали бывшие уголовники, туеядцы, проститутки и другие «общественно вредные элементы»¹⁹. «Чистки» в городах продолжались в течение 30-х годов и увенчались объединением бывших уголовников и кулаков в печально известном указе НКВД № 00447, который положил начало массовым операциям Большого Террора.

Подавление «социально чуждых элементов», как и террор, отмененный печатью ксенофобии, легко могло быть переведено в национальное русло. Так и случилось. В 1933 году объектом депортаций, предпринятых после паспортных проверок, стали объявленные нежелательными городскими элементами рома²⁰. Меморандум НКВД 1945 года является документальным подтверждением депортаций и компактного расселения этнической группы рома на удаленных территориях, причем этих людей обвиняли не в контрреволюционности, а в уголовных преступлениях и социальных беспорядках²¹.

Что касается депортаций ингушей и чеченцев, то совершенно очевидно, что и здесь существенным, если не решающим, оказался фактор «социальных беспорядков». В то время как в официальном заявлении в качестве причины насильственного переселения указывается предательство во время войны, в документах для внутреннего пользования основной упор делается на проблему «бандитизма» в чеченских горах, которую никак не удается взять под контроль²². Согласно донесению НКВД, с 1920 по 1939 год наблю-

¹⁸ Н.Ф. Бугай. Л.Берия — И.Сталину [см. сноски 4], с. 150, 176.

¹⁹ Natalie Moins. *Passeportisation, statistique des migrations et controle de l'identité social* // *Cahiers du monde russe*. — № 38. — 1997. — С. 587–600; David Shearer. *Crime and Social Disorder in Stalin's Russia. A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression* // *Cahiers du monde russe*. — № 39. — 1998. — С. 119–148; Paul Hagenloh. «Socially Harmful Elements» and the Great Terror: Stalinism, New Approaches [см. сноски 16], с. 286–308.

²⁰ Nicolas Werth/Gaël Moullec (Eds.). *Les rapports secrets soviétiques: la société russe dans les documents confidentiels, 1921–1991*. — Paris, 1995.

²¹ GARF 9415/5214 (1945), с. 16.

²² Репрессированные народы России. Чеченцы и ингуши / Под ред. Н.Ф. Бугай. — Москва, 1994. — С. 28–29, 37, 45–46.

дались активные действия чеченской банды и ее предводителя²³. Горные районы Чечни перед войной оставались все еще не коллективизированными. В 1930 году произошли крупные антисоветские восстания в Ингушетии и Чечне (в последней еще и в 1938 году)²⁴.

Даже если отвлечься от этих исполненных драматизма форм социальных волнений, можно констатировать тот факт, что попытка привлечь местную советскую элиту к руководству национальными республиками на Северном Кавказе, за довольно неожиданным исключением Северной Осетии и Дагестана, потерпела неудачу²⁵. Население как раз этих республик в 1943–1944 годах депортации не подвергалось. Короче говоря, социальные волнения, как представляется, были существенным фактором депортаций на Северном Кавказе.

28 ноября 1948 года официально было предпринято разделение спецпереселенцев на две категории: вечноссылные и сосланные на определенный срок. В то время как первая категория формировалась в основном по национальному признаку, во вторую входили кулаки, власовцы и тунецды. Это было решение с далеко идущими последствиями, так как депортированные в профилактических целях этнические группы (даже советское руководство признавало, что не все их представители совершили преступления) подлежали более жесткому обращению, нежели власовцы, которые действительно боролись против Красной Армии.

Этот удивительный факт еще раз подтверждает упреждающий характер советских массовых депортаций определенных категорий. Они задумывались как профилактические мероприятия для изоляции этнических групп, которые в данное время и в данном месте могли нанести вред интересам существовавшего режима. После того как ситуация менялась и опасность исчезала, кулаки и власовцы постепенно выходили на свободу. Предполагалось, что они растворятся среди остального населения и перестанут представлять собой непосредственную угрозу, однако тщательная слежка за теми из них, кто не внушал особого доверия, продолжалась, и никто (как свидетельствует террор против бывших кулаков) не был застрахован от последующих репрессий. Несмотря на это, в январе 1953 года большая часть кулаков и власовцев были отпущены на свободу²⁶.

Поскольку с 1948 года этносы официально рассматривались в качестве категории, константной в течение длительного времени, сказанное ранее не распространялось на национальные группы: чеченцы и ингуши всегда оставались чеченцами и ингушами. Если бы их лишили статуса ссыльных, они попытались бы вернуться в родные края, что тотчас привело бы к возникновению политической проблемы, так как соответствующих национальных республик более не существовало, а их территория была заселена представителями других национальностей. Вот почему в этих случаях меры профилактического воздействия не были ограничены сроками.

В связи с этим даже лица, депортированные из-за своей классовой принадлежности с присоединенных западных территорий (Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и Белоруссии), проходили по категории вечноссылных, которая определялась на основании национального признака (включая и тех, кто был сослан как кулак или пособник вла-

совцев). Очевидно, их быстрое возвращение считалось опасным в связи с тем, что на этих территориях действовало националистическое движение сопротивления. Возможно, им разрешили бы вернуться в случае дальнейшего сохранения сталинского режима и тотальной советизации этих областей, однако факт их пожизненной ссылки противоречит такому предположению. Этот вопрос остается без ответа. Известно только то, что к 1953 году большинство спецпереселенцев составлял как раз «национальный контингент», представители которого ссылались пожизненно, а также то, что Сталин, очевидно, замыслил новый массовый террор против еврейского населения. Это означает, что спустя 38 лет после революции, которая служила оправданием классового террора, преобладающей формой советского террора стал террор против национальностей.

Закключение

Из всего сказанного становится понятной связь между идеологией и террором, которая зачастую не является прямой, зависит от драматических поворотов событий в течение сравнительно небольшого времени, а также то, что концепция и практика террора влияют на дальнейший ход событий. Идеология классовой борьбы, равно как и подозрения во враждебности внешнего мира, служили оправданием упреждающего террора против целых групп населения. Однако она призвала также к интернационализму и равноправию всех наций — и больших, и маленьких. В конечном счете оба этих фактора (категориально-профилактический террор и советская ксенофобия) объединились и положили начало депортации диаспорных наций в СССР — невзирая на то, что именно этот факт вступал в прямое противоречие с идеологией интернационализма. Террор против антисоветских классов распространился на категорию «социально чуждых элементов», а депортации по этническим соображениям позволили перейти потом к депортациям коренных советских народностей.

Удивительно, что практика насильственного переселения целых этнических групп не повлекла за собой отказ от идеологии интернационализма. Национальные республики существовали в течение двух последних десятилетий сталинской эры — причем не только ради внешнего эффекта. Участники проекта «Harvard Interview» разговаривали с советскими гражданами, которые после Второй мировой войны остались на Западе, и выяснилось, что для них намного более важным было равенство национальных прав и преследование шовинизма в Советском Союзе, нежели депортации целых народностей²⁷.

Претворение советского террора в практику, осуществлявшееся в последние годы сталинского режима, противоречило важнейшему исходному тезису коммунистической идеологии и не менее важному аспекту политической практики СССР. Это противоречие так и не было разрешено, если не считать его решением политикой замалчивания террора в отношении целых национальных групп. Связь между идеологией и террором никогда не была более очевидной, чем в годы первой пятилетки.

Роль враждебного отношения к иностранцам в Советском Союзе в становлении и практике коммунистического террора также заслуживает особого внимания. Идеологически обоснованная ксенофобия была, очевидно, присуща большинству, если не всем ком-

²³ Репрессированные народы России. Чеченцы и ингуши / Под ред. Н.Ф. Бугай. — Москва, 1994. — С. 28.

²⁴ Н.А. Ивинский. Коллективизация [см. сноску 13], с. 156–158; Чечня: вооруженная борьба в 20–30-е годы // Военно-исторический архив. — № 2. — 1997. — С. 118–175.

²⁵ T.Martin. An Affirmative Action Empire [см. сноску 3], с. 287–302; А.А. Цуцьев. Осетино-ингушский конфликт (1992). Его предистория и факторы развития. — Москва, 1998. — С. 50–63.

²⁶ В.Н. Земсков. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954) // Отечественная история. — № 1. — 1994. — С. 1118–147.

²⁷ См.: Harvard Interview Project. «A» Series interviews. Widener Library, Harvard University.

мунистическим режимам и оказывала мощное противодействие интернационализму, в который еще искренне верило первое поколение коммунистических вождей.

В государствах, где преобладала одна национальность, враждебность к иностранцам способствовала формированию ярко выраженного национального коммунизма, ставшего причиной репрессий против диаспорных этнических групп: евреев и украинцев в Польше, венгров в Румынии, турок в Болгарии, китайцев во Вьетнаме и вьетнамцев в Камбодже — и это далеко не полное перечисление. В таком многонациональном государстве, как Советский Союз, она привела к террору против диаспорных этнических групп и «безродных космополитов», а также к идеологии «братства народов», куда под руководством «великого русского брата» должны были войти все коренные советские национальности.

С учетом того, что советский образец был заимствован другими коммунистическими государствами, большего внимания заслуживает и вопрос о роли террора, обоснованном для которого послужил принцип «социального инородства». В этом случае ключевая роль, очевидно, принадлежит ярко выраженному централизованному принципу государственного устройства коммунистических режимов (фактор, который также способствовал ксенофобии и национализму).

После 1933 года классовая риторика и классовые репрессии шаг за шагом сменялись государственной пропагандой, направленной против «врагов народа» и отдельных личностей (а также целых групп населения), выступавших, в свою очередь, против государства. Примечательно, что между понятиями «антигосударственный» и «антисоветский» ставился знак равенства, причем это открыто декларировалось в документах для служебного пользования.

В такой атмосфере преступники-рецидивисты, проститутки, тунеядцы, хулиганы и бродяги рассматривались как представители политической категории и сообразно этому несли такие же наказания, как и не поддающиеся советизации «неудобные» народности, например, рома или чеченцы. Именно эта все усиливающаяся направленность на «социально чуждые элементы» и враждебное отношение к иностранцам придавали советскому террору позднего сталинского периода черты определенного — хотя и неполного — сходства с фашистским террором, как с точки зрения целевых установок, так и с точки зрения риторики.

Йорг Баберовски

«Или за социализм, или в Архангельск!»

Сталинизм как крестовый поход против всего чужого

Коммунистический террор и плоды просвещения

Депортации и массовые убийства «меченых» групп людей, организованные в государственном масштабе, стали феноменом двадцатого столетия. Местом их рождения был Советский Союз, а причиной — большевизм. В представлении интеллектуалов, мечтавших о заре светлого будущего и об устранении всего того, что препятствовало мнимому счастью человечества, партия первой скрипки принадлежала уничтожению. Как тут не вспомнить требование Троцкого о необходимости «коренной перестройки» рода человеческого и высказывание Григория Зиновьева в сентябре 1918 года о том, что следует уничтожить 10 миллионов людей, для того чтобы добиться перелома в пользу социализма в России¹. Однако лишь зимой 1929 года, когда началась принудительная коллективизация, мечта большевиков об анатомировании общества и принудительной операции по его преобразованию стала действительностью. В ноябре 1929 года на Пленуме Центрального Комитета прозвучала мысль о связи между коллективизацией и ликвидацией «социально чуждых элементов». Была поставлена задача устранения мнимых классовых врагов на селе. Поначалу это еще можно было толковать как попытку убрать кулаков из колхозов, не уничтожая их физически².

После того как в конце декабря 1929 года на собрании марксистских ученых-агритаривов Сталин потребовал ликвидировать кулачество как класс, события начали развиваться стремительно. Политбюро по приказу Сталина создало комиссию, которая должна была разработать программу уничтожения. Председателем ее стал Молотов. 30 января 1930 года

¹ Эта статья посвящается памяти Михаэля Даноса, моего незабываемого друга, жизненный опыт которого, сложившийся на стыке миров и стилей мышления, был для меня неиссякаемым источником вдохновения. Михаэль часто делился воспоминаниями о жизни, прожитой в условиях диктаторских режимов XX века, воздействия которых он вынужден был ощутить на себе. Его всегда волновал вопрос о том, какими условиями были порождены диктаторские системы современности. Возможно, ему понравились бы те мысли, которые я изложил в этой статье.

² Leo Trotzky. *Literatur und Revolution*. — Berlin, 1967. — С. 213; Высказывание Зиновьева цитируется в работе Джорджа Леггета: George Leggett. *The Cheka. Lenin's Political Police*. — Oxford, 1981. — С. 114.

³ Решения ноябрьского Пленума см.: Н.А. Ивинский. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). — Москва, 1996. — С. 10–27.

на имя партийных руководителей советских республик и областных партийных организаций поступила подписанная Молотовым директива с разъяснениями о том, как следует обращаться с кулаками. Политбюро требовало расстреливать или ссылать в концентрационные лагеря «контрреволюционных» крестьян. В директиве была названа ориентировочная цифра — 60 тысяч человек. Помимо этого, к маю 1930 года в отдаленные регионы Советского Союза надлежало депортировать 150 тысяч кулаков с семьями¹. Однако Политбюро показалось недостаточным одного этого постановления. В конце февраля 1930 года, когда уже началась кампания террора против крестьян по всей территории Советского Союза, в Москве было созвано секретное собрание партийных секретарей всех советских республик и областных организаций. Молотову поручили разъяснить провинциальным сатрапам представления Политбюро о выполнении программы физического устранения².

Сталин принял участие в этом собрании. Однако он хранил молчание и предоставил Молотову возможность ознакомить присутствовавших с намерениями Политбюро. Во время доклада Молотов предстал в качестве безжалостного, циничного исполнителя любых неотвратимых мер. Однако он назвал и тех, кто нес ответственность за чреватое тяжкими последствиями решение о лишении свободы и жизни сотен тысяч крестьян: «Словом, тут тройка: т. Каганович, т. Сталин и я, мы договорились о создании „кулацкой“ комиссии». Как свидетельствует стенографическая запись, партийные секретари отреагировали на это новое слово в лексиконе «смехом». Молотов и не пытался скрыть, чем грозил сталинский призыв к уничтожению кулачества как класса:

«Кто думает, что на основании только резолюции это дело можно считать конечным, тот чудак. Это дело длительное. [...] Какие меры — должен сказать по секрету, что, когда меня на ноябрьском Пленуме [1929 года] спрашивали отдельные товарищи, как быть с кулаками, я говорил: если есть подходящая речка — топите. Не везде есть речка, значит, ответ недостаточный. [...] Мне кажется, что вне всякого сомнения без административных мер не обойдется, придется нам пострелять. (Голос: Повиселать.) Первый номер — пострелять, второй номер — повиселать. Должен сказать, есть постановление молчаливого сегодня Северного Кавказа — они просят разрешить им выслать 20 тысяч кулаков. Предложение заслуживает внимания. Для начала это кое-что. Может быть, мы не все сразу сумеем сделать. Тут надо решить еще один вопрос: куда высылать, сколько и в какие места. (Каганович: Вероятно, будет очень трудно найти такой округ, куда высылать кулаков.) Найдём. Очевидно, нам придется репрессивных мер порядочно применять. Без высылки порядочного количества людей в различные концы не обойдется. Куда их

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (в дальнейшем — РГАСПИ), ф. 17, оп. 162 (особая папка), д. 8, лл. 64–69; По вопросу коллективизации и депортации кулачества см.: Stephan Merl, *Wie viele Opfer forderte die «Liquidierung der Kulaken als Klasse»? Anmerkungen zu einem Buch von Robert Conquest // Geschichte und Gesellschaft*. — № 14. — 1988. — С. 534–540; Jorg Baberowski, *Stalinismus «von oben»: Kulakendeportationen in der Sowjetunion 1929–1933 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. — № 4. — 1988. — С. 572–595; Gabor Rittersporn, *Modernisierung durch Vernichtung? Über einige Folgen der Kollektivierung der sowjetischen Landwirtschaft // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. — № 9. — 1995. — С. 809–821; И. Ф. Зеленин, *Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–1932 гг.) // История СССР*. — № 6. — 1990. — С. 34–49; Н. А. Ивинский, *Коллективизация [см. сноски 2]*. — РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 60, лл. 128–167.

направлять? (Голос: К Эйхе!)³ В концентрационные лагеря, если они будут у Эйхе — к Эйхе. Надо подумать, на какие работы их высылать, может быть, на лесозаготовки, может быть, можно их послать на новые земли, на поднятие целины. Может быть, нам придется совхоз организовать из кулаков. Ничего, поставим во главе этого совхоза парочку коммунистов, и они будут работать. Этого мы не можем исключать. Всех не выслешь. Здесь нужно поработать в этом отношении и вокруг деревни. Тут придется разложить семьи, политически разложить. Кто еще не догадался об этом, тот на своей шкуре это почувствует»⁴.

Молотов обратился к присутствовавшим с призывом хранить молчание: никто не должен был узнать о постановлении Политбюро по уничтожению и депортациям кулаков. Поэтому имена авторов этого приказа были неизвестны почти семьдесят лет. О секретном собрании секретарей партийных организаций стало известно лишь в начале 1999 года, когда научная общественность получила доступ к новым документам из молотовского наследия, хранящимся в президентском архиве⁵. Возможно, по этой причине преступления сталинского режима запечатлены в коллективной памяти Запада значительно слабее, чем ужасы нацистской диктатуры. Однако это произошло не только из-за недостатка документов, фото- и киноматериалов, свидетельствующих о совершенных зверствах. И тогдашние, и нынешние коммунисты нередко оправдывают нечеловеческие поступки, скромно ссылаясь на необходимость отражения фашистской угрозы и преодоления недопустимой отсталости в жизни общества. По этим же причинам их усилия симпатизировали тогда даже некоммунистические представители интеллигенции⁶.

Немалой заслугой авторов «Черной книги коммунизма» является то, что они привлекают внимание именно к этим темным сторонам коммунистического господства и напоминают нынешним апологетам просвещенного ужаса об оправдательной словесной эквилибристике минувших дней⁷. Однако в задачу историков не входит идеологическое переустройство общественного сознания или же устранение тумана из голов тугодумов. Что же может дать историкам «Черная книга коммунизма», которая не ограничивается лишь констатацией нечеловеческих поступков? Если мое впечатление верно, эта книга действительно заслуживает обсуждения в силу предложенных в ней двух подходов к интерпретации. Их можно обобщить следующим образом: коммунизм и нацизм в аспекте своих притязаний были тоталитарными, а на практике — террористическими системами. Этот вывод основан на суммарном числе жертв, ставших страшным наследием этих режимов⁸.

Непредубежденному наблюдателю нетрудно увидеть, что Советский Союз Сталина, маоистский Китай или Камбоджа Пол Пота — и послевоенные режимы в ГДР, а также Центральной и Восточной Европе — не одно и то же. Ведь в последнем случае не изобретались и не использовались программы уничтожения собственного народа. Коммунизм не является суммой совершенных им убийств. Террор был деянием коммунизма,

³ Р. И. Эйхе занимал должность первого секретаря Сибирского обкома партии.

⁴ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 60, лл. 139–141.

⁵ Наследие Молотова хранится в РГАСПИ под грифом, ф. 82, оп. 2.

⁶ Gerd Koenen, *Utopie der Säuberung. Was war der Kommunismus?* — Berlin, 1998. — С. 18–20.

⁷ Stéphane Courtois и др. (Hrsg.), *Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror*. — München, 1998; О дискуссионном вопросе «Черной книги», в которой принимали участие практически только немецкие историки, см.: Horst Möller (Hrsg.), *Der rote Holocaust und die Deutschen. Die Debatte um das «Schwarzbuch des Kommunismus»*. — München, 1999.

⁸ Stéphane Courtois, *Die Verbrechen des Kommunismus. Schwarzbuch [см. сноски 9], с. 11–43.*

но коммунизм не был синонимом террора. Коммунистические режимы, суть которых составляет массовый террор, я называю сталинскими, чтобы отграничить их от авторитарных социалистических систем. Последние, как известно, довольствовались тем, что вынуждали своих противников молчать и насаждали «правильное» поведение. Они отмежевывались от ожиданий спасительного чуда и фантазий, связанных с уничтожением, которые стали жизненным эликсиром для сталинских режимов.

В чем коренятся причины сталинского террора? Позывы к тоталитаризму рождаются в конкретных условиях и разворачиваются на их фоне. Без рассмотрения этих условий вообще невозможно вскрыть особый характер такого террора. Сталинское безумие было вызвано столкновением между тоталитарными устремлениями и серой действительностью, обрекавшей попытки воплощения их в жизнь на бесплодность. Чем более отсталым и чуждым предстало окружение в глазах большевиков, тем сильнее становилась их готовность спасти его от этой отсталости путем насилия, превратить амбивалентное в однозначное. В этом смысле большевики оказались истинными последователями европейского Просвещения и его веры в силу прогресса. Государство казалось им садником, очищающим общество от сорняков и высвобождающим из душ людей все то новое, что вписывалось в представления большевиков. В социализме они усматривали вершину современного развития, он был призван привести людей из царства тьмы в царство разума¹¹.

Советский Союз был многонациональным государством. Многообразие традиций породило многообразие миров. В СССР столкновение различных взглядов на жизнь и ее смысл носило намного более ожесточенный характер, чем где бы то ни было, так как эти взгляды вступали в соперничество друг с другом, должны были отвечать определенным требованиям и вписываться в иерархию ценностей. Для властей могла существовать лишь одна возможная форма мировоззрения и мировосприятия: та, которой они придерживались сами. Из этого неминуемо следовало, что те, кто как будто не видел недвусмысленно развернутой перед ними перспективы, были обречены на вымирание. Постулат о необходимости жить при социализме в «современных» одеяниях воображаемой европейской культуры остался невыполнимой задачей. Но рационализм, который оказывается не в состоянии распознать «рационализм необоснованного» (иррационализм), несет в себе зародыш собственного разрушения¹². Террор и насилие стали отражением неспособности сгладить расхождения между разными жизненными укладами, трансформировать «понузданные другие в усилия над собой» и преодолеть сопротивление чужого. Поэтому в моем понимании сталинизм — это идеологически уродливая система насильственного подавления чужого. Он отличается от традиционных стратегий подавления, характерных для царской империи, современной Турции или Ирана, стремлением устранить, а в конечном счете и уничтожить все чужое навечно¹³. Короче говоря, Советский

¹¹ Zygmunt Baumann. *Modernität und Ambivalenz. Das Ende der Eindeutigkeit*. — Frankfurt am Main, 1996. — С. 43–56; Uday S. Mehta. *Liberal Strategies of Exclusion: Frederick Cooper/Ann L. Stoler (Eds.). Tensions of Empire. Colonial Cultures in a Bourgeois World*. — Berkeley/Los Angeles, 1997. — С. 59–86; Жан-Луи Марголин рассматривает вопрос об этой связи в своей статье о Камбодже, опубликованной в «Черной книге». Ср.: Jean-Louis Margolin. *Kambodscha: Im Land der unfähigsten Verbrechen*. — Schwarzbuch [см. сноску 9], с. 643–702, здесь с. 683.

¹² Hans Blumenberg. *Arbeit am Mythos*. — Frankfurt a.M., 1979. — С. 180.

¹³ Jörg Baberowski. *Auf der Suche nach Eindeutigkeit: Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und in der Sowjetunion // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. — № 4. — 1999. — С. 482–505; Относительность споров о сталинизме: Он же. *Wandel und Terror: die Sowjetunion unter Stalin 1928–1941*. Ein Literaturbericht

Союз был лабораторией современного террора. Как этот террор зарождался на пересечении чуждых друг другу миров, мы попытаемся показать на примере одной из советских республик — Азербайджана.

Общий контекст

Российская революция 1917 года стала не только социальным потрясением. В окраинных районах царской империи она приобрела формы бунта попавших под чужое влияние нижних слоев против цивилизационных усилий русской автократии. Царский режим подозревал жизненный уклад и мировоззрение, противоречившие его гегемонистской концепции, в варварстве, и это, в конечном счете, повлекло за собой криминализацию общества и устранение мусульман империи из политической жизни. То, что вытекало из Корана и традиции, утратило в условиях политической публичной жизни царской России свой авторитет. Правовая и образовательная система мусульман, кровная месть и полигамия были воплощением варварских жизненных установок, к преодолению которых стремились царские модернизаторы. Понимание со стороны правящей элиты находили только такие традиции, которые могли быть оправданы как соотносимые с европейским наследием. Это понравилось лишь немногим мусульманам. Поэтому прибывшие в эти края русские управляли окраинными мусульманскими районами преимущественно через представителей коренного населения. И все же именно русские губернаторы, судьи, врачи и учителя решали, каким должен быть образ жизни местного общества, русские поселенцы утверждали своим присутствием оседлость и христианство как основные черты жизненного уклада¹⁴.

Такое положение царило и в Азербайджане. Революция 1917 года привела к изгнанию русской колониальной элиты и поселенцев-христиан. Просвещенные предрассудки ушли в прошлое, в обществе снова беспрепятственно воцарились традиционные, пропущенные идеями ислама, формы жизнеустройства. Такая реальность предстала перед глазами большевиков, когда в апреле 1920 года они положили конец недолговечному существованию Республики Азербайджан¹⁵.

Большевики пришли как завоеватели. Однако ввиду отсутствия у властей стратегических установок поначалу не было ясности в вопросе о том, как строить отношения с покоренными народами. Такая стратегия появилась лишь после того, как большевики

// *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. — № 1. — 1995. — С. 97–129; Manfred Hildermeier. *Interpretationen des Stalinismus // Historische Zeitschrift*. — № 3. — 1997. — С. 655–674; Joachim Baur. «Großer Terror» und «Säuberungen» im Stalinismus. Eine Forschungsübersicht // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaften*. — № 4. — 1997. — С. 331–348; О процессе европеизации цивилизации ср. классическое исследование Норберта Элиаса: Norbert Elias. *Über den Prozeß der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen*. 2 Bde. — Frankfurt a.M., 1997. — Bd. 2, с. 323–407; Критику этой работы см.: Gerhard Schwerhoff. *Zivilisationsprozeß und Geschichtswissenschaft*. Norbert Elias' Forschungsparadigma in historischer Sicht // *Historische Zeitschrift*. — № 3. — 1998. — С. 61–605.

¹⁴ Daniel Brower/Edward J. Lazzarini (Hrsg.). *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. — Bloomington/Ind., 1997; Jörg Baberowski. *Nationalismus aus dem Geiste der Inferiorität. Autokratische Modernisierung und die Anfänge muslimischer Selbstvergewisserung im östlichen Transkaukasien 1828–1914 // Geschichte und Gesellschaft*. — № 3. — 2000 (в печати).

¹⁵ О независимой Республике Азербайджан ср.: Tadeusz Swietochowski. *Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition*. — New York, 1995; Он же. *Russian Azerbaijan, 1905–1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community*. — Cambridge, 1985.

столкнулись с явлениями, противоречившими их представлениям. Отношения, не укладывавшиеся в заданную схему, преодолевались не путем провозглашения их темными пережитками прошлого. К такому выводу новым правителям еще предстояло прийти. А пока программу большевистского спасения надлежало довести до сведения тех, кого они покорили. Партия, исторической миссией которой стало устранение мнимых врагов и построение социалистического будущего, не могла обойтись без такого диалога. Отныне задачей народившихся в этих краях коммунистов становится разъяснение на местах того, что задумывалось в Москве. Иного способа довести пропаганду режима и замыслы политических вождей до сведения населения тогда не существовало. Без учреждений, взявших на себя задачу проводника стратегии партии в массы, большевистская революция так и осталась бы лишь неудачной попыткой, невзирая на всю ее жестокость. Новое могло войти в жизнь подданных лишь через язык и стиль правления тех, кто родился в этих местах¹⁶. В понимании русских большевиков движение от отсталости к прогрессу могло осуществляться только через нацию. В начале 20-х годов Сталин выдвинул лозунг «Национальное по форме и социалистическое по содержанию», чтобы дать понять, в чем необходимо усматривать истинную цель национальной политики в многонациональном государстве¹⁷. Власть надеялась таким образом перебороть недоверие, которое испытывали к ней народы, покоренные Российской империей.

В 20-е годы колониальные органы власти не существовали. Национальный аппарат управления и система образования опирались на авторитет родного языка. Большевикам удалось заручиться поддержкой азербайджанских коммунистов благодаря публичному признанию правомерности устремлений местной элиты к культурной автономии и осознанию своих национальных корней и национальной миссии. Именно идея национальной эмансипации и модернизации привела в партию большевиков коммунистов «русского» Востока. Большевики заплатили высокую цену за стремление распространить революционные идеи в окраинных районах империи. Они поставили себя в зависимость от возрождения, которое на практике вряд ли отвечало их традиционным взглядам. Теперь местная элита получила возможность сама решать, что должно исчезнуть, а что остаться. Это почувствовали на себе прежде всего национальные меньшинства в Азербайджане — русские и армянские крестьяне, а также бывшие чиновники колониальной власти¹⁸.

¹⁶ Дискуссию по вопросу о национальной политике ср.: Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е годы. Документы и материалы. — Москва, 1992; А.П. Ненарок. К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917–1924. — Москва, 1991; Г.И. Бройдо. Наша национальная политика и острейшие задачи Наркомнаца // Жизнь национальностей. — № 1 — 1923. — С. 5–6. Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП 1923 г. — Москва, 1992; Richard Pipes. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism 1917–1923. — Cambridge/Mass., 1964.

¹⁷ Сергей Димитриев. Реконструктивный период работы среди национальностей СССР // Революция и национальность. — № 1. — 1930. — С. 9–19; Он же. Письмо товарища Сталина и борьба с Люксембургизмом в национальном вопросе // Революция и национальность. — № 1. — 1932. — С. 1–16. О большевистской национальной и языковой политике начала 20-х годов ср. также: Terry Martin. An Affirmative Action Empire. Ethnicity and the Soviet State, 1923–1938. — Ph.D. Diss. University of Chicago, 1996; Jörg Baberowski. Stalinismus an der Peripherie: Das Beispiel Aserbaidschan. Manfred Hildermeier (Hrsg.). Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung. — München, 1998. — С. 309–316.

¹⁸ О роли мусульманских национал-коммунистов ср.: Alexandre Bennigsen/S. Enders Wimbush: Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. — Chicago, 1979; Сведения об их биографии и политической карьере можно почерпнуть из архива личных дел Центрального Комитета. Особенно показательные данные по азербайджанским национал-коммунистам см.: РГАСПИ. ф. 17, оп. 100, д. 15962, 2367, 139654, 141201, 26987, 20435 и т.д.

Политика возрождения коренного жизненного уклада институционально укрепила чуждое русским большевикам мировоззрение и позволила тем самым местной элите развить самосознание, позволяющее ей выражать собственные интересы и претендовать на власть. Такая политика предоставляла местным элитам и их подданным полную свободу действий. Однако эту суверенность азербайджанская нация обрела лишь к тому времени, когда о политической независимости не могло быть и речи. Но в результате и большевикам не удалось достичь ни одной из своих первоначальных целей, которые они пытались реализовать при помощи местных толкователей их учения. Партийные организации, министерства, советы, органы юстиции и образовательные учреждения Азербайджана были ширмой, за которой утверждалось господство прежних традиций. Социализм, уже маячивший перед глазами коммунистов из центра, не обрел здесь своей родины. Еще в 1929 году азербайджанская коммунистическая партия более чем на 60% состояла из неграмотных¹⁹. Намерения и планы «московского образца» не доходили до сознания этих коммунистов, лишь немногие понимали, что между Азербайджаном и Москвой существует политическая взаимосвязь.

Секретари партийных организаций и председатели Советов, прокуроры и милиционеры были частью местного общества, которым они повелевали. Для успешного функционирования они должны были обладать не меньшим авторитетом, чем те, кто был изгнан революцией со своих постов. Многие из них, чтобы усилить свое влияние, пытались вести себя как лишенные власти баи и муллы. Фатх Али Мухтар, член ЦК АзКП, заклеил это явление в марте 1927 года в красноречивом высказывании: «Есть товарищи, которые ведут себя хуже мулл»²⁰. Однако зачастую господство традиционных авторитетов и феодальной системы вассальной зависимости не удавалось ликвидировать вплоть до конца 20-х годов. Баи и крестьяне находились в отношениях, предписывавших одним защиту, а другим беспрекословную лояльность. Поэтому аграрная реформа в Азербайджане не повлекла за собой революцию в сфере отношений собственности, как надеялись большевики. Официально, правда, когда-то могущественные баи потеряли свое добро. Однако на практике их хозяйственная мощь осталась прежней, так как новые собственники должны были вносить плату за аренду земли и, кроме того, платить поборы. В некоторых селах крестьяне отказывались от национализированной земли и требовали от властей возмещения ее законным хозяевам²¹. И неудивительно, что влияние «господствующих классов», с которым намеревались покончить новые правители, сохранилось.

Типичным явлением повседневной политической жизни стало разграничение сфер влияния и разделение постов в аппарате между семейными кланами. Часто в одном и том же районе должности секретаря партийной организации и начальника милиции занимали члены одной семьи, а председатель Совета и прокурор были из конкурирующего клана. Отраслевые конфликты, зарождавшиеся в центре, в провинции превращались в клановые распри, при которых речь вообще не шла о компетентности в соответствующей отрасли. Если же рассорившиеся семьи находились в отношениях кровной вражды, то иногда такой район становился почти неуправляемым. То, что задумывалось партийными вождями в Москве и Баку, на этом уровне вообще теряло свое значение²².

¹⁹ РГАСПИ. ф. 17, оп. 113, д. 756. 1. 33.

²⁰ РГАСПИ. ф. 17, оп. 17, д. 12. 1. 133.

²¹ РГАСПИ. ф. 17, оп. 17, д. 12. 11. 103–104; РГАСПИ. ф. 17, оп. 67, д. 410, II. 2–9; РГАСПИ. ф. 17, оп. 113, д. 756. 1. 30. Об аграрной реформе и ее скрытых последствиях: РГАСПИ. ф. 17, оп. 16, д. 241, II. 42–221.

²² РГАСПИ. ф. 17, оп. 67, д. 66. 1. 6; РГАСПИ. ф. 17, оп. 16, д. 255. II. 74–89.

В глубинке претензии нового режима на власть не доходили даже до слуха местного населения. Здесь люди не имели представления о задачах государства, частью которого они невольно стали. Там, где отсутствовала связь, крестьяне не ведали, что ими управляют из Баку. Особенно это было характерно для горных районов Нахичевани и Нагорного Карабаха, в меньшей степени для Ленкоранского и Казахского районов. В Нахичевани бывшей элите, баям и сторонникам свергнутого в 1920 году мусаватистского режима удалось захватить руководящие партийные и государственные посты. Глава советского правительства Алексей Рыков, посетивший этот регион в начале 1925 года, пришел в ужас от того, что ему довелось увидеть. Спустя пять лет после победы революции Нахичеванью управляли феодальные семейные кланы, которые проникли на все должности в партийном и государственном аппарате. Вне всякого сомнения, центральная власть потеряла здесь контроль, а земельная и образовательная реформы даже не коснулись этих мест. Более всего Рыкова потрясло в Нахичевани то, что секретари партийных организаций совершали паломничество к святыням ислама в Мекку и Мешхед. Еще до возвращения в Москву он дал поручение Политбюро в Баку любой ценой образумить этот расадник традиционной закостенелости. Спустя короткое время в Нахичевань прибыла делегация азербайджанского руководства и положила конец деяниям местного правительства²³; вскоре, весной 1925 года, без суда и следствия были расстреляны почти все члены местного политического руководства²⁴. То, что сталинский террор проявился здесь столь рано, не было случайностью.

Советский Союз стал символом сосуществования не связанных между собой форм правления и общественного строя. В Азербайджане 20-х годов органы госбезопасности и правопорядка полностью контролировали лишь города. Вне Баку насаждаемый государственный порядок не доводился институтами власти до сознания населения. Здесь, как и раньше, господствовали представления о праве и порядке исламского толка. Власть в сельских районах принадлежала, по сути, бандам разбойников, которые с середины XIX века стали повседневным явлением в горах Кавказа. В большинстве случаев их вожаками становились безземельные бан, которые собирали вокруг себя сельских соплеменников, отверженных и бежавших уголовников, лишенных возможности вернуться в родные места. Вначале такие банды появлялись в результате спора за право землепользования или в связи с кровной мстостью. Нередко одно вытекало из другого. Члены банды считали себя сообществом отвергнутых, связанных клятвой, сплоченность которого усиливалась ввиду угрозы со стороны государства. В селах они выполняли функции защиты, которую не в состоянии был обеспечить Баку.

Официальные власти не желали верить в возможность лояльного отношения населения к бандитам (при полном отсутствии подобной лояльности по отношению к советским органам). И все же начальнику ГПУ Азербайджана М.Д. Багирову, который на ранней стадии руководствовался прагматическими соображениями, удалось найти компромисс между этими двумя формами порядка. Бандитам, которые добровольно сдались Советской власти и сложили оружие, была обещана свобода. Многие из них даже пошли работать в спецслужбы и получили возможность продолжать свое дело теперь уже от имени государства²⁵. Сам Багиров поддерживал тесную связь с вожаками банд, а печально

²³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 33, лл. 24–29; РГАСПИ, ф. 17, оп. 16, д. 255, лл. 62–107; РГАСПИ, ф. 85, оп. 25, д. 523, лл. 2–166.

²⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 16, д. 255, лл. 104, 121.

²⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 32, лл. 185–186.

известный разбойник Али Бей Гарун-оглы Зизик пользовался личным покровительством главного чекиста и сопровождал его в походах по глубинке²⁶. В конечном счете государство узаконило родовые и клановые распри. Параллельно существовавшее общество овладело государством. Тем самым намерения центра осуществить революционные изменения в глубинке привели к ситуации абсурда.

Право и органы юстиции дореволюционного государства были наиболее зримым воплощением чужеродного правления и опеки. Революция также не отказалась от устранения правовой культуры ислама. Другое дело, что эта задача оказалась невыполнимой. Законы шариата и традиций снова обрели силу. Кровная месть, многочисленное убийство, многоженство, похищение женщин и браки с несовершеннолетними, как и раньше, оставались безнаказанными, несмотря на то что, согласно советским законам, подлежали уголовному преследованию. Так как отныне осуществление правосудия было возложено на коренных жителей, оно должно было отвечать правовому сознанию местного населения и не могло ориентироваться на пожелания центра. В гражданском производстве крестьяне подчинялись приговору священнослужителей. Право, основанное на традиции, сохранило свою действенность, невзирая на все попытки ликвидировать его сверху. Это происходило не в последнюю очередь и потому, что судьи и прокуроры советского Азербайджана ориентировались в своей деятельности на сложившуюся традицию²⁷. Начальник ГПУ М.Д. Багиров весной 1925 года направил Секретариату ЦК в Москве отчет о политическом положении в Шамхорском районе. В нем он приходит к однозначному выводу:

«При нынешнем положении с уверенностью можно сказать, что Советского Правосудия фактически в уезде не имеется, подавляющее большинство населения живет или обычным правом, или же удовлетворяется религиозными законами»²⁸.

Такая стратегия способствовала политической стабильности. Однако она противоречила представлениям центра, которому никак не мог понравиться такой порядок.

В Баку, столице этой кавказской республики, большевистское понятие рабочего класса оказалось размытым из-за различия жизненных укладов. Турецкие рабочие не пьянствовали, бессмысленность русской действительности воспринималась ими как образец человеческого унижения. Они носили халаты и бараньи папахи, которые свидетельствовали об их принадлежности к мусульманам-кавказцам и выделяли их из других групп. Мусульманские женщины были укутаны в чадру — одеяние, доходившее до пят и полностью покрывавшее голову. Неотъемлемой чертой жизненного уклада мусульман было строгое разделение общественного положения мужчины и женщины. Нарушение чужаками — русскими и нахлынувшими европейцами — этих норм приличия делало их поведение в глазах большинства турецких рабочих еще более предосудительным. Исламские священники использовали культурные различия для того, чтобы истолковать их как конфликт между силами добра и зла. Тем самым они завоевывали авторитет среди мусульманских рабочих²⁹.

²⁶ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, л. 148, л. 3.

²⁷ Государственный архив Азербайджанской Республики (в дальнейшем — ГААР), ф. 169, оп. 2 с. д. 82, лл. 5–11; ГААР, ф. 169, оп. 2с, д. 102, лл. 23–119; Государственный архив Российской Федерации (в дальнейшем — ГАРФ), ф. 8131, оп. 12, д. 26, л. 119; РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 12, лл. 245–250.

²⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 16, д. 255, л. 305.

²⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 20, л. 71.

Для немусульман наиболее ярким проявлением «чужой жизни» была вражда на почве кровной мести, брак несовершеннолетних девушек с пожилыми мужчинами и церемония самоубийств в день Ашра месяца шиитского траура Мохаррам. Тысячи правоверных выходили в этот день на центральные улицы города, избивали себя железными цепями и плетками, утыканными гвоздями, чтобы пережить мучения имама Хусейна. При этом дело доходило до насильственных эксцессов против прохожих, наблюдавших этот спектакль. Для христианского населения это явление было символом варварства в своем худшем проявлении³⁰. В данном вопросе о взаимопонимании не могло быть и речи. Никто не сомневался, на чьей стороне окажется большевики. В этом смысле наступление социализма, которое началось в 1928 году, превратилось в поход против «чужого», упорствовавшего в своем нежелании подчиниться.

Культурная революция

Нигде несовместимость мировоззрений не проявляла себя в такой резкой форме, как на окраинных исламских территориях империи. Концепции национализации и цивилизаторской миссии оказались взаимоисключающими. Однако одно не могло быть превращено в жизнь без другого. Перед большевиками возникла почти неразрешимая дилемма: они настаивали на введении современного уклада, бывшего неотъемлемой частью большевистской концепции культурной жизни, однако могли действовать только при помощи тех, кому нравился «варварский» уклад и кто использовал центр в качестве орудия для достижения собственных целей. Историей человечества была европейская история. При взгляде на современную европейскую жизнь можно было сразу догадаться, что было впереди у тех народов, которые остановились в своем развитии на докапиталистической стадии. Евроцентрические модели поэтапного развития подразумевали заимствование остальными народностями традиций и обычаев европейской культуры. В процессе «модернизации» эти обычаи должны были войти в плоть и кровь покоренных народов. Все остальное как бы опровергалось предначертанным ходом истории. По крайней мере, большевики в этом не сомневались³¹.

Естественно, концепция насаждения цивилизации приобрела форму отрицания исламско-турецкого прошлого и не могла не натолкнуться на сопротивление населения. Без обращения к автохтонным, сложившимся традициям программа большевиков по преодолению отсталости потеряла бы свою притягательную силу. Однако новые правители так и не осознали до конца эту истину. В упорствовании покоренных народов они усматривали лишь еще одно доказательство необходимости просвещения. Безумная кампания режима против «социально чуждых элементов» (как следовало отныне именовать врагов в официальных речах), начатая в 1928 году, была посягательством на устоявшийся образ жизни, который не вписывался в представления большевиков о новом. Именно здесь следует искать корни сталинского террора.

Али Гейдар Караев, первый секретарь партийной организации Азербайджана, на июльском Пленуме Политбюро, который проходил в 1929 году в Москве, заявил о том, какие цели преследует классовая борьба на периферии:

«В азербайджанской деревне мы имеем обстановку обострения классовой борьбы. [...] Надо иметь в виду, что мы ведем борьбу с кулаком не только в области экономики, [...] но и по линии культурно-бытовой: чадра, новый турецкий алфавит и т.д. С классовым использованием бытовых предрассудков, религиозных предрассудков, культурной отсталости масс борется наша партия. Вот почему в азербайджанской деревне классовая борьба протекает в более обостренных формах, чем в других районах Закавказья»³².

Уже в 1928 году в Азербайджане началась кампания против всего чужого. В апреле ГПУ «разоблачило» в партии несколько сотен членов мощной подпольной организации мусавитов. Известный азербайджанский национал-коммунист М.Д. Гусейнов отнюдь не преувеличивал, когда на Пленуме ЦК в июне 1928 года сказал о том, что с помощью ГПУ удалось «ликвидировать нечто похожее на вторую власть в государстве»³³. Спустя некоторое время по высшим учебным заведениям страны прокатилась волна арестов, имевшая целью ликвидировать влияние старой интеллигенции, мешавшей партии в успешном претворении в жизнь ее программы. Были расстреляны или приговорены к длительным срокам лишения свободы лучшие представители интеллигенции: писатели, профессора и студенты³⁴. Многие эмигрировали в Иран или Турцию. Большевики, одержимые манией преследования и пытаясь с самого начала установления своей власти обуздать строптивую действительность и упорчить установленный ими шаткий порядок, представили национализм как дело рук зарубежных агентов, эмигрантов-мусавитов, «доставленных из Турции профессоров». В конце 20-х годов многим представителям мусульманской интеллигенции режим шаха Реза или Мустафы Кемаля казался более привлекательным, чем порядок национал-коммунистов в Баку. Неспроста центр отдал распоряжение выдворить из Азербайджана всех иранских и турецких граждан и освободить аппарат управления в пограничных регионах от иностранцев.

Весной 1928 года террор режима распространился и на сельские районы Азербайджана. Он начался с депортаций мусульманской знати. В строго секретной директиве НКВД от 31 марта 1928 года местным органам милиции было приказано арестовать бывших ханов, баев, крупных землевладельцев и конфисковать их имущество. НКВД сослал наиболее влиятельных баев и членов их семей в Россию и запретил им возвращаться в Азербайджан. Те, кто оказывал сопротивление, вынуждены были провести жизнь в концентрационном лагере. Дела остальных «бывших» складывались не лучше. В июне 1928 года НКВД арестовал 628 баев вместе с членами их семей и отправил в ссылку в отдаленные районы Азербайджана. 109 баев были переселены в Нухский район, 190 — в деревню Караеяз Казахского района и 329 — в город Шемаха³⁵. Подобным образом режим разрушал сложившуюся систему иерархий в тех районах, откуда были изгнаны баи. Депортированные лица были сосредоточены в нескольких местах, чтобы облегчить власти контроль над ними. В понимании большевиков это было необходимой предпосылкой ломки живучей социальной традиции.

Депортация баев осуществлялась тайно. Жертвы без предупреждения изгонялись из своих жилищ и в сопровождении вооруженной охраны доставлялись к местам ссылки.

³⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 67, д. 68, л. 30.

³¹ Bauman, *Moderne* [см. сноску 12], с. 323; Baberowski, *Auf der Suche nach Eindeutigkeit* [см. сноску 13].

³² РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 756, л. 107.

³³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 20, л. 155.

³⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 20, л. 53–54.

³⁵ ГААР, ф. 2448, оп. 1, д. 508, л. 2–12.

По директиве НКВД видно, что власть испытывала страх перед авторитетом старой элиты. Органом местной милиции предписывалось доверять осуществление депортаций только особо стойким милиционерам, с тем чтобы исключить возможное влияние со стороны баев. Тот, кто пытался бежать, подлежал расстрелу на месте³⁶. Многим баям и ханам лишь благодаря родственным связям и контактам с правительством в Баку удалось избежать депортаций. Уже к июню 1925 года правительство Азербайджана приняло решение о выселении 981 семьи знатного происхождения. Однако к лету 1928 года были депортированы лишь 114 семей. Поэтому в августе 1929 года центр недвусмысленно дал понять, что ссылке в сельские районы подлежат и все остальные баи³⁷.

В 1928 году правительство применило новый метод в борьбе против банд разбойников. Оно отказалось от практики прощения старых грехов и отдало приказ о расстреле многих известных главарей, в частности, легендарного разбойника и подполковника начальника ГПУ Багирова Али Бей Гаруна-оглы Зизика, который в декабре 1928 года был приговорен к смерти и казнен³⁸. В селах части НКВД вступили в ожесточенную схватку с оставшимися бандитами и поддерживавшими их крестьянами. Однако режиму нигде не удалось окончательно сломить сопротивление. Напротив, в 1928 и 1929 годах бунтовщики пользовались такой поддержкой населения, что усилили государства по их усмирению дали обратный эффект. Не в последнюю очередь это объясняется злоупотреблениями режима по отношению к сельским жителям в ходе культурной революции.

Ислам и его толкователи поставили себя на службу классовому врагу, они отравляли общество заразой суеверий и мешали ему стать тем, чем ему должно было быть. Глава азербайджанского правительства Газанфар Мусабекоев объяснял «предрассудки» отсталостью, «зависимостью крестьян от сил природы» и «недосяжимостью науки и техники». Мулла «раздували» веру населения в «легенды и мифы прошлого», удерживали его в плену «тьмы и невежества»³⁹. Поначалу авторы культурной революции стали жертвами незатейливости собственной пропаганды. Они опровергали веру ссылками на ее ненаучный и далекий от действительности характер и тем самым работали фактически на ее утверждение. В начале 1928 года на смену безуспешной агитации союза безбожников пришли акции насилия против ислама. «Нанесите удар по головам священников, по религии, с тем чтобы им не было места среди нас в будущем». — с таким призывом выступил Али Гейдар Караев на Пленуме ЦК АзКП в июне 1928 года⁴⁰. Так и было сделано. Большинство мулл были расстреляны, сосланы в концентрационные лагеря или выдворены в Иран. Закрывались и «передавались в общественную собственность» мечети. Во многих местах конфискованные храмы превращались в винные погреба или женские клубы. К марту 1929 года активисты союза безбожников разрушили 213 мечетей, 461 мечеть была закрыта⁴¹.

Однако этим новая власть не ограничилась. В 1928 году режим усмотрел отсталость в традиционной одежде и музыке. Народные инструменты не были достаточно мелодич-

ными, так звучал «плаксиво», и «поправить положение», по выражению первого секретаря ЦК АзКП Караева, можно было только переходом на европейскую гитару⁴². Неевропейской и допотопной была признана мусульманская одежда. Тот, кто ее носил, производил варварское впечатление, вид этой одежды был оскорбительным для цивилизованной общности. Рухулла Ахундов, народный комиссар по образованию и секретарь ЦК, издал весной 1929 года декрет, запрещавший крестьянам носить кавказские пахаи. Вместо этого их обязывали приобрести европейские фуражки и костюмы, которые носили русские большевики. Каждому крестьянину, посмевшему появиться в пахае в школе, театре или на партийном собрании, грозило суровое наказание. Центральный Комитет устраивал даже публичные акции сожжения пахаев. Однако все это привело только к тому, что крестьяне перестали показываться на людях. В некоторых местностях пришлось даже закрыть школы и учреждения, так как ученики и служащие отказывались появляться при свете дня без головного убора⁴³.

С самого начала большевистская власть в Азербайджане преследовала цель освобождения женщин от притеснений якобы патриархального общества. Уже в мае 1926 года председатель Центрального Исполнительного Комитета Азербайджана Самед Агамов-оглы попытался втолковать партийной верхушке мысль о том, что эмансипация женщины равносильна освобождению общества. Если бы женщине удалось освободиться от «угнетения со стороны мужчины», то и мужское население смогло бы отказаться от своих «варварских привычек»⁴⁴. В непролетарских районах женщины становились двигателем прогресса, «суррогатом пролетариата», подогревавшим распаленную фантазию маргиналов от интеллигенции⁴⁵. Большевики выдвинули постулат о гармонии личной и политической свободы. Это превратное представление, конечно же, не было изобретением большевиков. Оно стало наследием того просвещенного мышления, которое осудило якобы изжившее себя понятие свободы, исключавшее политическое начало и сведенное только к свободе личной. Однако большевики пошли еще дальше этого «предрассудка». По их мнению, всякий порыв к политической свободе растворяется в большевистском понятии эмансипации.

Повседневная жизнь крестьян и рабочих опровергала эти притязания. Выживание деревни не в последнюю очередь находилось в зависимости от разделения труда по признаку пола, его общественным проявлением стало публичное разделение жизненного мира мужчины и женщины. Женщины и мужчины доминировали в разных сферах жизни, они не пересекались между собой в качестве угнетателя и угнетенного. Усилия партии по выдвижению женщин на политические посты, настраиванию их против мужской части населения и превращению в орудие содействия социальным переменам разбилось о сопротивление коренного сообщества. Женские партийные ячейки владели жалкое существование. Основанные в начале 20-х годов женские клубы были крайне малочисленны. Даже жены руководящих партийцев показывались на людях в чадре, что в июле 1929 года с возмущением отмечалось в докладной записке бюро одной из партийных организаций⁴⁶.

³⁶ ГААР, ф. 2448, оп. 1, д. 508, л. 4.

³⁷ ГАРФ, ф. 374, оп. 27, д. 1889, П. 7–10.

³⁸ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 148, л. 3.

³⁹ Такую мысль он высказал в одной из своих статей, опубликованной летом 1926 года в партийной газете «Коммунист». См.: Газанфар Мусабекоев. Избранные статьи и речи. — Т. I. — Москва, 1960. — С. 119.

⁴⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 20, л. 270; D.Hajibeyli. Anti-Islamic Propaganda in Azerbaijan / Caucasian Review. — № 7. — 1958. — С. 20–65.

⁴¹ Коллективизация сельского хозяйства в Азербайджане. Сборник документов и материалов. — Т. I. — Баку, 1982. — С. 191; РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 756, л. 34.

⁴² РГАСПИ, ф. 17, оп. 67, д. 410, л. 95.

⁴³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 756, л. 34–35, 145; ф. 17, оп. 67, д. 410, л. 160–162.

⁴⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 1, л. 146.

⁴⁵ Gregory J. Massell. The Surrogate Proletariat. Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929. — Princeton/N.J., 1979. Fannina W. Halle. Frauen des Ostens. Vom Patriarchat bis zu den Fliegerinnen von Baku. — Zürich, 1938.

⁴⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 756, л. 126; РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 33, л. 26–27; РГАСПИ, ф. 17, оп. 67, д. 70, л. 26–27; ГАРФ, ф. 3316, оп. 26, д. 657, л. 15.

Такое сопротивление не было предусмотрено в планах большевиков по построению новой жизни — ведь как можно было упорствовать против того, что не вызывало сомнений и воспринималось разумом как необходимость. Нежелание покориться было делом рук врагов, препятствовавших осуществлению социалистической утопии. Поэтому партийное руководство пришло к выводу о необходимости самых решительных действий в процессе эмансипации.

Весной 1929 года комиссариат по делам народного образования Азербайджана издал декрет, запрещавший женщинам носить чадру в общественных местах. В городах и деревнях партийные комитеты и женские ячейки устраивали публичные акции, во время которых с женщин срывали чадру и сжигали ее на костре. Активисты из Баку на сельских сходках пытались настроить женщин против мужчин и привлечь их на сторону партии. В апреле 1928 года правительство наложило строгий запрет на браки с несовершеннолетними и многоженство⁴⁷. Неповиновение каралось репрессиями. Во многих селах прошли показательные процессы против мужчин, которые пытались препятствовать нововведениям в отношениях между полами. Женщины на этих процессах должны были брать на себя роль общественных обвинителей, с тем чтобы открыто засвидетельствовать наличие борьбы между полами. У эмансипированных женщин не было перспектив выживания в сельской общине, чего и добивались большевики. Но и вне села у них практически не было возможности устроить свою жизнь. Женщины, ставшие в вопросе эмансипации на сторону режима, лишили себя жизненной основы и безопасности, в некоторых случаях они становились жертвами актов коллективной мести в сельских сообществах⁴⁸.

Культурная революция не достигла ни одной из своих целей. Она вызвала хаос и анархию по всему Азербайджану. Преданные анафеме священники, бан и кулаки уходили в подполье и присоединялись к возникшим повсюду бандам. В начале 1929 года весь округ Закаталлы на севере Азербайджана оказался под контролем бандита Хафиза Эфенди, который навел ужас на коммунистов⁴⁹. Ответом крестьян на антирелигиозное рвение носителей культурной революции стало встречное насилие. Там, где закрывались мечети, происходили нападения на коммунистов. Представители власти становились жертвами народного гнева не только в деревнях, но и в крупных городах. Уничтожались библиотеки, женские клубы и партийные учреждения. В некоторых местах публично сжигались портреты советских вождей. В 1928 году участились случаи нападения крестьян на эмансипированных женщин. Нередко их зверски убивали⁵⁰. И хотя режим не удалось анатомировать и перестроить общество, он приобрел опыт разрушения и внес в жизнь народа хаос. Таким путем большевики надеялись проникнуть в глубь общества, взломать его и освободить от влияния темных сил.

При попытках достичь прогресса в коллективизации окраинных сельских районов казалось, что вот-вот осуществится заманчивая перспектива освобождения мира от страданий, связанных с его чуждостью, преодоления амбивалентности и установления ясности. Коллективизация сельского хозяйства была радикальной формой продолжения куль-

турной революции — как в России, так и на периферии. Однако в исламских окраинных районах она была лишена какого бы то ни было экономического смысла. Здесь преследовалась цель принудить кочевников к оседлости, перестроить жизнь крестьян согласно планам построения социалистического общества, разложить семьи и навсегда устранить врагов прогресса. Именно такие задачи были сформулированы в речи Молотова, приведенной в начале статьи⁵¹.

Коллективизация. Террор и этнические чистки

Коллективизация сельского хозяйства, которая началась в Азербайджане лишь в феврале 1930 года, вылилась в войну режима против собственного народа. При этом она поставила политическую систему на грань полного самоуничтожения. Крестьян заставляли вступать в колхозы под угрозой репрессий. «Либо за социализм, либо в Архангельск», — такими словами чекисты втолковывали крестьянам альтернативу, стоявшую перед ними⁵². Кулаков и оставшихся в деревне мулл расстреливали, доставляли в концентрационные лагеря или депортировали в Центральную Азию. Многие крестьяне были насильно переселены в непроходимые горные районы Кавказа⁵³. В законе от 16 февраля 1930 года убийство женщины мужжиной провозглашалось контрреволюционным актом, а суды обязывались выносить убийцам смертные приговоры⁵⁴. Подобными мероприятиями большевики надеялись разрушить установившуюся систему родственных отношений и сломить сопротивление населения. Однако эти надежды довольно быстро рассеялись как дым. Крестьяне оказывали режиму ожесточенное сопротивление. Скотоводы резали скот, чтобы не отдавать его заготовительным отрядам, земледельцы уничтожали посевы хлопка и сжигали амбары с зерном.

Весной 1930 года авторитет государственной власти за пределами Баку рухнул окончательно. Нападения на коммунистов, председателей Советов и партийных комитетов, рабочих-активистов и членов союза безбожников стали обычным делом. Азербайджанские крестьяне носили оружие для защиты от посягательств властей. Некоторые из них объединялись в разбойничьи шайки и изгоняли представителей власти из деревни. Во многих регионах коммунисты могли передвигаться только в сопровождении вооруженной охраны. В мае 1930 года объединившимся крестьянам на несколько недель удалось овладеть городом Куба. Сотни членов партии и учителей, лояльных к режиму, стали жертвами крестьянского суда. Ранней весной 1930 года большевики утратили контроль над событиями, в селах ходили слухи о крахе советского государства и возвращении изгнанных руководителей⁵⁵.

Под давлением центра, в особенности Сталина и Молотова, летом 1930 года меры по подавлению этих выступлений были ужесточены. Эмиссар Сталина в Закавказье В.В. Ло-

⁴⁷ О кампании против ношения чадры см.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 756, лл. 34–35, 77–92; ГАР, ф. 379, оп. 6, д. 63, лл. 40–86.

⁴⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 1, лл. 132–139; Хухрат. Усилить классовую бдительность и производственную активность // Революция и национальность. — № 3. — 1933. — С. 47.

⁴⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 32, л. 268; РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 756, л. 27.

⁵⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 756, л. 71; РГАСПИ, ф. 17, оп. 67, д. 410, лл. 164, 196.

⁵¹ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 60, лл. 139–141.

⁵² ГАР, ф. 1017, оп. 1с, д. 43, л. 4.

⁵³ Ср. отчеты азербайджанской прокуратуры: ГАР, ф. 1017, оп. 1с, дела 38–164; РГАСПИ, ф. 17, оп. 162 (особая папка), д. 8, лл. 69–71.

⁵⁴ А. Вышинский. Союзная прокуратура — мощное орудие борьбы за социалистическую законность // Революция и национальность. — № 10. — 1933. — С. 5.

⁵⁵ ГАР, ф. 1017, оп. 1с, д. 38; РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 32, лл. 36–54, 215–218; РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 190, лл. 23–32.

минадзе на X съезде АзКП в начале июня 1930 года изложил рекомендации Политбюро о восстановлении политической власти: ответом на сопротивление должно стать физическое уничтожение, главней банд необходимо «без соблюдения формальностей» расстреливать на месте. Ломинадзе посоветовал ГПУ брать в заложники купцов, мулл и кулаков, чтобы вынудить бунтовщиков к сдаче. На восстания он призывал отвечать расстрелами заложников:

«За каждого убитого учителя, коммуниста и комсомольца по крайней мере десять таких мерзавцев отправить на тот свет (аплодисменты), действовать очень быстро, решительными и короткими ударами. В этом вопросе у нас нет никаких разногласий»⁵⁶.

В дело вступили регулярные части Красной Армии, применявшие против взбунтовавшихся крестьян артиллерию, самолеты и газовые снаряды. Многие деревни обезлюдели или были уничтожены. «Полевые суды» повсеместно устраивали показательные процессы против действительных или мнимых врагов режима, нередко ГПУ проводило публичные казни кулаков в целях устрашения⁵⁷. В директиве Политбюро (20.02.1930) настоятельно предписывается «изоляция организаторов, участников бандитского движения и всех, кто оказывает ему поддержку, в концентрационных лагерях», «особо вредные элементы» подлежали расстрелу. Кулаков некоренной национальности, живших на границе с Ираном, надлежало изгнать из селений⁵⁸. С марта 1930 по июнь 1933 года свыше 6000 кулаков вместе с семьями были депортированы из Азербайджана в концентрационные лагеря на территории Узбекистана и Казахстана. Тысячи семей были сосланы в суровые горные районы на севере Азербайджана, многие погибли вследствие лишений и неустойчивости быта⁵⁹.

Огромное количество мулл, баев и кулаков действительно исчезли из жизни азербайджанской деревни, казалось, что их влияние осталось в прошлом. Однако коммунисты все равно достигли немногого. Колхозы оставались лишь видимостью нового уклада, за которой продолжали существовать традиционные формы семейно-клановой жизни. По такому же принципу формировались рабочие бригады коллективных хозяйств. Иногда преследуемым кулакам удавалось найти убежище под надежной крышей семейного союза. В колхозах практически в нетронутом виде сохранились и отношения собственности, а также традиционное распределение ролей по половому признаку, и народные суеверия, и сложившиеся правила разрешения конфликтов. Таким образом, социалистические преобразования на селе укрепили то, что были призваны разрушить⁶⁰.

Центр осознал невозможность совершения культурной революции на советском Востоке силами местных аппаратов управления. Органом юстиции и милиции оказалась не по плечу задача сломить сопротивление крестьян и осуществить революционные преобразования в их жизненном укладе. Причиной этому была не только их слабость. Мили-

ционеры, судьи, прокуроры являлись частью того общества, которое хотели уничтожить большевики. Их личности формировались под влиянием местных традиций, и они не могли противопоставить себя этому привычному миру. Согласно формулировке Каинина в одном из писем Молотову, датированном августом 1933 года, суды при осуществлении правосудия должны были «пропагандировать коммунизм»⁶¹. На самом деле они дискредитировали его своей несостоятельностью и неспособностью заменить традиционные правовые взгляды «современными». Часто безграмотными оставались убийства эмансипированных женщин, похищения молодых девушек и изнасилования. Прокуроры не только проявляли либеральность, но иногда с пониманием относились к многоженству и кровной мести. В середине 30-х годов число зарегистрированных преступлений такого рода даже возросло. Азербайджанская юстиция заплатила высокую цену за свою несостоятельность при воплощении в жизнь планов центра. Во время Большого Террора были уничтожены или приговорены к лишению свободы более половины всех служителей юстиции. Жизнь народного комиссара по делам юстиции Айны Султановой оборвалась в подвалах НКВД в Баку⁶².

С таким же недоверием центр относился и к партийным организациям Азербайджана. В начале первой пятилетки число турок — членов партии постоянно увеличивалось. Однако то, что задумывалось как вращение в местную жизнь и пролетаризация режима, на деле довольно быстро оказалось лишь еще одной данью традиции: встречались секретари партийных организаций, которые посещали по пятницам мечети, женщины, приходившие на политические собрания в чадре, и крестьяне, которые становились коммунистами только потому, что их родственники занимали высокие партийные посты. Подделывались, продавались и покупались партийные билеты. Во время съезда Советов Азербайджана в 1929 году выяснилось, что у многих делегатов не было мандатов. Они отправились на съезд по поручению своих родственников, которые не могли принять в нем участие. Лишь немногие коммунисты были в состоянии назвать имена политических вождей Советского Союза. Цели большевиков были неадекватны жизненному укладу местных партийных аппаратчиков. Они были непонятны — и поэтому неустойчивы⁶³.

Политическое руководство страны знало об этом. Подтверждением тому стали периодические чистки и выборы в местные советы между 1929 и 1936 годами. С их помощью центр попытался привести партийный аппарат и органы государственной власти в соответствие с требованиями о построении светлого социалистического будущего. Но и эти меры не принесли ожидаемых результатов. Во время выборов в Советы в 1933 году на селе вспыхнула ожесточенная схватка между отдельными кланами, возглавляемыми сельскими коммунистами⁶⁴. Тот, кто выходил из нее победителем, назначал на политические должности своих родственников. Партийные чистки способствовали сведению счетов между конкурирующими кланами, помогая доносителям устранять своих врагов. Бывало, что прибытие в деревню комиссии по чистке провоцировало драки между враждовавшими группами, а иногда и кровную месть⁶⁵.

⁵⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 40, л. 188.

⁵⁷ ГААР, ф. 1017, оп. 1с, д. 105, лл. 9–10.

⁵⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162 (особая папка), д. 8, л. 99.

⁵⁹ ГААР, ф. 1017с, оп. 1с, д. 89, лл. 1–59; ГААР, ф. 1017с, оп. 1, д. 110, лл. 1–136; РГАСПИ, ф. 17, оп. 162 (особая папка), д. 14, л. 124; Баберовски. Сталинизм «сверху» [см. сноску 3], с. 586–589.

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 120, оп. 28, д. 6, лл. 25–24; РГАСПИ, ф. 17, оп. 23, д. 49, лл. 25–26; Коллективизация сельского хозяйства в Азербайджане. — Т. 1 [см. сноску 42]. — С. 192–196; А. Богданов. Колхозное строительство в национальных районах // Революция и национальность. — № 3. — 1930. — С. 41.

⁶¹ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. — Москва, 1995. — С. 132.

⁶² ГАРФ, ф. 8131, оп. 12, д. 26, л. 119; ГАРФ, ф. 8131, оп. 12, д. 26, лл. 200–202; ГАРФ, ф. 9492, оп. 1, д. 11, л. 80.

⁶³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 236, лл. 28–37; РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 93, лл. 8–22, 37–38, 64–67.

⁶⁴ И. Бабинцев. Советские Закавказья в борьбе за социалистическое развитие сельского хозяйства // Революция и национальность. — № 8/9. — 1933. — С. 91.

⁶⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 32, лл. 10–12.

В Баку в результате чисток снова разразились конфликты на этнической почве. Враждовавшие между собой русские и турецкие рабочие доносили друг на друга для того, чтобы быть услышанными партийным руководством и извлечь из этого определенные выгоды для себя. Русские жаловались на классовых врагов, а турки — на великодержавных шовинистов. На собраниях, которые созывались комиссиями на предприятиях, возникало такое острое этническое противостояние, что зачастую при этом забывали о первоначальных целях чисток⁶⁶. Политическое руководство в Москве рассматривало чистки лишь как орудие борьбы против классовых врагов, чуждых элементов и саботажников. На самом деле они снова вызывали к жизни повседневные конфликты между людьми, которые не проявляли никакого интереса к политической подоплеке самих чисток. После того как в Политбюро осознали этот факт, последовало постановление подвергнуть разрушительному насилию сами органы партийной и государственной власти.

Готовность к применению насилия в широких масштабах и культурное разнообразие, воспринимаемое центром как проявление отсталости, имеют причинно-следственную связь. В Азербайджане связь между отсталостью и террором проявила себя более отчетливо по сравнению с другими регионами Советского Союза. Сталин поручил сподвижнику Берин — Мир Джафару Багирову развернуть террор на местах. Будучи начальником ГПУ Азербайджана, этот человек пользовался недоброй славой жестокого исполнителя, который никогда не испытывал угрызений совести. В 1933 году Сталин повысил Багирова в должности, назначив его первым секретарем партийной организации Азербайджана, и выразил надежду, что ему удастся наконец окончательно уничтожить всех врагов советского государства. Именно так Сталин обосновал это назначение в письме к Молотову⁶⁷. Багиров оправдал надежды. Жертвой террора стала почти вся национальная партийная элита АзКП, а вместе с ней из политической жизни полностью исчезла дореволюционная интеллигенция. Центр освободился не только от неудавшихся и ненадежных толкователей светлого будущего, от коммунистов-мусульман, которые осуществляли тайную деятельность в интересах врагов народа, — за годы Большого Террора в цепких когтях органов госбезопасности оказались десятки тысяч секретарей партийных организаций, председателей Советов, директоров предприятий, судей и прокуроров, судьи которых по своему усмотрению решал бывший начальник НКВД Азербайджана. Багиров развязал беспрецедентную травлю партийного и государственного аппарата и дестабилизировал его до такой степени, что поставил на грань саморазрушения. Политбюро в Баку в течение всего 1937 года занималось почти исключительно преследованием членов партии и государственных служащих⁶⁸. Количество людей, ставших жертвами повсеместных расстрелов, было так велико, что на карту была поставлена способность режима управлять страной. Так, в частности, государственная прокуратура Азербайджана, которую считали средоточием несостоятельности, в результате расклучивания маховика террора почти полностью прекратила свое существование⁶⁹.

⁶⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 189, лл. 41–45; РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 32, лл. 10–11; ГАРФ, ф. 374, оп. 27, д. 1666, л. 7.

⁶⁷ Письма И.В. Сталина В.И. Молотову. 1925–1936 гг. — Москва, 1995. — С. 145; О роли Багирова см.: РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 148, лл. 1–21.

⁶⁸ Решения, принятые в годы Большого Террора азербайджанским Политбюро, см.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 17, д. 113–122.

⁶⁹ ГААР, ф. 1017, оп. 2, д. 9, 76–140; Jörg Baberowski. «Die Verfasser von Erklärungen jagen den Parteiführern einen Schrecken ein». Denunziationen und Terror in der stalinistischen Sowjetunion 1928–1941: Friso Ross/Achim

Террористическое безумие в Азербайджане уже в начальной стадии приобрело особые черты. Причиной этому была вражда между семейными кланами, следствием которой неминуемо становились доносы на врагов. Крестьяне мстили председателям колхозов, секретарям партийных организаций, которые вели себя как деспоты: вожди кланов использовали доносы, чтобы захватить должности для себя и членов своей семьи и вытеснить противников. В этих условиях жертвой становился не только объект доноса, но и все его окружение. На Пленуме Центрального Комитета в январе 1938 года Молотов сетовал на большое число доносов и жалоб, которые поступают к нему из Азербайджана. Он, казалось, чувствовал, что разгул террора в этой республике лишь отчасти отвечает намерениям центра, и резко критиковал ошибочную направленность волны доносительства в Азербайджане:

«Нет ли у вас организации в Баку, которая посылает жалобы в Москву? Ниоткуда не поступает так много жалоб, как из Баку. Но жалобы эти странного типа»⁷⁰.

Сталин, однако, дал понять, что не заинтересован в том, чтобы положить конец масовому террору. Для него доносительство было воплощением воли народа. «Авторы заявлений запугали партийных руководителей», — сказал он в оправдание доносительства в Азербайджане, а страх партийных вождей был для него свидетельством невольного признания ими своих проступков⁷¹. Подданные подхватили призыв власти и начали избавляться от врагов, осложнявших им жизнь. Тем самым намерения режима и низов совпали, несмотря на различие причин, побудивших их к таким действиям, и реплика Сталина на октябрьском Пленуме 1937 года подтверждает эту связь. Секретарь областной партийной организации Сибири Эйхе выступил с отчетным докладом перед Центральным Комитетом. Он говорил о повышении урожая зерновых и улучшении благосостояния народа. Сталин сразу нашел этому убедительное объяснение: «Люди счастливы, потому что избавляются от саботажников»⁷².

За годы Большого Террора Азербайджан потерял свою духовную и политическую элиту. Этого любыми средствами добивались Сталин и его сподвижники. Не лишен иронии тот факт, что выжившие из числа крестьян, которые заняли должности репрессированных, мало что смогли сделать для преодоления национальных традиций в партии.

Жертвами террора стали целые этнические группы. В 1937 году из Азербайджана в Казахстан было депортировано свыше тысячи курдских семей; евреев-горцев из Кубахского района переселили в Крым; тысячи иранских граждан были выдворены на родину или сосланы в Центральную Азию⁷³. Возникает вопрос: что побудило большевиков к массовому преследованию не только социальных, но и крупных этнических групп? В их понимании каждый человек принадлежал к социальному и объективно определяемому классу. На самом деле не человек принадлежал к классу, а, наоборот, класс — человеку.

Landwehr (Hrsg.) Denunziation und Justiz: Historische Dimensionen eines sozialen Phänomens. — Tübingen, 2000. — С. 165–198.

⁷⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 634, л. 61.

⁷¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 634, л. 62.

⁷² РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 625, л. 40.

⁷³ Martin. An Affirmative Action Empire [см. сноски 18], с. 606–632; Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Кавказ: народы в эмиграции (20–60-е годы). — Москва, 1998. — С. 103–107; О переселении евреев-горцев см.: ГАРФ, ф. 5446, оп. 1, д. 132, лл. 131–138.

При социализме существовал своеобразный классовый рейтинг: рабочие пользовались теми привилегиями, которые ранее предоставлялись людям зажиточным и хорошо образованным. Быть представителем рабочего класса стало почетно. Чтобы оказаться причисленным к новой знати, надо было предъявить доказательства своего пролетарского происхождения. Дорога в ставшее наследственным пролетарское сообщество была закрыта для «бывших» — сыновей и дочерей царских чиновников, помещиков и купцов. На них стояло вечное клеймо изгоев и тунеядцев⁷⁴.

В большевистском понимании классовая принадлежность человека не зависела от его воли. Поэтому представляется уместным говорить о существовании социалистического сословного общества. Большевики полагали, что человек принадлежит не только к определенной нации, но и к определенному классу. Советские граждане не могли сами решать вопрос о своей национальной принадлежности. За каждым были закреплены признаки не только социального, но и этнического происхождения. Большевики считали, что нации также образуют иерархию, и исходя из этого можно установить коллективные права той или иной этнической группы. Навязчивая идея большевиков развести людей — вне зависимости от их воли — по классам и нациям поляризовала советское общество. Там, где большинству предоставлялись привилегии, национальные меньшинства выдвигали требования о равноправии.

Большевистская концепция встраивания в национальную ткань вынуждала национальные меньшинства соотносить себя с нациями. От того, какая нация и какой язык признавались родными, зависели шансы на выживание этнических меньшинств в республиках Советского Союза. Такое признание облекалось в публичную форму национальных Советов, национальных районов или национальных рабочих бригад⁷⁵. Потенциальные враги существовали для большевиков лишь в коллективном виде и подлежали в силу этого коллективному уничтожению. Социальные и этнические таблицы ранга в начале 30-х годов стали полем битвы, на котором противостояли друг другу враждебные классы и нации. Периферия оказывала более жесткое сопротивление коллективизации по сравнению с центральными районами России. Уже в начале 30-х годов режим заклеил казаков, поляков, курдов, иранцев, евреев и немцев как представителей враждебных наций, состоявших в союзе с зарубежными силами. На Северном Кавказе, в станицах кубанских казаков ГПУ не ограничивалось разоблачением кулаков и классовых врагов. Здесь в период коллективизации арестовывались и депортировались все жители казачьих поселков вне зависимости от их социальной принадлежности. Такая же судьба была уготована курдам, иранцам и горным евреям Азербайджана. Однако из этого вряд ли следует, что большевики стали жертвой антинациональной фобии. Репрессии и депортации объясняются скорее преувеличением роли национальных классификаций. Коллективное уничтожение и ссылки социальных и этнических групп были следствием одного и того же побудительного мотива: необходимости ответить насилием на мнимую враждебность крупных групп, которые представляли как нечто целостное лишь в воображении большевиков⁷⁶.

⁷⁴ Sheila Fitzpatrick. *Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia* // *Journal of Modern History*. — № 4. — 1993. — С. 745–770; В дневнике сына кулака Степана Подлубного описывается попытка одного из отверженных стать частью пролетарского сословия и добиться таким образом признания. Ср.: Jochen Hellbeck (Hrsg.). *Tagebuch aus Moskau 1931–1939*. — München, 1995.

⁷⁵ Terry Martin. *Borders and Ethnic Conflict: The Soviet Experiment in Ethno-Territorial Proliferation* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. — № 4. — 1999. — С. 538–555.

⁷⁶ Баберовски. Сталинизм «сверху» [см. сноску 3]. — С. 572–595.

Сталинская политическая система была полярной по своей сути, она жила образом врага, который подлежал устранению. Даже в своих интеграционных устремлениях сталинское руководство прибегало к террористическим методам. И осуществляло их вплоть до той грани, за которой следовало полное саморазрушение. При этом власть даже не вполне осознавала разрушительность этой безумной гонки. Большевики не стремились к стабилизации ситуации. На самом деле они постоянно искали способы ее преодоления. В соответствии с идеологическими установками такое поведение было целесообразным и разумным.

В этом смысле широкомасштабный террор неотделим от безумных идеологических представлений, которые загуманили головы большевиков. Террор был порождением идеологии, а не коммунизма. Но он возник не сам по себе. Он вырос из попытки преодоления культурного разнообразия и противостояния в целях достижения единомыслия и однозначности. Большевики и их подданные столкнулись как две чужие, непонятные друг другу силы. В представлении кремлевских правителей это столкновение было воплощением схватки между силами света и тьмы — а значит, ход исторического развития был предначертан. Исход конфликта был, казалось, очевиден, но «инородцы» все-таки оказывали сопротивление — поэтому конфликт надлежало устранить, а мир — освободить от страданий, обусловленных отсталостью.

Массовый коммунистический террор развернулся только там, где тоталитарные притязания на переустройство общества и воспитание нового человека разбивались о существующую реальность. «Чуждые элементы», «враги народа» и «враждебные нации» — словом «социально засоренное окружение» могло существовать только там, где противодействие представлялось коммунистам как дело рук организованных врагов. Сталинизм праздновал победу в хаосе неопределенности, так и не сумев его преодолеть. Он черпал жизненные силы в неутолимом стремлении уничтожить чужое и отличное от него. И в этом прослеживается сходство между сталинизмом и национал-социализмом.

Сузанна Шаттенберг

К вопросу о вине

Новые концепции в советологии
на примере «дела инженеров» 20–30-х годов

Конец спорам о тоталитаризме-ревизионизме?

С появлением «Черной книги коммунизма» еще более остро встал вопрос о новой парадигме в советологии. После того как рухнул Советский Союз и были открыты архивы, историки столкнулись со странной ситуацией: новые источники появились, а предмет исследования исчез. Ввиду этих обстоятельств упорная приверженность теоретическим построениям либо тоталитаризма, либо ревизионизма становилась все более неуместной. Старые концепции, возникшие в западной мысли частично как вспомогательные конструкции и призванные в условиях недостаточной документальной базы пролить свет на процессы, происходившие в Советском Союзе, казалось, исчерпали себя. Новые документы дали такое разнообразие статистического материала, что он с трудом вписывается в старые схемы, а иногда даже идет вразрез с ними или разрушает их.

Не означает ли это, что в архив следует отправляться вообще без какой-либо концепции, с тем чтобы уйти с головой в документы и черпать из них данные, не обременяя себя предварительными установками? Стал ли конец Советского Союза и «концом истории» в том смысле, что все старые споры забыты, идеологии устарели, а сама советология с точки зрения исходных гипотез должна начаться с нуля? Недавно в одной из дискуссий Николай Верт заявил, что считает «интеллектуальную гражданскую войну» между тоталитаристами и ревизионистами завершенной, а единственным приоритетом для него остается обработка документального материала, свободная от каких-либо концепций¹. И действительно, при чтении его статьи «Государство против собственного народа» в «Черной книге коммунизма» создается впечатление, что надо дать документам говорить самим за себя, не заботясь о теоретической базе².

¹ Это мнение высказано им во время дискуссии, состоявшейся в европейском университете на Виадрина (Франкфурт-на-Одере) 4 февраля 1999 года при участии Карла Шлегеля, Габора Т. Риттершпорна и Герда Кенена. О спорах относительно направленности историографии по Советскому Союзу см.: Russian Review, № 1, 1986, в том числе: Sheila Fitzpatrick. New Perspectives on Stalinism, с. 357–373; Stephen F. Cohen. Stalin's Terror as Social History, с. 375–384; Geoff Eley. History With the Politics Left Out — Again?, с. 385–394; Alfred G. Meyer. Coming to Terms with the Past... And with One's Older Colleagues, с. 401–408.

² Nicholas Werth. Ein Staat gegen sein Volk. Gewalt, Unterdrückung und Terror in der Sowjetunion. Stéphane Courtois et al. (Hrsg.). Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror. В том числе раздел «Осмысление социализма в ГДР» Иохима Гаука и Эрхарда Нойберга. — Zürich, 1998. — С. 51–295.

Для своей очень детальной статьи Верт собрал большое количество нового архивного материала, который он как товар раскладывает перед читателем и пытается преподнести в качестве объективных и никак не отфильтрованных данных³. Похоже, что он вообще стремится уйти от миссии историка и подспудно даже отрицает определяющую роль исследователя в выборе фактического материала, его систематизации, обработке, оформлении и вынесении на суд читателя. На самом деле Верт ни в коем случае не предоставляет читателю возможность по своему усмотрению толковать данные или произвольно увызывать события. Напротив, он предлагает интерпретацию фактов, не обозначая проблематики и не объясняя, почему он сделал выбор в ее пользу. При этом автор выстраивает ряд событий от 1917 года вплоть до подготовки новой волны террора в начале 50-х годов, которые дают представление о последовательном раскручивании маховика насилия в СССР.

Террор у Верта не увязывается с определенными событиями, социально-экономическими условиями, внешними, внутренними или внутрипартийными отношениями, послужившими толчком к нему. Верт как бы говорит: вначале был террор, он не был вызван определенными обстоятельствами, кампания по уничтожению населения была первойшей целью большевиков⁴. Показательны в этом смысле высказывания типа: «В начале 1928 года [...] сталинское большинство в Политбюро приняло решение об окончании передышки в борьбе против общества [...] Так начался второй этап войны против крестьянства [...]». Или: «В 1928 году режим отказался от передышки в борьбе с еще одной общественной группой — спецами»⁵.

Верта многократно упрекали именно в такой, проникнутой авторскими интенциями манере изложения и недостаточном внимании к внутрипартийному контексту⁶. Он, кажется, и в самом деле усматривает причину террора в идее социализма и коммунизма, которой придерживались большевики. Тем самым он не только подспудно выдвигает концепцию, утверждая, что не имеет ее вообще, но и вплотную приближается к посылкам адептов тоталитаризма.

Случай с Вертом еще раз со всей ясностью демонстрирует, что непредвзятое, «наивное» исследование предмета в принципе невозможно. Оно так или иначе несет на себе печать авторских предпосылок, которые обязательно сказываются на результатах. Историки небезосновательно все еще считаются представителями науки, лишенной своего предмета⁷, и как раз в работах Верта особенно отчетливо обнаруживается по крайней мере такая же зависимость выводов, сделанных в конце исследования, от мировоззрения историка и его исследовательского инструментария, как и от использованных им источников. К тому же статья Верта является свидетельством того, что спор о тоталитаризме-ревизионизме далеко не завершен, начинается его второй раунд. Она подтверж-

³ Правда, Верт кратко обозначает преобладающие направления в исторических исследованиях, однако, не высказывая собственной оценки, пытается создать впечатление, что показывает «все так, как оно было на самом деле», ср.: там же, с. 51 и далее.

⁴ Там же, с. 67 и далее.

⁵ Там же, с. 159, 161.

⁶ См., напр.: Armin Pfah-Traugher. Das Schwarzbuch des Kommunismus // Osteuropa. — № 11/12. — 1998. — С. 1222–1223, здесь: с. 1223; Eric D. Weitz. Das Schwarzbuch des Kommunismus // Potsdamer Bulletin für Zeithistorische Studien. — № 13. — 1998. — С. 67–72, здесь: с. 67 и далее.

⁷ См.: Carlo Ginzburg. Veranschaulichung und Zitat. Die Wahrheit der Geschichte: Fernand Braudel et al. (Hrsg.). Der Historiker als Menschenfresser. Über den Beruf des Geschichtsschreibers. — Berlin, 1990. — С. 85–102, здесь: с. 85.

дает тезис о том, что в Советском Союзе всемогущее государство контролировало все происходящее и несет за него ответственность, в нем не остается места для отдельно действующих людей. В самом названии «Государство против собственного народа» предугадывается жесткая дихотомия «исполнитель — жертва».

Вопрос, составляющий суть этого спора, — извечный вопрос: как это могло случиться? кто играл решающую роль в осуществлении политики большевиков и террора — всемогущее государство или общественные группы, которые под влиянием, например, новых социальных возможностей придали новой системе прочность?⁸ Вызов ученым в связи с тем, что стали доступны архивы, следует усматривать не в подтверждении того или иного тезиса богатым фактическим материалом, а в доказательстве синтеза и взаимодействия этих факторов. Необходимо показать комплексный характер исторического развития⁹, взаимосвязь действий и отклика на них, константности и изменений, энтузиазма и страданий, сопротивления и конформизма, а не бросаться при анализе событий от одного полюса — «государственного внедрения в жизнь» — к другому — «ответственности за происходящее определенных социальных групп».

Спор вокруг «Черной книги коммунизма» — и прежде всего вокруг упорной позиции Верта относительно вины государства — снова показал, что получение доступа к документальным источникам вовсе не исключает необходимости создания новых концепций, а тем более автоматически не устраняет старой пропасти между ревизионизмом и тоталитаризмом. Напротив, как раз новая ситуация требует активной авторской позиции. Источники не говорят сами, их озвучивают историки.

Вопрос об исполнителях

К центральному и всегда незримо присутствующему в подобных исследованиях вопросу об исполнителях Верт обращается лишь в последнем абзаце, и то только с тем, чтобы предоставить возможность отвечать на него другим: «В исследовательских работах пока еще недостаточное внимание уделяется вопросу об исполнителях. Для этого потребуются развернутый анализ всего общества — как жертв, так и тех, кто принимал активное участие в событиях»¹⁰. Тем самым он противоречит самому себе, так как в названии «Государство против собственного народа» он давно уже дал ответ на вопрос, поставленный на последней странице. Но как раз дискуссия о вине была бы наиболее благодатным подспорьем для преодоления дихотомии «тоталитаризм — ревизионизм», так как могла бы пролить свет на тот факт, что воплощение любого решения государства в жизнь предполагает готовность исполнителя наполнить руководящее указание смыслом и следовать ему.

С другой стороны, не исключено, однако, что в обществе высвободился определенный потенциал, что насилие исходило от отдельных групп и вспышки агрессии провоцировались с опорой на существующие настроения или традиции. Но до тех пор пока в качестве рабочих понятий будут использоваться абстракции типа «государство» или

«партия», вряд ли удастся реализовать на практике столь насыщенный комплексный подход. А ведь именно сейчас пришло время для начала дискуссии о «попугайных подручных Сталина» и создания феноменологии всего населения Советского Союза, не подразделяя его на исполнителей и жертв. Вопрос заключается в том, можно ли будет в конечном счете продолжать говорить о «государстве, действовавшем против собственного народа», или придется окончательно распрощаться с упрощающими сложную картину штампами. Поиск исполнителей тут же влечет за собой вопрос о том, чем объяснять готовность человека к насилию. Если исходить из того, что люди доносили, разрушали и убивали во имя идей, которые не были для них абстрактными и чуждыми, то необходимо определить удельный вес этих основополагающих идей социализма в актах насилия и разобраться, как удалось партийным вождям довести их до сознания различных групп населения в качестве руководства к действию.

Необходимо исследовать, удалось ли, и если да, то каким образом, пережить идеи большевиков на язык понятий, доступных простым людям и воспринятых ими в качестве адекватного обозначения окружающего их мира. Партийное руководство должно было обладать способностью создать монополию на толкование происходящего и выстроит канон схем такого толкования, с помощью которого большая часть населения могла упорядочить и классифицировать события, а также сверять по нему свои действия. Нужно установить, насколько глубоко прониклось общество идей о существовании врагов народа, саботажников, диверсантов, шпионов и т.д. При этом надлежит высунуть, действительно ли отдельные лица или группы людей принимали эти термины лишь для того, чтобы с их помощью перевести старые конфликты на новый язык и тем самым обрести действенное средство против своих противников. Необходимо также принять во внимание, что иногда партийным вождям вообще не приходилось создавать новые образы врагов, они лишь использовали старые клише, придавая им новое звучание и применяя для разворачивания очередной кампании преследований. Нужно отыскать ответ на вопрос об истинном размере «сталинской» доли в общем числе репрессивных актов и о том, какие конфликты разгорались по старым схемам (например, по схемам социальных конфликтов), с той лишь разницей, что имели новую форму и, возможно, подкреплялись соответствующей политикой.

Таким образом, если не исходить из того, что всеисильное государство третировало беспомощный народ-жертву, а рассматривать каждого человека в качестве субъекта и участника событий, то уместно задать вопрос: какие ориентиры влияли на мышление и легли в основу действий этих людей, как осуществлялось воздействие на эти ориентиры и как они менялись. При таком подходе субъективный взгляд участников исторических событий мог бы стать ключом к познанию объективной истории насилия и к ответу на вопрос, как это могло случиться. Хорошим подспорьем в поисках мотивов действий и в изучении вопроса, насколько здесь можно говорить о переводе идеи в практическую плоскость насилия, может стать современная история культуры¹¹. Она обнаруживает связь

⁸ См. также: Dietrich Geyer (Hrsg.). *Die Umwertung der sowjetischen Geschichte*. — Göttingen, 1991.

⁹ Ср. также: Karl Schögl. *Kommunalka — oder Kommunismus als Lebensform. Zu einer historischen Topographie der Sowjetunion // Historische Anthropologie. Kultur — Gesellschaft — Alltag*. — № 3. — 1998. — С. 329–346, здесь: с. 329.

¹⁰ Werth. *Ein Staat* [см. сноску 2], с. 295.

¹¹ О новых подходах в современной истории культуры, при которых особое внимание уделяется отдельно взятому человеку, субъективной истории и культурным стереотипам истолкования событий, см.: Friedrich Jaeger. *Der Kulturbegriff im Werk Max Webers und seine Bedeutung für eine moderne Kulturgeschichte // Geschichte und Gesellschaft*. — № 18. — 1992. — С. 371–393; Lynn Hunt. *Introduction: History, Culture, and Text*. Dies. (Ed.). *The New Cultural History*. — Berkeley и др., 1989. — С. 1–22; Rudolph Vierhaus. *Die Rekonstruktion historischer Lebenswelten. Probleme moderner Kulturgeschichtsschreibung*. Hartmut Lehmann (Hrsg.). *Wege zu einer neuen Kulturgeschichte. Göttinger Gespräche zur Geschichtswissenschaft*. Bd. 1. — Göttingen, 1995. — С. 7–28; F. Neidhardt. «Kultur und Gesellschaft». Einige Anmerkungen zum Sonderheft: On же и др. (Hrsg.). *Kultur und Gesell-*

между установками и целями государства, с одной стороны, и поведением групп населения — с другой, ибо в центре ее внимания оказывается взаимообусловленность этих двух «систем», которая и становится предметом данной науки. Культура как бы уподобляется приводному ремню, которым Политбюро должно было пользоваться так, чтобы обратиться к существовавшим образцам и традициям и повлиять на способы истолкования действительности, нормы и ценности, а также на мотивы действий¹².

При этом речь идет не о моральной стороне вопроса: кто виноват, а кто нет, кто был проводником и исполнителем насилия, а кто жертвой, кто был оппортунистом, а кто пытался противодействовать режиму. Речь идет о том, чтобы показать многообразие схем толкования действительности и поведения людей в целях получения точной картины советского общества и тех сил, благодаря которым Советский Союз существовал и развивался. Этот подход имеет своей целью не выявление «своеобразия» русского народа или унаследованной им готовности к насилию, мысль о которой пытается внушить Куртуа¹³, а определение культурных стереотипов (их возникновение, унаследование и изменение).

Обширный анализ в рамках одного исследования невозможен, однако на отдельных примерах из среды технической интеллигенции мы попытаемся показать истоки и мотивы готовности к насилию. Одновременно преследуется задача доказать, что лишь очень немногие фигуры укладываются в узкую схему «исполнитель — жертва». Спектр возможных типов поведения был достаточно широким, поэтому не следует недооценивать имеющийся простор для действий, а наоборот, надо демонстрировать его во всей полноте.

Традиция и утриеризм

Российские инженеры пользовались недоброй славой еще в царские времена. Основным недостатком их образования было отсутствие практики. Вплоть до середины XIX столетия, до 1860 года, стать инженерами могли лишь отпрыски дворянских семей, всех их ожидала карьера государственного служащего. В глазах общества они были олицетворением чиновника, бездельника, коррупционера, некомпетентности и безответственности¹⁴.

schaff — Opladen, 1986. — С. 10–18; Ute Daniel. «Kultur» und «Gesellschaft». Überlegungen zum Gegenstands-bereich der Sozialgeschichte // Geschichte und Gesellschaft. — № 19 — 1993. — С. 69–99.

¹² В качестве примера новейших исследований, предметом которых являются типы поведения и индивидуумы, см.: Stephen Kotkin. *Magnetic Mountain. Stalinism as Civilization*. — Berkeley, 1995. Jochen Hellbeck. *Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyj (1931–1939)* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. — № 3 — 1996. — С. 344–373; Igal Halpin. *Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's «Magnetic Mountain» and the State of Soviet Historical Studies* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. — № 3 — 1996. — С. 456–463; Sheila Fitzpatrick. *Lives under Fire. Autobiographical Narratives and Their Challenge in Stalin's Russia: Martine Godel (Ed.). De Russie et d'ailleurs. Feux croisés sur l'histoire*. — Paris, 1995. — С. 225–232. Stéphane Courtois: *Warum?* Schwarzbuch [см. сноски 2], с. 793–825, здесь: с. 796, 799, 800.

¹³ Manfred Späth. *Fach- und Standesvereinigungen russischer Ingenieure 1900–1914. Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*, hrsg. von Hans-Joachim Torke. — Berlin, 1984. — С. 365 и далее; Harley David Balzer. *Educating Engineers: Economic Politics and Technical Training in Tsarist Russia*. Diss. University of Pennsylvania 1980. — С. 453; Alfred Rieber. *The Rise of the Engineers in Russia* // *Cahiers du monde russe et soviétique*. — № 4. — 1990. — С. 539–568, здесь: с. 545, 563; William L. Blackwell. *The Beginnings of Russian Industrialization 1800–1860*. — Princeton, N.J., 1968. — С. 374; Kendall E. Bailes. *Technology and Society under Lenin and Stalin. Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941*. — Princeton, N.J., 1978. — С. 26. Особенно детально коррупция в среде технической интеллигенции изображена в четвертом томе («Инженеры») тетралогии писателя и инженера Николая Георгиевича Гарина-Михайловского о жизненном пути инженера Артемия Николаевича Карташова: Н.Г. Гарин-Михайловский. *Собрание сочинений*. — Т. 1. — Москва, 1957. — С. 235–520. Впервые произведение было опубликовано в 1907 году.

Между тем инженеры действительно часто принимали за взятки станки или здания с дефектами, самовольно прокладывали железнодорожные трассы или изменяли расписание движения. В начале XX века газеты постоянно писали об инженерах в связи с многочисленными несчастными случаями, причиной которых была расхлябанность, и скандалами, связанными со взяточничеством. Поэтому между 1908 и 1912 годами профессиональная ассоциация инженеров провела несколько съездов, на которых обсуждались главным образом вопросы профессиональной этики и низкой общественной репутации¹⁵.

Между рабочими и инженерами сложились особенно напряженные отношения: рабочие видели в техническом персонале своих угнетателей и считали их кровавыми врагами. Рационально мыслящие инженеры относились с недоверием к подчиненным, пребывавшим зачастую в плену суеверий, они презирали их и испытывали отвращение к их грязной и кажущейся такой неинтересной жизни¹⁶.

Враждебная позиция рабочих и отрицательное отношение общества к «инженерам» были характерны для России еще до 1917 или 1928 года и ни в коей мере не являются отличительным признаком сталинизма. Однако это уже укоренившееся предубеждение против технической интеллигенции использовалось партийными вождями и в любой момент могло быть ими реанимировано. И кампания против старых технических специалистов с 1928 по 1931 год, и стахановское движение (1935–1938), и террор против инженеров в 1937–1938 годах опирались на сохранившееся с царских времен представление о том, что инженер — это теоретик, который не знает практики, бюрократ и мздоимец, которого волнует лишь вопрос собственных привилегий, равнодушный и безынициативный мешанин¹⁷.

Небезынтересно и то, что наряду с многочисленными кампаниями травли в прессе кинематограф также то и дело обращался к образу инженера, сложившемуся еще в царские времена. Фильмы, главными героями которых были инженеры и которые демонстрировались накануне культурной революции и Большого Террора, рассказывали о периоде до 1917 года и, казалось, были задуманы только для того, чтобы напомнить рабочим, что противостоят им в этом обличье: классовый враг, угнетатель, предатель и жидовер¹⁸.

После предпринимавшихся ранее усилий по примирению рабочих и инженеров, представлению их в качестве дружественных классов реанимация враждебного образа «царского инженера» выглядела как извлечение из заплевсанного сундука старых, но еще живых стереотипов.

Вне зависимости от этих кампаний в процессе индустриализации то и дело возникали новые ситуации, таившие в себе огромный конфликтный потенциал в плане отноше-

¹⁵ Späth. *Standesvereinigungen* [см. сноски 14], с. 364.

¹⁶ Bailes. *Technology and Society* [см. сноски 14], с. 37; Hiroaki Kuromiya. *Freedom and Terror in the Donbas. A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s*. — Cambridge, 1998. — С. 51, 59, 69.

¹⁷ Ср. в связи с этим вопросом публикации в журнале «Инженерный труд» и органе Народного комиссариата по тяжелой промышленности «За индустриализацию» в 1928–1931 или 1935–1938 годах.

¹⁸ «Взрыв», режиссер П. Сазонов, ВУФКУ, Одесса, 1926. Сама картина не сохранилась, она описана в работе: А. Мачерет. *Советские художественные фильмы*. — Т. 1. — Москва, 1961. — С. 128; «Златые горы», режиссер С. Ютквич, «Союзкино», Ленинград, 1931. Хранится в Берлинском федеральном киноархиве; «Ибель сенсация», режиссер М. Доллер, «Месрабромфильм», Москва, 1935. Описан в кн.: А. Мачерет. *Советские художественные фильмы*. — Т. 2. — С. 61; «Я люблю», режиссер Л. Луков, «Укрфильм», Киев, 1936. Описан там же, с. 113 и далее; «Груня Корнакова», режиссер Н. Эжк, «Месрабромфильм», Москва, 1936. Описан там же, с. 87.

ний между рабочими и инженерами и усугублявшие пропасть, которая пролегла между этими общественными группами. В отчете Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников (ВМБИТ) в 1928 году отмечалось, что после гражданской войны и вплоть до 1925 года отношения между рабочими и инженерно-техническими работниками (ИТР) становились все менее напряженными, однако ситуация радикально ухудшилась с момента введения в 1926 году норм выработки и предоставления инженерам права на увольнение, а также в связи с притоком на заводы рабочей силы из села. Инженеры подвергались оскорблениям и физическому насилию, им угрожали расправой, а в некоторых случаях такие угрозы приводились в исполнение.¹⁹

Подобные эксцессы против инженеров стали реакцией на меры по ужесточению дисциплины и были вызваны возмущением против растущего давления и контроля на рабочем месте. В конфиденциальном отчете профсоюзной организации ИТР Надеждинского уезда Саратовской области от 1928 года отмечается, что инженеры воспринимают развязанную против них травлю как форму отказа рабочих подчиняться авторитету инженера. Для подкрепления этой мысли цитируется высказывание «товарища Ю.»:

«Приведу пример. Отдаю техническое распоряжение о назначении семи рабочих на ремонтную работу. Председатель профбюро заявляет, что он с этой работой прекрасно знаком, что тут обязательно необходимы 18, а не семь человек. Заявляет это в самой грубой форме, в присутствии рабочих, которые, услышав подобное заявление председателя цехбюро, начали говорить, что, конечно, не справится тут семерым. Совершенно случайно смена не работала, людей не оказалось, и ремонт был прекрасно проведен шестью человеками»²⁰.

Инженеры воспринимали враждебное отношение к себе как трудовые конфликты, обострению которых, однако, способствовала позиция профсоюзных и партийных организаций. Примечательно и то, что молодые выдвиженцы также становились объектом вражды для своих бывших товарищей. Это еще раз косвенно подтверждает тот факт, что в данном случае речь идет не об идеологически мотивированной агрессии подчиненных по отношению к начальникам с противопоставлением «хороших» новых «плохим» старым инженерам. Выдвиженцы были несчастными людьми. Некоторые рабочие стремились видеть в них попустителей и угрожали в случае чего «задвинуть обратно»²¹. С тем чтобы сделать сносными условия работы и не допустить остановки производства, ИТР выдвинули следующее требование: «Необходимо наладить нормальные взаимоотношения между двумя составными частями производственного актива — между рабочими и инж.-тех. персоналом»²². Одновременно, однако, подчеркивалось, что это проблема внутризаводская, не вызванная вмешательством партии или государства.

Приведенные примеры показывают: большая часть конфликтов и актов насилия поддается объяснению с точки зрения классической теории урбанизма и синдикализма. Сталинской особенностью было, пожалуй, лишь то, что выступления партийных руководителей, публикации в газетах, даже театральные постановки и кинофильмы подталкивали рабочих к бунту против инженеров. К выводу о том, что здесь речь идет, по сути, о протесте рабочих, подогреваемом еще и политическими обстоятельствами, приходит

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (в дальнейшем — ГАРФ), ф. 5548, оп. 7, д. 71, л. 5.

²⁰ ГАРФ, ф. 7952, оп. 2, д. 128, л. 1, 6.

²¹ Там же, л. 5.

²² Там же, л. 1.

и ВМБИТ. В 1928 году члены бюро высказали мнение, что после шахтинского дела вряд ли удастся восстановить отношения доверия между рабочими и инженерами.²³

В журнале «Инженерный труд» (орган ВМБИТ) также публиковалась точка зрения, согласно которой травля инженеров — иногда с привлечением судебных органов — толкала рабочих на выступления против своих начальников. «Необразованные» работники могли рассуждать так: «Я — рабочий. Мне все можно! А „он“ — спец, бюрократ, чего мне с ним церемониться!»²⁴ Таким образом, именно выступления партийных вождей, разжигавших вражду к инженерам, развязали руки насилию, которое до этого пробиравлось наружу только в отдельных случаях.

Следовательно, здесь, правда лишь бегло, прослеживается взаимосвязь между сохранившимися клише, текущей конфликтной ситуацией и инициированием террора. Недостаточно просто констатировать, что в 1928 году режим снова возобновил борьбу со специалистами²⁵, равно как и неверным было бы утверждение, что выходы рабочих против инженеров в такой форме и в таких масштабах можно объяснить не принимая во внимание инициированную государством кампанию против технической интеллигенции. При взвешенном подходе нельзя допускать недооценки ни одного из этих факторов. «Исполнителем» здесь было, главным образом, не «государство», а радикально настроенный рабочий класс.

Жертва и участник спектакля

«Старые» инженеры были не только жертвами. В их жизни было все: и творческий порыв, и периоды отрезвления, и сотрудничество с большевиками, и столкновения с рабочими-активистами, и привилегия, и горький опыт насилия. Существенное влияние на решение многих «старых» инженеров сотрудничать с большевиками оказал, наряду с другими факторами²⁶, присущий им технократический образ мышления. Представление об инженере как благодетеле общества, который, благодаря своим техническим знаниям, мог решить все экономические, социальные и политические вопросы, распространилось в России еще в начале XIX века вместе с идеями Сен-Симона и стало неотъемлемым элементом инженерного образования²⁷.

Если полномочия, предоставленные в ходе Первой мировой войны инженерам и ученым, укрепили в среде технической интеллигенции убеждение в том, что она могла бы более эффективно управлять страной²⁸, то 20-е годы стали настоящим праздником рус-

²³ ГАРФ, ф. 5548, оп. 7, д. 71, л. 5.

²⁴ Инженерный труд. — № 12. — 1928. — С. 531.

²⁵ Werth. Ein Staat [см. сноску 2], с. 161.

²⁶ О других причинах см.: В.А. Ульяновская. Формирование научной интеллигенции в СССР, 1917–1937 гг. — Москва, 1966. — С. 49; С.А. Федюкин. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. — Москва, 1972. — С. 65; Loren R. Graham. Science and the Soviet Social Order. — Cambridge, 1990. — С. 147; Harley D. Balzer. The Engineering Profession in Tsarist Russia: on Job (Ed.). Russia's Missing Middle Class. The Professions in Russian History. — Armonk/New York, 1996. — С. 55–88, здесь: с. 79.

²⁷ Stephen P. Timoshenko. Engineering Education in Russia. — New York/Toronto/London, 1959. — С. 2–3; Rieber. The Rise of the Engineers [см. сноску 14], с. 552.

²⁸ Karl Schögl. Jenseits des Großen Oktobers. Das Laboratorium der Moderne. Petersburg 1909–1921. — Berlin, 1988. — С. 304; Loren R. Graham. Science in Russia and the Soviet Union. A Short History. — Cambridge, 1993. — С. 160; В.И. Чернышев. Из истории развития техники в первые годы советской власти (1917–1927). — Москва, 1962. — С. 21.

ской технократии, элементы которого были даже позаимствованы параллельно развивавшимся движением американских инженеров²⁹. Перед Россией стояли задачи по восстановлению народного хозяйства и электрификации страны (вспомним Государственный план электрификации России — ГОЭЛРО). Многие специалисты получили предложения занять высокие должности в соответствующих государственных хозяйственных учреждениях³⁰ и решили, что новое правительство предоставляет специалистам свободу действий и разрешает осуществлять государственное строительство по собственному усмотрению³¹.

Партийное руководство предоставило инженерам определенную свободу в толковании нового устройства государства, позволив усмотреть в ней начало господства техники, к которому они так стремились. Констатация этого факта не следует, однако, воспринимать как упрек инженерам в политической слепоте. Важно понять, почему специалисты старой школы отдали все свои силы стране, а тем самым и государству, к которому не испытывали расположения, но цели которого (с точки зрения индустриализации) восприняли как свои собственные.

Одним из наиболее известных представителей инженеров-технократов является Петр Акимович Пальчинский (1875–1929), который в 1917 году был министром Временного правительства, работал советником Советского правительства и в 1929 году был расстрелян еще до того, как на процессе Промпартии его признали виновным в том, что он возглавил якобы имевший место заговор «старых» инженеров³². С 1917 по 1922 год Пальчинского трижды арестовывали, однако он продолжал неумолимо трудиться и даже в тюрьме выполнял обязанности советника³³. Он работал в Госплане, был членом научно-технического отдела (НТО) Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), руководителем научно-исследовательского института и председателем Всесоюзной ассоциации инженеров (ВАИ)³⁴. Право инженеров на ведущую роль Пальчинский обосновал в 1926 году следующим образом: «Опорой для всего лучшего и ценного, завоеванного революцией, в наш век господства науки и техники, век не столько ком-интерна, как тех-интерна на первом месте являются именно научно-технические силы»³⁵.

²⁹ Так, например, предтеча американской технократии Торстен Веблен называл Высший орган по планированию технократического государства в своем фантастическом романе «Советом», см.: Thorstein Veblen. The Engineers and the Price System. — New York, 1921. — С. 54; Donald R. Stabile. Veblen and the Political Economy of the Engineer: The Radical Thinker and Engineering Leaders came to Technocratic Ideas at the Same Time // American Journal of Economy and Society. — № 1. — 1986. — С. 41–52, здесь: с. 41–43. О советском технократическом движении см. также: Kendall E. Bailes. Politics of Technology: Stalin and Technocratic Thinking among Soviet Engineers // American Historical Review. — № 2. — 1974. — С. 445–469.

³⁰ Gregory Guroff. The Legacy of Pre-Revolutionary Economic Education: St. Petersburg Polytechnic Institute // Russian Review. — № 3. — 1972. — С. 272–281, здесь: с. 280; Э. Б. Генкина. О ленинских методах вовлечения интеллигенции в социалистическое строительство // Вопросы истории. — № 3. — 1965. — С. 21–42, здесь: с. 23; Nicholas Lampert. The Technical Intelligentsia and the Soviet State. — New York, 1979. — С. 16, 22.

³¹ Graham. Science in Russia [см. сноску 28], с. 160; Bailes. Technology and Society [см. сноску 14], с. 102, 107; П. К. Енгельмайер. Нужна ли нам философия техники? // Инженерный труд. — № 2 от 15.01.1929. — С. 36–40; С. Динамов. Идеология научной и технической интеллигенции // Новый мир. — № 2. — 1929. — С. 193–202.

³² О П. А. Пальчинском см.: Loren R. Graham. The Ghost of the Executed Engineer. Technology and the Fall of the Soviet Union. — Cambridge, Mass./London, 1993; И. А. Гараевская. Петр Пальчинский. Биография на фоне войн и революций. — Москва, 1996.

³³ Гараевская. Пальчинский [см. сноску 32], с. 95 и далее; Graham. The Ghost [см. сноску 32], с. 29 и далее.

³⁴ Гараевская. Пальчинский [см. сноску 32], с. 105, 117 и далее.

³⁵ Там же, с. 149.

Такое требование замены Социалистического Интернационала на Технический Интернационал является типичным для инженеров, которые в пылу своей увлеченности техникой, сближавшей их с большевиками, поставили все свои знания и умения на службу новому государству, уверовав в возможность своего влияния на развитие общества и в то, что в конечном итоге они будут жить в современной, руководимой инженерами стране.

Кроме того, немало «старых» инженеров пошло даже на политическое сотрудничество с большевиками. На Западе до сих пор остается малозученной деятельность Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНТИСО), основанной в апреле 1927 года по инициативе академиков А. Н. Баха, А. И. Опарина, В. И. Збарского и др. в целях политического воспитания нейтральных по своим взглядам ученых и инженеров и их мобилизации на выполнение задач первой пятилетки³⁶.

В соответствии со своими целевыми установками ВАРНИТСО получила второе название («профессорский комсомол»), ее именовали «своеобразным представителем партии большевиков среди ученых, учителей, врачей и инженеров»³⁷. Объединение, которое, по его же данным, в 1930 году насчитывало три тысячи, а в 1934-м уже 15 тысяч научных работников и служащих (почти четверть из них составляли инженеры), организовывало «коммунистические университеты» для обучения старой интеллигенции, устраивало лекции по специальностям и оказывало техническую и материальную помощь фабрикам и стройкам³⁸.

Интересной была позиция ВАРНИТСО и в период гонений на старую техническую интеллигенцию в 1928–1931 годах: ассоциация прилагала все усилия для того, чтобы задавать тон в кампании травли, развязанной против «вредителей», обличать и привлекать к суду «саботажников» в собственных рядах. На заседании Центрального бюро 27 октября 1930 года члены ВАРНИТСО приняли следующее решение: «Нашей задачей является решительная борьба против классового врага, вредительства и правых реакционеров. Мы считаем своим долгом выступать в роли обвинителей, с тем чтобы все видели, что не только рабочий класс, но и честные труженики-интеллигенты решительно осуждают эти действия»³⁹.

Председатель Бах от имени Центрального бюро направил Сталину телеграмму с просьбой допустить ВАРНИТСО в качестве общественного обвинителя к участию в процессе Промпартии⁴⁰. В ходе этого процесса перед судом предстали и члены ВАРНИТСО, которые, в свою очередь, были общественными обвинителями во время судебного разбирательства 1928 года, получившего название шахтинского дела. Трагедия этих людей осо-

³⁶ Российский государственный архив экономики (в дальнейшем — РГАЭ), ф. 4394, оп. 1, д. 1, П. 4 и далее, 11. В советский период истории ВАРНИТСО занималась главным образом Людмила Марковна Зак: ВАРНИТСО. Создание и деятельность в 1927–1932 гг. // История СССР. — № 6. — 1959. — С. 94–107; Она же. ВАРНИТСО в годы второй пятилетки. Труды Московского историко-архивного института. — Москва, 1960. Новые работы по этой теме см.: В. В. Веселовская. Документы ЦАНХ о деятельности ВАРНИТСО (1927–1937 гг.). — Москва, 1992 (неопубликованная дипломная работа); Л. М. Малкова. Журналы «ВАРНИТСО». «Фронт науки и техники» как источник изучения истории научно-технической интеллигенции (1928–1933 гг.): Проблемы теории и истории изучения интеллигенции: поиск новых подходов. — Иваново, 1994. — С. 59–64; Т. В. Котлова. О роли ВАРНИТСО в формировании советской интеллигенции. — Там же. — С. 65–73.

³⁷ Котлова. О роли ВАРНИТСО [см. сноску 36], с. 69.

³⁸ Историческому XVII съезду великой Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) // Фронт науки и техники. — № 1. — 1934, без указания страниц; РГАЭ, ф. 4394, оп. 1, д. 130, 153 и 321.

³⁹ РГАЭ, ф. 4394, оп. 1, д. 29, л. 66.

⁴⁰ Там же, ф. 4394, оп. 1, д. 41, л. 12.

бенно отчетливо прослеживается в судьбах двух инженеров: Сергея Дмитриевича Шеина (1882 года рождения), специалиста в отрасли химической промышленности, председателя ВМБИТ, и Бориса Эрнестовича Штюркеля, профессора и главного инженера общества «Теплоэнергетика». Они одними из первых подписали документы об учреждении ВАРНИТСО и были твердо убеждены, что среди их коллег действительно есть саботажники и «вредители»⁴¹.

В то время как брат Штюркеля, тоже инженер, считал шахтинское дело заговором правительства против инженеров и в 1928 году эмигрировал в Финляндию, Борис Эрнестович сохранил непоколебимую уверенность в правоте большевиков и остался в Советском Союзе. В 1928 году он был обвинен в саботаже, а в 1930-м арестован как член Промпартии⁴². Шеину, выступавшему на шахтинском процессе в качестве общественного обвинителя, в 1930 году как члену ЦК Промпартии был вынесен смертный приговор⁴³.

Мы далеки от утверждения, что деятельность ВАРНИТСО была типичным примером поведения всей старой технической интеллигенции. Когда в 1930 году один из членов этой ассоциации выступал перед работниками химической промышленности с лекцией о «вредительстве», реакцией на нее было гробовое молчание, а директор института Маркса-Энгельса Рязанов в 1929 году потребовал даже роспуска ВАРНИТСО⁴⁴. Однако пример с ВАРНИТСО свидетельствует о том, что наряду с известными крупными инженерами старой школы — отцом ГОЭЛРО Г.М.Кржижановским, начальником строительства Днепростроя А.П.Винтером, директором Магнитостроя Я.С.Гугелем, главным инженером Кузнецкостроя И.П.Бардиным — немало других инженеров старой закалки пошли на сотрудничество с правительством, которое, приняв решение об электрификации, предоставило этим людям возможность отождествить себя с целями нового государства.

Шеин и Штюркель содействовали насилию (арестам, приговорам, расстрелам), так как отчасти уверовали в вину других, а отчасти стремились представить доказательства собственной невиновности. Они были идеалистами и оппортунистами, исполнителями и жертвами. Трагедия этих людей становится особенно очевидной при тщательном анализе всей ситуации — их идеалов и страхов, их окружения, пространства для свободы действий — то есть оценки их как действующих субъектов, а не объектов воздействия «отдельно существующей» государственной власти.

Восприятие «образа врага»

Дело Штюркеля и Шеина свидетельствует о том, что понятие вредительства отнюдь не было только пропагандистским лозунгом большевиков — с его помощью в общественное сознание внедрялось представление об инженерах как о саботажниках и закреплялась «нормальная» оценка их места в спектре расхожих оценочных стереотипов. Хироки Куромиya указывал в свое время, что А.Г. Стаханов (1905–1977) и в 70-е годы продолжал рассуждать о саботажниках как о совершенно естественном явлении⁴⁵.

⁴¹ РГАЭ, ф. 4394, оп. 1, д. 1. 1. 36.

⁴² Там же, ф. 332, оп. 1, д. 104. 1. 10; ГАРФ, ф. 5548, оп. 7, д. 52, 1. 7 и далее.

⁴³ Инженерный труд — № 7, июль, 1928 г. — С. 302. № 19 от 15.10.1929 г. — С. 500; № 20 от 31.10.1929 г. — С. 596.

⁴⁴ Котлова. О роле ВАРНИТСО [см. сноски 36], с. 71; Фронт науки и техники. — № 4/5. — 1931. — С. 15.

⁴⁵ Hiroaki Kuroki. Soviet Memoirs as a Historical Source: Sheila Fitzpatrick/Lynne Viola (Eds.). A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s. — Armonk/New York/London, 1990. — С. 233–254, здесь: с. 243.

Габор Т. Риттершпори, Олег Хлевнюк и Шейла Фитцпатрик показали, насколько высоким, с одной стороны, был уровень готовности к восприятию идеи о существовании постоянного заговора и каким образом, с другой стороны, через доносительство весь спектр стереотипов «врага» использовался для разрешения повседневных конфликтов, удовлетворения чувства социальной зависти и сведения счетов⁴⁶.

Причины того, что образы саботажника и врага народа не были отвергнуты широкими социальными слоями, а воспринимались в 30-е годы в качестве адекватного средства для объяснения жизненных ситуаций, названы упомянутыми историками: вредитель не был абстракцией, его можно было изобразить повсеместно. Идеология овладела человеком, так как была легко применима: например, каждого, кто мешал или, как казалось, вел себя на рабочем месте подозрительно, можно было заклеить в качестве неблагонадежного. Не только партийные вожди использовали людей как инструмент для реализации своих идей, но и те, на кого эти идеи были направлены, сами применяли новые лозунги и директивные указания в своих интересах.

Случалось, что обвинения в наличии среди инженеров диверсантов, троцкистов и шпионов не отвергались ими как абсурдные, а брались на вооружение в целях клеветы на коллег⁴⁷. Понятие «вредитель» целенаправленно использовалось для устранения конкурентов, препятствовавших карьере доносителя⁴⁸. Техник Н.И. Копылова и ее муж, инженер-химик В.А. Трошанов, которые в 1937 году работали на предприятии Зинча-оловострой, обратились в бюро жалоб ВМБИТ в связи с тем, что их начальство, не желавшее сотрудничать с женщиной, уволило их обоих под предлогом того, что они «являются тунеядцами-врачами, саботажниками и поддерживают связь с врагами народа»⁴⁹. Инженер из Ленинграда Кейль, уволенный с Монетного двора, в стремлении доказать собственную невиновность и несправедливость своего отстранения от должности назвал директора вредителем и заговорщиком⁵⁰.

Инженер Р.С. Радковский, которого повторно арестовали, уволили и сослали в 1935 году, также обратился к этому средству доказательства собственной невиновности, обвинив своих преследователей в карьеризме, интриганстве, воровстве и вредительстве. В письме к народному комиссару Г.К. Орджоникидзе он привел имена всех своих коллег, назвав их «троцкистами», «иноуевцами», «предавателями» и «лгунами»⁵¹.

Здесь особенно отчетливо видно, что для решения старых, постоянно повторяющихся конфликтов теперь использовались новые понятия. Это делалось для того, чтобы просьба в силу своей особой важности быстрее достигала начальственного уха. Тот, кто раньше называли тунеядцем, теперь становился саботажником, сомневающийся — вредителем, сверхактивный — карьеристом. Воспринимая новые языковые нормы, люди

⁴⁶ Gabor T. Rittersporn. The Omnipresent Conspiracy: On Soviet Imagery of Politics and Social Relations in the 1930s: On же/Nick Lampert (Eds.). Stalinism: Its Nature and Aftermath. Essays in Honour of Moshe Lewin. — Armonk/New York, 1992. — С. 101–120, здесь: с. 108; О.В. Хлевнюк. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. — Москва, 1992. — С. 209; Sheila Fitzpatrick. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s: Она же/Robert Gellately (Eds.). Accusatory Practices. Denunciation in Modern European History, 1789–1989. — Chicago, 1996. — С. 85–120.

⁴⁷ Ср. также Риттершпори. The Omnipresent Conspiracy [см. сноски 48], с. 113.

⁴⁸ Примеры доноительства можно найти в архивных документах бюро жалоб ВМБИТ в ГАРФ, ф. 5548.

⁴⁹ Там же, ф. 5548, оп. 17, д. 53, II. 1–125.

⁵⁰ Там же, ф. 5548, оп. 17, д. 52, II. 1–276.

⁵¹ Российский государственный архив социально-политической истории (в дальнейшем — РГАСПИ), ф. 85, оп. 29, д. 738, II. 1–9.

впитывали связанные с ними представления и делили всех граждан на коммунистов, с одной стороны, и врагов народа — с другой.

Эти новые категории брали на вооружение даже представители старой интеллигенции. Специалист-мостостроитель Н.А.Шубин (1880–1967), который был родом из буржуазной семьи и считал большевиков причиной хаоса, произвола и безответственности, часто обвинял в безобразиях на стройках не соответствующие управленческие службы, а своих коллег, обрушиваясь на них в типично большевистской манере с ругательствами «шарлатаны», «вредители», «лжеинженеры» и т.п. Он писал о своих сотрудниках: «Оба [...] в дальнейшем были расшифрованы, признаны вредителями и, кажется, сняты со счета. [...] В инженерном искусстве они смыслили не больше, чем свинья в апельсинах»⁵².

Так же вел себя и буржуазный специалист по дорожному строительству Дмитрий Иванович Бондаревский (1892–1979), который, как и Шубин, относился к большевикам с недоверием и неприязнью. Ему несколько раз с большим трудом удалось избежать ареста, тем не менее он активно обвинял во вредительстве других. Вредительство стало для него синонимом непродуманных или невыполнимых предложений. Одному из разделов своих мемуаров, написанных в 1979 году, Бондаревский дал название «Как я боролся против вредительства» и рассказал, как в 1931 году отказался установить откидные сиденья в трамваях московского депо. Демонтаж сидений, по его мнению, привел бы к увеличению пассажироемкости и износа. В его глазах подобное предложение было вредительским⁵³.

Бондаревский и Шубин, как и более молодые их коллеги, не только не отвергли «идею» саботажа, но и сделали ее орудием борьбы против других. Такое поведение можно объяснить только их стремлением к самоутверждению: встав на сторону властей, они как бы избавлялись от клейма представителей старой интеллигенции, «подставляя» вместо себя молодых инженеров, мешавших строительству новой жизни. Искушение перейти из разряда отверженных в разряд полноценных советских граждан было настолько велико, что ради этого переступали границы морали. И старая интеллигенция отплатила молодому поколению за те унижения и позор, которые ей довелось испытать во время направленных против нее кампаний.

Приведенные примеры убедительно подтверждают факт удивительно высокой степени готовности к клевете на других, к согласию с применением насилия против заклейменных. Большевикам удалось создать собственную терминологию, политизировать оценку производственных проблем и ошибок и на длительный период изменить систему ценностей. Слово «вредительство» стало широкоупотребительным термином для обозначения неужеставства, халтуры и просчетов. Люди легко выдвигали обвинения в адрес других — был уничтожен определенный нравственный порог. Государству не надо было принуждать «народ» к восприятию инженеров в качестве саботажников, так как представители технической интеллигенции сами научились ловко орудовать новыми терминами.

⁵² РГАЭ, ф. 94, оп. 1, д. 82. II. 105, 132–133.

⁵³ Народный архив, ф. 402, без номера описи и дела, л. 1. 100 и далее.

Инженер на службе у государства

Многообразной и противоречивой была не только история инженеров старой школы — не менее сложной оказалась и судьба молодых красных инженеров, выдвиженцев, и для того, чтобы понять их поведение, недостаточно штампов типа «исполнитель» или «извлекающий выгоду». И в этом случае партия не была единственной силой, отдававшей приказы и оценивавшей поступки. Необходимо найти ответ на вопрос: что толкнуло этих людей к восприятию установок большевиков и к согласию с ними? Возможность выдвинуться, карьерные соображения, которые так привлекали рабочих на сторону большевиков?⁵⁴ И что при этом было наиболее важным: только лишь быстрое усвоение правил игры и правильный маневр в ответ на изменившуюся ситуацию?⁵⁵ Или же молодые выдвиженцы не смогли устоять перед магическим воздействием новых речей?⁵⁶ А может быть, они сверяли свои действия с придуманной большевиками идеальной моделью, которой изо всех сил стремились соответствовать, чтобы обрести возможность стать членом нового общества?⁵⁷

Лев Игнатьевич Логинов (1902 года рождения) является типичным примером человека, попавшего в число тех, кто был призван строить новую страну, и сделавшего после 1917 года головокружительную карьеру. Логинов рос в деревне Никологоры, вблизи города Вязники Владимирской области, и его судьба мало чем отличалась от судеб других детей рабочих, рано потерявших отца и переживших безысходную бедность. Ему суждено было окончить только четыре класса, так как в возрасте десяти лет он уже вынужден был батрачить и испытать на себе тяжесть эксплуатации и произвола⁵⁸. Поэтому революция и гражданская война показались ему долгожданной возможностью побороть нужду: в 1918 году Логинов убежал из дома и вступил в ряды Красной Армии, в которой служил до 1923 года.

Уже в этот период Логинов обращает на себя внимание как ревностный исполнитель. В своих воспоминаниях он перечисляет: «Участие в подавлении восстания контрреволюционного полка под командованием Миронова (г. Саранск), контрреволюционного восстания крестьян в Б.Ижаре Пензенской губернии, участие в борьбе против банд Антонова, Серова, Сарафанкина и др.»⁵⁹. По заданию партии в 1924 году он произвел чистку юридического факультета Саратовского университета:

«Когда комиссия по чистке закончила свои работы, оказалось, что 40% студентов нужно было исключить. [...] Следует отметить, что провинциальные вузы действительно в то время были весьма засорены не только чуждым, но и враждебным элементом. [...] Ожидались даже организованные антисоветские выступления. На стенах помещений Университета, особенно в уборных, появились надписи с угрозами в адрес членов комиссии по чистке. Немало таких угроз было и в мой адрес»⁶⁰.

⁵⁴ Sheila Fitzpatrick. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. — Cambridge/New York/Melbourne, 1979; Она же. Stalin and the Making of a New Elite. 1928–39 // Slavic Review. — № 3. — 1979. — С. 377–402.

⁵⁵ Kotkin. Magnetic Mountain [см. сноску 12], с. 201, 222.

⁵⁶ Halfin. Rethinking the Stalinist Subject [см. сноску 12], с. 459.

⁵⁷ Jochen Hellbeck. Self-Realization in the Stalinist System: Two Soviet Diaries of the 1930s: Manfred Hildermeier (Hrsg.). Stalinismus vor dem zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung. Schriften des Historischen Kollegs, Kolloquien 43. — München, 1998. — С. 275–290; Он же. Fashioning the Stalinist Soul [см. сноску 12].

⁵⁸ РГАЭ, ф. 9592, оп. 1, л. 350, л. 1 и далее.

⁵⁹ Там же, л. 118.

⁶⁰ Там же, II. 22, 24 и далее.

После работы руководителем агитпропа в городе Аткарске Логинов был направлен на учебу и в 1929 году рекомендован на высокую должность в тресте Гослаборснабжения в Москве⁶¹. Первое, что он сделал на новом месте, — это подвел итоги соответствующего года первой пятилетки и резко раскритиковал на собрании заместителя начальника за недопустимо медленные темпы производства, в результате чего последний вскоре был уволен и Логинов занял его место⁶². С этих пор в задачу Логинова входило увольнение директоров подчиненных ему заводов за «пассивную позицию» и обеспечение выполнения плана любой ценой⁶³.

Вспоминая об этом времени, Логинов нисколько не сомневается в правильности своих действий: крестьянские бунты нужно было подавить, студентов, «враждебных» советской власти, постигла справедливая участь в результате чисток, а «старым» инженерам, которые не смогли приспособиться к новым условиям, нечего было делать на предприятиях.

На примере Логинова можно понять, какие мотивы побуждали людей становиться «исполнителями». Не вызывает сомнений и то, что отдельные факторы — стремление сделать карьеру, убеждения, приспособленчество — нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. Унылая молодость и бесперспективность дальнейшего существования стали решающими причинами решения Логинова примкнуть к большевикам. В этом он увидел для себя шанс на другую, новую жизнь. Одновременно Логинов познамствовал новую терминологию, новые ценности и нормы, которые отныне стали для него ориентиром, повлияли на восприятие мира и определили его дальнейшую жизнь⁶⁴. Ни одна из этих категорий не может быть заменена другой, лишь все вместе они дают целостную картину того силового поля, в пределах которого разворачивалась жизнь Логинова⁶⁵.

Несмотря на образцовое большевистское прошлое, в августе 1938 года Логинова арестовали по обвинению в саботаже⁶⁶. В 1939 году он прибыл по этапу на золотые прииски Колымы, находящиеся за Полярным кругом, в 800 километрах на северо-восток от Магадана. Узники жили здесь в палатках при температуре до минус 60 градусов по Цельсию и рыли лопатами твердую как камень землю⁶⁷. После освобождения в 1945 году Логинову запретили проживание в Москве, и лишь после окончательной реабилитации в 1953–1954 годах он получил возможность вернуться на свою работу и восстановиться в партии⁶⁸.

⁶¹ РГАЭ, I. 34.

⁶² Там же, II. 40, 47.

⁶³ Там же, I. 61 и далее.

⁶⁴ Однако жизнь Логинова в 30-е годы ничем не напоминает постоянные мучительные поиски правильных форм большевистского мышления и образа действий Степана Поддубного; наоборот, Логинов предстает в своих воспоминаниях о революции как убежденный большевик, обретший свой путь и свое место в жизни.

⁶⁵ Споры и политические убеждения — явления далеко не одного порядка. О том, что первое не совпадает со вторым, свидетельствуют и судьбы «старых» инженеров, познамствовавших новые термины и классификации, что, однако, не повлияло на их отрицательное отношение к большевикам (см. ранее). О разграничении дискуссионной риторики, с одной стороны, мировоззрения и опыта, с другой, см. также: John E. Toews. Intellectual History after the Linguistic Turn: The Autonomy of Meaning and the Irreducibility of Experience // *American Historical Review*. — № 4. — 1987. — С. 879–907.

⁶⁶ РГАЭ, ф. 9592, оп. I, д. 350, I. 107.

⁶⁷ Там же, I. 117.

⁶⁸ Там же, II. 125, 131, 135, 145.

Судьба Логинова является ярким примером того, как «исполнитель» мог превратиться в «жертву», и опровергает подход, при котором считается возможным охватить сложные явления во всей их полноте за счет использования подобных ярлыков. В конечном счете речь идет не о том, чтобы обвинить Логинова или посочувствовать ему. Речь идет о восстановлении целостного жизненного контекста, об анализе мотивов и неизбежных обстоятельств, подталкивавших его к соответствующим действиям, и не в последнюю очередь о том, чтобы поднять вопрос о мировоззрении и оценках самого исторического субъекта⁶⁹. Логинов наверняка не согласился бы с тем, что, с одной стороны, существовало государство, а с другой — народ и что он был беззащитным объектом влияния режима. Напротив, он рассматривал себя как неотъемлемую часть и опору советской власти.

Арест, допросы и лагеря не изменили принципиальной позиции Логинова по отношению к Советскому Союзу: «Мне, как вероятно и многим товарищам по несчастью, хотелось в этом случае рассказать, что находясь в тягостных и унижительных условиях, лишенных всего того, что мне было дорого и привычно, [...] все же я оставался по-прежнему коммунистом, членом великой организации, связанным даже здесь, в тюрьме или в лагере, той же ответственностью, теми же законами самоконтроля и дисциплины»⁷⁰. Репрессии, которым подвергся Логинов, были несовместимы с его верой в Советский Союз. Но он пришел к выводу, что его арест и ссылка были действиями, не отвечавшими букве закона⁷¹, а потому ответственность за них несет не Советский Союз и этот акт несправедливости следует вынести за рамки жизненного опыта в СССР.

Решающую роль в преодолении этого ощущавшегося многими когнитивного диссонанса сыграл секретный доклад Н.С. Хрущева, назвавшего годы террора периодом культа личности Сталина и злоупотребления властью и тем самым освободившего Советский Союз от ответственности за преступления⁷². Такая интерпретация событий устроила многих людей, их перестали мучить вопросы, которые они постоянно задавали себе, и они смогли снова заключить мир со страной, в которой жили. Однако такая схема осмысления и объяснения прошлого ни в коей мере не освобождает государство от ответственности — ведь вопрос о вине здесь вообще не ставится. Речь идет о выявлении механизмов, которые дали возможность людям снова отождествить себя со своей страной и тем самым внести свой вклад в стабильность системы, который не следует недооценивать.

Заключительные замечания

В своей детальной и богатой фактами статье Верт представил схему циклов насилия, однако отказался от разработки новой концепции и в результате пошел по «наезженной колее». Намерение положить конец «интеллектуальной гражданской войне» между

⁶⁹ Против иррациональных истолкований и в пользу учета исторического контекста при анализе событий см.: Dietrich Beyrau. Die korrekte Moral und die historische Profession. Ein Kommentar // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. — № 2. — 1999. — С. 254–262, здесь: с. 262.

⁷⁰ РГАЭ, ф. 9592, оп. I, д. 350, I. 2; Ср. отчет А.В. Горбачева, который провел вместе с Логиновым годы заключения в тюрьме и лагерях: А.В. Горбачев. Годы и войны. — Москва, 1965. — С. 124 и далее.

⁷¹ РГАЭ, ф. 9592, оп. I, д. 350, I. 109.

⁷² Секретный доклад Н.С. Хрущева от 25.02.1956 г.: Reinhard Crusius/Manfred Wilke. Entstalinisierung. Der XX. Parteitag der KPdSU und seine Folgen. — Frankfurt a.M., 1977. — С. 487–537.

ревизионистами и тоталитаристами было продиктовано целью изучить взаимовлияние «государства» и «народа», рассмотреть всех действующих лиц и поставить вопрос о субъективном восприятии Советского Союза как ключевом факторе понимания этой страны сегодня.

Приведенные здесь размышления призваны показать, что суждение «государство против собственного народа» упрощает суть проблемы и не отражает реалии во всей их многогранности. Насилия желали «верхи», однако оно было подхвачено и «низами», так как индуцируемые образы врага не были чем-то новым, а существовали в обществе и ранее. Поэтому большевистские идеи не являлись абстракцией, а переносились на почву повседневной жизни, в которой новые схемы объяснения старых явлений были восприняты как адекватные, а множество социальных конфликтов требовали только искры, чтобы перерасти во вспышки насилия.

В процессе изучения государства, осуществлявшего террористические действия, неизбежно приходишь к вопросу о том, кто олицетворял это государство, каковы его «подслушные исполнители». Вне всякого сомнения, в случае с Советским Союзом ими были не только Сталин. Молотов, Каганович, но и другие члены Политбюро, а также агенты НКВД, партийные активисты всех уровней, служащие народных комиссариатов и главных управлений, директора заводов, строек, инженеры, члены бригад ударного труда, комсомольских и профсоюзных организаций, участницы женского движения, писатели, посещавшие стройки, режиссеры, разворачивавшие панораму социалистического строительства, киноактеры и т.д. Причем неверно было бы сказать, что эти люди только и делали, что воплощали в жизнь директивы, спускаемые сверху: каждый из них руководствовался собственными представлениями о том, как ему поступать, и на каждом уровне действовали специфические силы в общей сети взаимосвязей и собственные законы соответствующего учреждения.

Приведенные примеры убеждают в том, что не каждый акт насилия был проявлением сталинизма, его причиной могли стать зависть, неприязнь и производственные конфликты. Сталинистским здесь было то, что партийное руководство сумело воспользоваться существовавшими в обществе образами врага, — в частности, несостоятельного, продажного, эгоистичного инженера — для того, чтобы разжигать насилие и направлять его в нужное русло.

Представление государства в качестве исполнителя, а народа — жертвы проблематично еще и по той причине, что в этом случае от исследователя ускользают промежуточные звенья между двумя полярными категориями и создается впечатление существования двух групп людей: первые являются хозяевами положения, а вторые покорно ожидают ареста, отдав себя в руки судьбы. Между тем каждый из четырех инженеров (Пальчинский, Шенн, Штронкель и Логинов) играл активную роль в построении социализма в стране, сотрудничал с правительством или решительно поддерживал его и тем не менее был репрессирован.

Подлинную трагедию этих людей невозможно осознать, если изначально причислить их к категории жертв или же считать Шенна и Логинова только исполнителями. Истина открывается лишь при рассмотрении соответствующих личностей во всей их противоречивости. Если прибегнуть к такому комплексному подходу и рассматривать Советский Союз не только как всемогущее государство, но и как сложную систему взаимосвязей, в которой каждый человек играл свою роль, то решающее значение приобретает ответ на вопрос, какая система ценностей обеспечивала целостность государства и каким смыс-

лом наделяли происходившее отдельные люди и группы людей. Исследование этого глубоко советского конгломерата толкований, в котором вера во врагов народа и вредителей уживалась с оценкой террора как досадного эпизода собственной истории, становится весьма актуальным: только здесь можно найти ключ к пониманию факта столь долгого существования Советского Союза.

Давид Феест

Террор и насилие в эстонской деревне

Довольно трудно вести дискуссию о «Черной книге коммунизма»¹ в рамках отдельного исследования. Даже если не принимать во внимание статьи, не связанные с Советским Союзом, то и тогда сложно ответить на вопрос, какие тезисы из этого чрезвычайно пестрого по содержанию сборника целесообразно использовать в качестве основы. Спорное по своему характеру вступление Стефана Куртуа² не содержит каких-либо моментов, на которые можно было бы опереться в методическом плане. Он попытался продемонстрировать изначально губительную сущность коммунизма путем перечисления зверств, совершенных во имя этого учения, а также определить (к сожалению, его цифры не всегда точны)³ суммарное количество погибших. В результате читатель получил определенное представление о размахе террора. Однако в нем нет отправных точек для объяснения или систематизации происходившего. В то же время в отдельной статье Куртуа⁴ об интерпретации русской «культуры насилия» можно найти малохарактерные для коммунизма аспекты, которые странным образом контрастируют с глобальным характером основного тезиса автора. Пояснения идеологической оправданности террора, в свою очередь, сильно оторваны от динамики их генезиса и событийного контекста. Напротив, статья Николая Верта⁵, посвященная первым 35 годам коммунистического режима в Советском Союзе, вполне подходит для плодотворной дискуссии. Для автора данного исследования, посвященного событиям в одной из республик, присоединенных к Советскому Союзу только в 40-е годы, особый интерес представляет утверждение Верта о том, что «вторая война» против деревни в конце 20-х — начале 30-х годов оказала влияние на суть самой системы. Она стала «матрицей» для последующих акций террора, более того, для «институционализации террора в качестве формы правления»⁶.

¹ Stéphane Courtois и др. (Hrsg.). Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror. — München/Zürich, 1998.

² Stéphane Courtois. Die Verbrechen des Kommunismus: Courtois. Schwarzbuch [см. сноскы 1], с. 11–43.

³ Manfred Hildermeier. Im Reich des Bösen. Das Schwarzbuch des Kommunismus und die Fakten der historischen Forschung: Horst Möller (Hrsg.). Der Rote Holocaust und die Deutschen. Die Debatte um das «Schwarzbuch des Kommunismus». — München u.a., 1999. — С. 130–136, здесь: с. 134.

⁴ Stéphane Courtois. Warum? Courtois. Schwarzbuch [см. сноскы 1], с. 793–825, здесь: с. 800.

⁵ Nicolas Werth. Ein Staat gegen sein Volk. Gewalt, Unterdrückung und Terror in der Sowjetunion: Courtois. Schwarzbuch [см. сноскы 1], с. 45–295.

⁶ Там же, с. 290, 293. Критику этого положения см.: Gert Meyer. Stalinismus. Politische Entscheidungen in der Sowjetunion Ende der zwanziger Jahre: Johannes Klotz (Hrsg.). Schlimmer als die Nazis? «Das Schwarzbuch des Kommunismus», die neue Totalitarismusbildung und der Geschichtsrevisionismus. — Köln, 1999. — С. 49–78,

На примере Эстонии как раз и можно исследовать глубинные факторы сформировавшейся к 20–30-м годам политической и идеологической системы и ответить на вопросы о том, каким образом эта система внедрялась в рамках других исторических условий, насколько сильно оставалась ориентация на модель конца 20-х — начала 30-х годов, какова была роль идеологии и силовых политических соображений власти и какое влияние на результат имела деятельность местных исполнительных органов. Изучение процесса коллективизации сельского хозяйства после Второй мировой войны позволяет более точно определить объективные параметры «матрицы», наличие которой утверждается Вертом. В ходе ее анализа необходимо заново поставить «старые вопросы об управлении террором из центра и о его смысле»⁷.

Этапы репрессий и террора

Хотя далее речь пойдет в основном о послевоенном периоде, так как только к этому времени сталинская система смогла развернуться в Эстонии в полную силу, нельзя не упомянуть оккупационный террор 1940–1941 годов, положивший начало более поздним событиям. Первое время он был направлен прежде всего против политической и интеллектуальной элиты страны и достиг кульминации в июне 1941 года, в период широкомасштабных депортаций⁸, жертвами которых стали около 10 тысяч человек. Общее число пострадавших от насильственного перемещения, мобилизации, репрессий или объявленных без вести пропавшими, по разным оценкам, составляет в Эстонии около 60 тысяч человек⁹.

Террор и сопротивление

Террор как средство против всех тех, кто посмел сопротивляться новому режиму, не прекращался и в новых условиях, после окончания немецкой оккупации, длившейся с лета 1941 по осень 1944 года. Опыт довоенной оккупации и войны способствовал росту готовности к применению насилия с эстонской стороны. Если вначале в леса ушли преимущественно мужчины, скрывавшиеся от советской мобилизации 1944 года или надеявшиеся дождаться освобождения страны западными союзниками, то с 1946 года сопротивление становится более активным. «Лесная война» велась при поддержке местного населения и непрекращавшихся контактах с ним¹⁰. В некоторых районах

здесь: с. 50; Daniel Bensaid. Verbrecherische Revolution — verbrecherische Idee?: Jens Mecklenburg/Wolfgang Wippermann (Hrsg.). «Roter Holocaust»? Kritik des Schwarzbuch des Kommunismus. — Hamburg, 1998. — С. 51–72, здесь: с. 61.

⁷ Helmut Altrichter. Reflexionen über das «Schwarzbuch des Kommunismus» // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — № 3. — 1999. — С. 321–361, здесь: с. 323.

⁸ Таагерпа и Мисюнас называют 14 категорий, использовавшихся в Литве. В Эстонии наверняка существовали также же списки: Romuald J. Misiunas/Rein Taagepera. The Baltic States. Years of Dependence 1940–1990. — London, 1993. — С. 41.

⁹ Там же, с. 42; Arvo Kuddo. Population Losses: Juhan Kahk (Hrsg.). World War II and Soviet Occupation in Estonia: A Damages Report. — Tallinn, 1991. — С. 33–41, здесь: с. 35; P. Varju. Eesti Rahva inimohvrid nõukogude ja saksa okupatsioonide ajal 1940–1953. — Tartu, 1997. — С. 3 и далее.

¹⁰ Misiunas/Taagepera. Years of Dependence [см. сноскы 8], с. 83–94; Mart Laar. Metsavennad. — Tallinn, 1993. — С. 52–101.

«лесные братья» неделями удерживали под своим контролем целые селения, так как местная власть не осмеливалась противостоять им. В других местах «...новые руководители контролировали ситуацию только днем, а ночью хозяевами страны становились «лесные братья»¹¹.

Феномен «лесного братства» проливает свет на существенную проблему советской власти в деревне: крестьянское сообщество, сумевшее до поры до времени сохранить свою целостность, представляло собой настолько устойчивый местный уклад, что даже сельские коммунисты не в состоянии были избежать его влияния. Победа в этих местах стала одной из приоритетных целей советской политики на селе.

Программа прихода к власти и ее упрочения

Можно выделить три различные по характеру и целевым установкам формы террора и репрессий против эстонского населения, однако при этом не следует забывать, что на практике довольно сложно провести четкие границы между ними.

1. Для обеспечения непосредственного *прихода к власти* и борьбы против партизан еще в 1944 году на уровне сельских районов были созданы отделы народного комиссариата внутренних дел (SARK)¹² и госбезопасности (RJRK)¹³, которые были представлены уполномоченными на местах. Их взаимодействие с подразделениями милиции. Красной Армии и так называемыми истребительными батальонами было достаточно слабо скоординированным. Они применяли жестокие репрессии против бойцов сопротивления: пытки, изнасилования и убийства должны были склонить население к выдаче «лесных братьев», однако в крайних своих проявлениях эти репрессии становились симптомами выхода ситуации из-под контроля и иногда [эстонское] партийное руководство терпело терпение¹⁴.

Суды над попавшими под подозрение также зачастую происходили безо всякого намека на законность: они осуществлялись военными трибуналами, районными органами госбезопасности или вообще без участия каких-либо формально требуемых институтов и в большинстве случаев заканчивались для подсудимых тюремным заключением или отправкой в исправительные лагеря Коми АССР, Свердловской, Красноярской, Иркутской областей и Караганды¹⁵. В целом число депортированных в 1944–1950 годах, по предварительным оценкам, составило примерно 30 тысяч человек, причем это без 10–11 тысяч арестованных партизан и около 21 тысячи жертв массовых депортаций 1949 года¹⁶.

2. Долгосрочным средством *упрочения власти* стала земельная реформа, осуществленная в 1944–1947 годах. Причем она отнюдь не была последовательным продолжением начатого в 1940–1941 годах передела земли. По сравнению с довоенным периодом

¹¹ Misiunas/Taagepera. Years of Dependence [см. сноски 8], с. 83–94; Mart Laar. Metsavennad. — Tallinn, 1993. — С. 88. Партийные источники о «лесных братьях» см.: Evald Laasi (Hrsg.). Vastupanuliikumine Eestis 1944–1949. Dokumentide kogu. — Tallinn, 1992.

¹² Sissesejade Rahvakomissariaat — рус. НКВД.

¹³ Riikliku Julgeoleku Rahvakomissariaat — рус. НКГБ.

¹⁴ Lembit Raid: Kas peremees või käsualune? Parteiariivi materjalidest III // Kleio. — № 2. — 1995. — С. 42–55, здесь: с. 50.

¹⁵ Leo Oispuu (Hrsg.). Poliitilised aretrecerimised Eestis 1940–1988 (§ 58) Bd. 1. — Tallinn, 1996. — С. B3.

¹⁶ Kuddo. Population Losses [см. сноски 9], с. 40.

экспроприация носила еще более ярко выраженный характер карательных акций, направленных против крестьян, подозреваемых в сотрудничестве с немецкими оккупационными властями, а позже — в поддержке партизан. Их подворья сокращались до размеров, едва достаточных для выживания¹⁷. При этом применялись довольно расплывчатые критерии: пособниками немецких оккупационных властей считались и истинные коллаборационисты, и нейтрально настроенные служащие оккупационного режима — путевые обходчики, старшие лесники или сельские старосты¹⁸. В эту же категорию попадали те, кто по своей воле или по принуждению был участником антисоветских подразделений полиции или милиции¹⁹. А если к этому добавить еще и отсутствие четких границ между обычной и карательной экспроприацией²⁰, то нетрудно прийти к выводу, что обе формы использовались в качестве средства политического давления практически на всех крестьян²¹.

Однако одновременно новая власть пыталась создать себе опору в лице новых собственников. Именно на поддержку бедняков, получивших в собственность землю и инвентарь, она рассчитывала при уничтожении старой элиты. Осуществление реформы при помощи местных жителей призвано было избежать противоречия и развязать «классовую борьбу на селе», необходимую как с идеологической, так и властной, политической точки зрения.

3. Окончательное *обеспечение власти* представлялось, однако, достижимым лишь путем коллективизации сельского хозяйства, которая к тому же была идеологическим велением времени. Кампании по ее превращению в жизнь в марте 1949 года вылились в массовые депортации, отличавшиеся невиданными масштабами насилия.

Изъяны системы и насилие

Несмотря на то что различные формы репрессий легли в основу плана по упрочению новой власти, было бы неверным усматривать причину *любого* террора лишь в планомерном осуществлении программы, обусловленной идеологией и политической режимом, который отнюдь не был лишен террористической направленности. Новая система порождала террор и там, где она функционировала непланомерно. Здесь обнаружилась

¹⁷ Eesti Nõukogude sotsialistliku vabariigi ülemnõukogu seadus saksa okupantide poolt äravõetud maa tagastamise kohta Eesti NSV talupoegadele; Edgar Tõnurist (Hrsg.). Eesti NSV põllumajanduse kollektiviseerimine: Dokumentide ja materiale kogumik. — Tallinn, 1978. — С. 47–49, здесь: с. 49; [№ 380] Eesti NSV Ülemnõukogu 1944.a. 17. septembri seaduse „Saksa okupantide poolt äravõetud maa tagastamise kohta Eesti NSV talupoegadele“ täitmise käigu ja Eesti NSV põllumajanduse taastamise esmajärgkordsete abinõude kohta: Tõnurist. Dokumentide kogumik [см. выше], с. 59–63, здесь: с. 60. В постановлении ЦК КПЭ № 790 также содержится требование об экспроприации «бандитов» и их «пособников»: Tõnurist. Dokumentide kogumik [см. сноски 17], с. 109.

¹⁸ Arnold Purre. Eesti riik ja rahvas teises maailmasõjas. Bd. 7. — Stockholm, 1959. — С. 7–65, здесь: с. 10; Ants Ruusmann. Sõjajärgne klassivõitlus Eesti külas // Aja Puls. — № 5. — 1988. — С. 8–10, здесь: с. 10.

¹⁹ О первой группе таких лиц пишет Иоганнес Кюмерт: Estonian Soldiers in the Second World War. — Stockholm, 1948. Типичная работа на эту тему: Arnold Purre (Hrsg.). Eesti riik ja rahvas teises maailmasõjas. Bd. 7. — Stockholm, 1959.

²⁰ Nr. 15 [№ 380]: Äravõetud maa tagasiandmise kohta [см. сноски 17], с. 60.

²¹ Lembit Raid. Kas peremees või käsualune? II: EKP osast eestlaste rahvusliku vastupanu ja rahvustunde mahasurumisel aastatel 1944–50 // Kleio. — № 8. — 1993. — С. 41–48, здесь: с. 42.

динамика, связанная с недостатками коммунистической системы сталинского образца, ее властными механизмами, рамочными идеологическими условиями и организационными промахами. Поэтому именно эти явления и заслуживают более тщательного рассмотрения.

Партийный и государственный аппарат

То, что компартия Эстонии (КПЭ) все больше опиралась на спецслужбы как на орудие осуществления своей политики, объясняется скорее не усиливающимся давлением из Москвы и настойчивыми требованиями сломить наконец сопротивление партизан²², а тем, что для руководства КПЭ реализация власти через Советы или партийные организации была едва ли возможной. Характерное для Советского Союза кадровое совмещение функций партийных и государственных органов на нижних этапах власти в Эстонии вначале вообще отсутствовало. В Советы так или иначе приходилось назначать местных жителей²³. Партия на селе почти не была представлена подходящими кандидатурами. Правда, численность КПЭ, в которой к 1 октября 1944 года состояло лишь 923 члена и 481 кандидат в члены партии²⁴, в течение последующих лет резко возросла, причем в основном благодаря усиленному приему в ее ряды неэстонцев. Но даже несмотря на начавшуюся в 1946 году демобилизацию, высвободившую для партийной работы на местах многих эстонцев из состава эстонского корпуса Красной Армии, лишь в конце 1945 года в каждом селе²⁵ появился наконец хотя бы один «партийный организатор»²⁶. Обладая довольно серьезными властными полномочиями²⁷, эти партгоры тем не менее почти повсеместно были слишком молоды, не очень образованы, неопытны, имели небольшой партийный стаж и не знали крестьянской среды²⁸. Во многих случаях их не успевали или не могли подготовить к выполнению новых задач²⁹, а контроль за их деятельностью оставлял желать лучшего из-за недостаточной инфраструктуры, а также из-за того, что высокопоставленные партийные деятели зачастую уклонялись от посещения деревень ввиду опасности таких поездок³⁰.

²² Laar. Metsavennad [см. сноscopy 10], с. 44 и далее.

²³ Ervin Kivimaa. Parteiorganisatsioonide loomine ja kindlustamine Eesti külas aastail 1944–1947: TRÜ Toimetised, 33/1969. Tõid NLKP ajaloo 6. — С. 86–105, здесь: с. 93; Ülevaade Eestimaa Kommunistliku Partei ajaloost. Bd. 3. — Tallinn, 1972. — С. 193.

²⁴ Ervin Kivimaa. EKP tegevus vabariigi püxlumajanduse kollektiviseerimisel aastail 1944–1950. Dissertatsioon ajalooteaduste kandidaadiks kraadi taotlemiseks. — Tartu, 1970 [Манускрипт, ERAF]. — С. 32.

²⁵ Новое административное деление на 39 районов было осуществлено только в октябре 1950 года, когда государственное управление дошло до уровня сельских советов; Toivo U. Raun. Estonia and the Estonians. — Stanford, 1991. — С. 169 и далее.

²⁶ Feliks Kinkar. Valla parteiorganisatsioonid Eesti NSV-s: TRÜ Toimetised, 334/1974, Tõid NLKP ajaloo alalt 12. — С. 43–60, здесь: с. 47.

²⁷ Kivimaa. Parteiorganisatsioonide loomine [см. сноscopy 23], с. 89.

²⁸ Статистические данные о школьном образовании см.: Kinkar. Valla parteiorganisatsioonid [см. сноscopy 26], с. 45; о малочисленности крестьян: Kivimaa. EKP tegevus [см. сноscopy 24], с. 58. Ср. несколько более высокие цифры у Яана Пеннара: Soviet Nationality Policy and the Estonian Communist Elite: Toon Parming/Elmar Järvesoo (Hrsg.). A Case Study of a Soviet Republic. The Estonian SSR. — Boulder/Colorado, 1978. — С. 105–127, здесь: с. 121.

²⁹ Nr. 749. Kokkuteuleku stenogramm. ERAF 247–51–749, с. 17.

³⁰ Kokkuteuleku stenogramm. ERAF 247–51–749, с. 18; Auranen EK(b)P Tartumaa komitee tööst perioodil detsembrist 1945.a. kuni detsembrini 1946.a. ERAF 12–6–1, с. 20.

Эти кадровые трудности значительно осложняли претворение в жизнь руководящих указаний. К тому же положение усугублялось еще и рядом ограничений, которые можно считать недостатками системы в целом и которые в известной степени стали делом рук самих коммунистов.

Идеологические ограничения

К таким недостаткам следует, прежде всего, отнести идеологию, которая как раз в последние годы правления Сталина утратила способность адаптироваться к новым условиям. Используя классификацию Роберта Ф.Миллера, можно констатировать, что вместо того, чтобы оправдывать *постфактум* политические шаги власти, идеология приобретала все более омертвляющий характер. Даже идеологиемы, возникавшие «на злобу дня», обнаруживали тенденцию к «закостенению» и подразумевали запрет на «эмпирическое исследование и оценку»³¹. К тому же возрастало значение идеологии в качестве инструмента (во всех отношениях несовершенного!) для анализа социальных реалий на селе.

Именно в этой своей функции она зачастую просто-таки тормозила властные политические устремления эстонского партийного руководства при проведении земельной реформы. Так, заимствованные из России понятия «кулак», «середняк» и «бедняк» и попытка увязать их с новыми политическими установками в сущности ничего не дали для понимания деревенского эстонского общества. Соответственно обнаружились трудности в донесении этих понятий до сознания партийных «низов»: сельские коммунисты, невзирая на предписания «сверху», пытались в совершенно иных понятиях отразить разницу между «эксплуататорами», «серыми баронами» и крестьянами — выходцами из сельской общины, которые с 1919 года прокладывали себе путь вверх в качестве «движущей силы реформирования села»³².

Идеологические установки оказались малопонятными не только для большинства населения, но и для низовых партийных и государственных деятелей. «Штампованная» фразеология была плохим подспорьем для развязывания «классовой борьбы в деревне», отделения «друзей» от «врагов», а также отбрасывания старой элиты в аутсайдеры. Более того, некоторые местные партийные деятели, очевидно, были вынуждены адаптировать свои представления к системе ценностей сельского сообщества. Повторявшийся во многих партийных отчетах упрек в том, что партгор распивает спиртные напитки вместе с «кулаком», обобщает этот феномен, делая его знакомым. В том же духе будущий председатель Верховного Совета Эдуард Пял сеговал на то, что на самом низовом уровне, в составе земельных комиссий, уполномоченных осуществлять реформу³³, а также среди партгоргов некоторых сел Тартуского района, прослеживается тенденция «к либеральным отношениям с врагами и мирной жизни с кулаками»³⁴.

³¹ Robert F. Miller. One Hundred Thousand Tractors. The MTS and the Development of Controls in Soviet Agriculture. — Cambridge/Mass, 1970. — С. 65, 67.

³² Последняя работа по вопросу о передвижениях на рынке труда после 1919 года: Anu Mai Kõll. Peasants on the World Market. Agricultural Experience of Independent Estonia 1919–1939. (= Studia Baltica Stockholmiensia, 14). — Stockholm, 1994. — С. 103, 112.

³³ [Nr. 189] Eesti NSV rahvakomissare nõukogu ja EK(b)P keskkomitee määrus maa tagasiandmise kohta Eesti NSV ulatupoegadele: Tõnurist. Dokumentide kogumik [см. сноscopy 17], с. 49–53, здесь: с. 51.

³⁴ Nr. 3, 18.12.1944. ERAF 12–3–1, с. 10.

Недостатки в планировании и управлении

Одной из причин столь неадекватного поведения сельских коммунистов стали и противоречия, заложенные при планировании. Парторг отвечал не только за идеологические приемлемое осуществление земельной реформы, но и за все сельскохозяйственное производство³⁵. Он первым ощущал на себе последствия партийной субординации в тех случаях, когда дело доходило до разорения хозяйств, выполнявших до сих пор функцию основного поставщика, в пользу новых, которые зачастую оказывались нежизнеспособными и из-за промахов в управлении сверху вовсе не стремились к увеличению своих показателей³⁶. Поэтому некоторые парторги старались по возможности свести изменения к минимуму.

С другой стороны, ошибки в управлении способствовали безудержному злоупотреблению властью. Партийные и государственные деятели либо осуществляли экспроприацию в собственных корыстных целях, либо делали все, чтобы избежать ее³⁷. Повсеместно распространилась коррупция. Из села в село передавался слух о том, что «без бутылки в исполкоме сельсовета не стоит и показываться»³⁸. В отчетах партийных комитетов Тартуского района в качестве недостатков фигурируют коррупция и злоупотребление алкоголем вплоть до тяжелых инцидентов³⁹. Не лучшим образом обстояло дело и в органах госбезопасности, где проблемой стали «постыдные факты в среде чекистов: нарушения дисциплины и попойки»⁴⁰; участились случаи злоупотребления властью по отношению к гражданскому населению⁴¹.

Показательна и реакция партийного руководства на подобные отклонения, свидетельствующая о том, что система не имела никаких механизмов самокорректировки. Трудности объяснялись исключительно личными недостатками местных кадров, что вело к их увольнению. Только в 1946 году в республике сменилась половина всех парторгов⁴², а в Тартуском районе хозяйственные руководители, вынужденные оставить свою должность, составили 41% районной номенклатуры⁴³. Однако смена кадров сама по себе не могла обеспечить устранение структурных недостатков.

³⁵ Kivimaa. Parteioorganisatsioonide loomine [см. сноску 23], с. 89.

³⁶ Evald Laasi. Eesti talurahvas sundkollektiviseerimise eel // Sotsialistlik Põllumajandus. — № 7. — 1989. — С. 31–33, здесь: с. 33; Он же: Eestimaa Kommunistlik Partei ellu viimas V.I. Lenini koostöökoostöö plaani 1944–1950. — Tallinn, 1980. — С. 25.

³⁷ Nr. 2, 18.11.1944. ERAF 12-3-1, с. 4. Другие примеры: Kivimaa. EKP tegevus [см. сноску 24], с. 48.

³⁸ Nr. 1, 22.8.1947. ERAF 1693-1-3, с. 3. Такое же «крылатое выражение» было распространено и в других сельских районах: Стенограмма совещания у секретаря ЦК КП(б)Э тов. Кузика по вопросу работы комиссии по проверке и исправлению земельной реформы. — 26.09.46 г. ERAF 1-37-42, с. 19.

³⁹ Aualane EK(б)P Tartumaa Komitee tööst perioodil detsembrist 1945.a. kuni detsembrini 1946.a. ERAF 12-6-1, с. 20.

⁴⁰ Цитата из протокола отдела службы безопасности сельского района Вору. цит. по: Raid. Ka peremees voi käsälune. Часть 3 [см. сноску 14], с. 49.

⁴¹ Там же, с. 49 и далее.

⁴² Kinkar. Valla parteiorganisatsioonid [см. сноску 26], с. 255.

⁴³ M. Gorenškin/A. Green. Mõningatest puudustest töö alal kaardritega Tartumaa // Eesti Bolševik. — № 10. — 1947. — С. 46–54, здесь: с. 49.

Система уполномоченных и насилие

Неудивительно, что в общем и целом упор делался на оправдавший себя метод действия рывками, претворения в жизнь решений центра в ходе кампаний. Перераспределение земли и сельхозинвентаря, корректировка ошибок и завершение реформы — все это было бы неосуществимо⁴⁴ без участия уполномоченных из городов, особых комиссий и даже солдат эстонского стрелкового корпуса Красной Армии⁴⁵. Двести пятьдесят «идеологически закаленных» рабочих из Таллинна и Тарту, уполномоченных народного комиссариата по земледелию, завершая перераспределение земли в конце 1944 года⁴⁶, меньше всего думали об отдаленных последствиях своих действий. А ведь каждая подобная кампания подтверждала подспудное понимание того, что упорядоченная местная политика в рамках этой системы невозможна. Лучшим свидетельством этому стало то, что для хотя бы предварительного завершения земельной реформы, на которую первоначально отводилось четыре месяца, в действительности потребовалось два с половиной года⁴⁷.

В порядке упрощенного производства «разоблачались» новые лица, сотрудничавшие с немецкой оккупационной властью. С конца 1944 года в села были направлены уполномоченные районных комиссий и райисполкомов, которые вместе с сельскими исполкомами и подходящими активистами из числа безземельных, бедняков и владельцев новых земельных наделов создавали группы или комиссии «по разоблачению активных пособников».

Во многих случаях такие разоблачения происходили на собраниях, куда созывали всех жителей села. Подобные «народные трибуналы» могли приобретать довольно неожиданные формы. Так, например, суд над 43 «пособниками» на сельском сходе общины Раасику Хартюского района при участии 200 крестьян длился 17 часов. Видимо, разрушение сельских сообществ давалось довольно-таки нелегко⁴⁸.

Риторика классовой борьбы оказалась наиболее удобным средством для уполномоченных. Она превращала насилие в «соблазнительно простое орудие господства» (Мерль): при подходе к проблеме как к «акту саботажа» террор становился средством, которое снимало все вопросы о глубинных причинах трудностей и сопротивления со стороны населения. А на организационные недостатки и вовсе закрывали глаза⁴⁹. Выполнение поставленных задач без применения насилия часто вообще считалось едва ли возможным — беспощадное обращение с «врагами народа» и «кулаками» в условиях провозглашенной упорной классовой борьбы хорошо согласовывалось с нормативным ядром теории заговоров, оно было частью политической морали самой системы.

⁴⁴ Ants Ruusmann. Nõukogude maareformi taastamine pärast Eesti NSV vabastamist saksa fašistlikest okupantidest: Sotsialistliku põllumajanduse areng Nõukogude Eestis. — Tallinn, 1976. — С. 47–68, здесь: с. 48–50. Серьезное исследование по вопросу о земельной реформе: Он же. Põllumajanduse taastamine ja kollektiviseerimine Eesti NSV-s aastail 1944–1950. Dissertatsioon ajalooteaduste kandidaadi teadusliku kraadi taotlemiseks. — Tallinn, 1967 [рукопись, Академия наук].

⁴⁵ Об их использовании см.: Ülevaade Eestimaa Kommunistliku Partei ajaloost. Том 3 [см. сноску 23], с. 204.

⁴⁶ Ruusmann. Maareformi taastamine [см. сноску 45], с. 48.

⁴⁷ Там же, с. 41; Laasi. Eesti talurahvas sundkollektiviseerimise eel [см. сноску 36], с. 31.

⁴⁸ А. Руусман, Т. Тидо. Начало социалистических преобразований в эстонской деревне. — Tallinn, 1982. — С. 173.

⁴⁹ Stephan Merl. Bilanz der Unterwerfung — die soziale und ökonomische Reorganisation des Dorfes: Manfred Hildermeier (Hrsg.). Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung. (= Schriften des Historischen Kollegs, Kolloquien 34). — München, 1998. — С. 119–145, здесь: с. 129.

Национальный аспект: «буржуазный национализм»

Треугольник из структурно обусловленных недостатков в организации и контроле, ставших идеологических схем и политической морали, суть которой составляла экстраординарная готовность к применению насилия против мнимых врагов, стал основой порожденного самой системой террора и в прибалтийских республиках послевоенного времени. Именно в это время на политическом небосклоне возмозла звезда «буржуазного национализма» — наиболее полного воплощения недоверия ко всему, что имело собственные традиции. В этом смысле вполне оправданным следует признать понимание сталинизма как «явления, имперского по своей сути»⁵⁰.

Постановление ЦК КПСС от 30 октября 1944 года «О недостатках и задачах политической работы в партийных организациях ЭССР» по праву считается «первым официальным партийным решением, направленным на насильственное приобщение Эстонии и ее сособратных коммунистов к господствующей идеологии»⁵¹ и грозным предостережением тем, кто говорил об особом эстонском пути. Его рассмотрение на V Пленуме КПЭ (1–2 декабря 1944 года) положило начало волне репрессий против образованных слоев эстонского населения⁵², кроме того, руководитель созданного в 1944 году эстонского бюро ЦК КПСС Шаталин воспользовался им, чтобы обвинить республиканское руководство в том, что оно надеется «закрепить советский строй, не испортив ни с кем отношений»⁵³.

При подобном развитии событий понятие «буржуазный национализм» вскоре стало применяться в качестве идеологического оружия не только против старой элиты, но и против многих эстонских коммунистов, которые и без того оказались в партии в положении все более притесняемого меньшинства. В связи с тем что в первые послевоенные годы предпочтение при приеме в КПЭ отдавалось представителям «старых» советских республик, доля эстонцев в партии резко сократилась⁵⁴. В 1946 году она составляла лишь 48%, а в последующие годы уменьшилась еще больше⁵⁵. Произошли существенные изменения и в руководстве: в 1948 году из девяти заведующих отделами только трое были эстонцами, да и то по-настоящему местной среди них была одна-единственная женщина, выросшая в Эстонии⁵⁶. Такие же изменения коснулись и государственного аппарата, в котором сразу после войны некоторое время преобладали эстонцы (это делалось в целях положительного воздействия на общественное мнение). В государстве и партии сложились неформальные группировки. Взгляды их представителей могли существенно отличаться от взглядов эстонского партийного руководства, и они часто жаловались московскому начальству на «либеральный» курс КПЭ. Главным образом именно они извлекали личную выгоду из царящего беспорядка и его истолкования как заговора.

⁵⁰ Jörg Baberowski. Wandel und Terror: die Sowjetunion unter Stalin 1928–1941. Ein Literaturbericht // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. — № 43. — 1995. — С. 97–129, здесь: 102.

⁵¹ Kalev Tammistu. *Tasaliitamine 5* // *Õhtuleht*, 03.05.89.

⁵² Raid. Kas peremee või käsualune. Часть 2 [см. сноску 21], с. 41. О советизации университетов: Lembit Raid. *Vaeate*. Tartu Ülikool kommunistlikus parteipoliitikas aastail 1940–1952. — Tartu, 1995.

⁵³ Kalev Tammistu. *Tasaliitamine 6* // *Õhtuleht*, 04.05.89.

⁵⁴ Kivimaa. EKP tegevus [см. сноску 24], с. 32.

⁵⁵ Pennar. Nationality Policy [см. сноску 28], с. 118.

⁵⁶ Kalev Tammistu. *Tasaliitamine 10* // *Õhtuleht*, 12.05.89.

Политика коллективизации и массовый террор

Расхождение между Москвой и Таллином

Коммунисты, прибывшие в Эстонию из других советских республик, часто требовали более решительных действий при проведении политики коллективизации. А эстонское руководство во главе с первым секретарем КПЭ Николаем Каротаммом никак не решалось приступить к окончательной советизации сельского хозяйства. В первые послевоенные годы оно еще могло рассчитывать на понимание Москвы⁵⁷, придерживавшейся тогда стратегии умиротворения. Но когда в 1946 году КПСС призвала усилить пропаганду колхозов в прибалтийских республиках⁵⁸, а затем в мае 1947 года потребовала осуществления коллективизации⁵⁹, мнения Москвы и Таллина разошлись. Помимо идеологии причиной расхождений могло стать и иное видение этой проблемы республиканским руководством⁶⁰. Ведь у него имелись данные о почти всеобщем отрицательном отношении эстонских крестьян к колхозной системе⁶¹, и оно хорошо представляло себе трудности ее внедрения. Кроме того, Каротамм, как свидетельствует его докладная записка Жданову от 15 апреля 1947 года, опасался огромного экономического ущерба, который могла нанести поспешная коллективизация, особенно в отрасли скотоводства⁶², а центр эти опасения не разделял.

И наконец, массовый террор, неизбежно сопутствовавший кампании коллективизации, вряд ли всецело соответствовал интересам эстонских коммунистов: ведь депортация поволжских немцев, чеченцев, крымских татар и калмыков со всей очевидностью показала, что водоворот репрессий вполне мог захватить и партийных вождей⁶³. Поэтому таллинское руководство было вынуждено до некоторой степени держать в неведении своих московских хозяев относительно масштабов отторжения планов коллективизации эстонской деревней и одновременно долго и тщательно скрывать наличие этих планов от собственного населения. Не только рядовые граждане, но и большинство местных партийцев вначале даже не подозревали о существовании постановления Москвы о коллективизации⁶⁴.

Локализация кулачества

Репрессии, применявшиеся в связи с кампанией коллективизации против так называемых кулаков, точно так же как и преследования потенциальных противников режима,

⁵⁷ Edgar Tõnurist. Traagiliste sündmuste aasta: Ausalt & avameelselt EKP Keskkomitee VIII plenumist, Karotammist ja Käbinist, hinge harimusest. Koost. E. Hion. — Tallinn, 1989. — С. 31–62, здесь: с. 32 и далее.

⁵⁸ В постановлении «О работе литовского Центрального Комитета» от 05.10.46 г.

⁵⁹ Kolhooside loomisest Leodu, Lätti ja Eesti NSV-s: Tõnurist. Dokumentide kogumik [см. сноску 17], с. 239. Оригинал опубликован в кн.: Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. — Т. 3. — Москва, 1958. — С. 204.

⁶⁰ Die «leninistische» Haltung der estnischen Führung betonen Kalev Tammistu: *Tasaliitamine 10* // *Õhtuleht*, 12.05.89; Evald Laasi. Kui kolhoose tehti // *Horisont*. — № 1/2. — 1988. — С. 27–29, 10–14, здесь: часть 1, с. 29.

⁶¹ Отчеты местных партийных организаций по этому вопросу опубликованы в сб.: «Kui tulivad kolhoosid...» Dok. Eesti maarahva suhtumisest kolhoosikorda a. 1948–49. [Eccs. E. Laasi] // *Akadeemia*. — № 2. — 1991. — С. 382–397.

⁶² Отчет полностью напечатан в работе: Tõnurist. Traagiliste [см. сноску 57], с. 34–37.

⁶³ На такую возможность указывает Пюппе: Teine punane okupatsioon Eestis [см. сноску 18], с. 8.

⁶⁴ Kivimaa. EKP tegevus [см. сноску 24], с. 161.

не могут рассматриваться как террор по отношению к определенной группировке. Правда, в соответствии с установками из Москвы 30 августа 1947 года КПЭ впервые четко определила критерии, руководствуясь которыми следовало клеймить «крестьян-кулаков»⁶⁵. Но уже вопрос о том, является ли каждый такой критерий достаточным или только необходимым признаком, привел к спорам внутри партийного руководства⁶⁶. Кроме того, большинство партийных деятелей на местах вообще ничего не знали о постановлении, положенном в основу этих решений, а контроль за местными исполкомами и сельским активом со стороны секретарей сельских партийных организаций был существенно затруднен из-за сентябрьской кампании по заготовке зерна⁶⁷. Таким образом, не существовало никаких препятствий для произвола на местах.

26 сентября Каротамм и председатель Совета Министров Арнольд Веймер косвенно признали, что потеряли контроль над кампанией: помимо местных различий в применении критериев, в некоторых районах оно «осуществлялось по собственному усмотрению» и использовалось для «сведения счетов»⁶⁸. Однако партийное руководство не пошло на радикальное изменение курса. Правда, дважды осуществленные корректировки к концу года существенно снизили число подворий, зарегистрированных как кулацкие⁶⁹. Но для этого имелись и другие причины: многие кулаки были арестованы и депортированы как пособники партизан, часть из них не выдержала экономического давления, которое выражалось в завышенных ставках налога на кулацкие хозяйства⁷⁰. Многие попали в тюрьму по обвинению в саботаже, если еще раньше не бросили свои подворья и тайно не поменяли место жительства — административная сеть была еще не такой густой, а взаимодействие спецслужб отдельных сельских районов слишком слабым, чтобы они могли воспрепятствовать этому⁷¹. Вскоре, однако, выяснилось, что как раз эта тенденция представляла с точки зрения партийного руководства серьезную угрозу и побудила его к более острому реагированию на подобные факты. Видимо, партийные органы все же всерьез опасались «разлагающего» влияния кулаков, «проникавших» на работу в города и считавшихся изначально враждебными советской власти. Несмотря на все усилия КПЭ удовлетворить возрастающий спрос в промышленной рабочей силе за счет притока людей из деревни⁷², отток кулаков был не целью, а нежелательным побочным результатом их «локализации».

Для крестьян с клеймом кулака оставался официально недоступным и еще один выход из тупика — вступление в колхоз. Правда, многие председатели принимали кулаков в свои колхозы, если не существовало свидетельств об их «вредительской деятельности»

⁶⁵ [Nr. 654:] Talupidamiste maksustamisest Eesti NSV-s: Tõnurist (Hrsg.). Dokumentide kogumik [см. сноску 17], с. 228–235.

⁶⁶ Tõnurist. Traagitliste [см. сноску 57], с. 41; Voldemar Pinn. Kes oli Nikolai Karotamm? Kultuurirahvaõidä jälgedes. — Haapsalu, 1996. — С. 99.

⁶⁷ Kivimaa. EKP tegevus [см. сноску 24], с. 109.

⁶⁸ Kulaklike majapidamiste määratlemisest Eesti NSV-s: Tõnurist. Dokumentide kogumik [см. сноску 17], с. 265–268, здесь: с. 266.

⁶⁹ С. 4253 до 2337. Ruusmann, Põllumajanduse taastamine [см. сноску 45], с. 348.

⁷⁰ [Nr. 654:] Talupidamiste maksustamisest Eesti NSV-s [см. сноску 65], с. 230; Kivimaa. EKP tegevus [см. сноску 24], с. 245; Rein Taagepera. Soviet Collectivization of Estonian Agriculture: The Taxation Phase // Journal of Baltic Studies. — № 10. — 1979. — С. 263–282, здесь: с. 267.

⁷¹ Aigi Rahi. 1949. aasta märtsiküüditamine Tartu linnas ja maakonnas. — Tartu, 1998. — С. 37.

⁷² Ülevaade [см. сноску 23], с. 239; Mati Rubin. Eesti maarahvastiku dūnaamikast aastail 1942–1950 // TATÜ. — № 40. — 1991. — С. 141–154, здесь: с. 142; Rahi, 1949 [см. сноску 71], с. 37.

и не замечалось «усилий, направленных на подрыв хозяйства»⁷³. Не случайно как раз такие колхозы вскоре смогли стать «образцовыми хозяйствами»⁷⁴. Однако руководство КПЭ не разделяло этих здоровых взглядов и в январе 1948 года еще раз открыто запретило принимать кулаков в колхозы⁷⁵. Заранее намеченный для них путь неизбежно вел от задолженности по налогам и экспроприации имущества к аресту за «саботажем». Никакого законного выхода для кулаков не было.

«Ликвидация кулачества как класса»

План, с которым Каротамм и Веймер обратились в октябре 1948 года к секретарю ЦК КПСС Георгию Маленкову, был не просто реакцией на замышляющуюся в Москве массовую депортацию⁷⁶. Уверенность в тлетворном влиянии кулаков, имевшая идеологическую подоплеку, поддерживалась общей бесхозяйственностью и организационными трудностями и привела к тому, что разорение кулаков в глазах КПЭ никак не означало окончательного достижения поставленной «хозяйственно-политической цели»⁷⁷. Напротив, Каротамм и Веймер предложили последовательно продолжать курс на «изъятие кулаков», т.е. на компактное переселение их в качестве рабочей силы в эстонские промышленные районы⁷⁸ с введением строгого паспортного режима, чтобы воспрепятствовать бесконтрольному расселению кулаков по территории страны. Этот план целиком отвечал интересам эстонского партийного руководства. Когда ответа на эти предложения не последовало, Каротамм в письме к Сталину от 19 января 1949 года заявил, что пришло время «ликвидировать кулачество в Эстонской ССР как класс, выдворив кулаков и их семьи, равно как и семьи пособников немецких оккупантов, из страны»⁷⁹. Особый акцент на необходимость осуществить этот шаг одновременно с другими прибалтийскими республиками свидетельствует о том, что Каротамм, в сущности, озвучил общий план, существовавший к тому времени в основных чертах⁸⁰. Секретным постановлением Совета Министров СССР от 29 января 1949 года (№ 390–138сс)⁸¹, положенным в основу депортаций в прибалтийских республиках, полная «ликвидация кулачества как класса», а также членов семей «бандитов» и «националистов» возлагалась на органы госбезопасности⁸².

Последние списки кулацких подворий и «врагов народа» были готовы к середине марта 1949 года. На их основании 25 марта был составлен перечень лиц, подлежащих депортации, который в самый последний момент, очевидно после «наводок» секретарей районных партийных организаций и руководящих сельских партработников, претерпел существенные изменения⁸³. Однако этим влияние местных органов, по-видимому, и

⁷³ Nr. 7, 28.04.50. ERAF 1693–1–21, с. 12.

⁷⁴ Nr. 11. ERAF 1693–1–15, с. 40.

⁷⁵ Partioorganisatsioonide tööst kolhooside loomisest Eesti NSV-s: Tõnurist. Dokumentide kogumik [см. сноску 17], с. 277–285, здесь: с. 280 и далее.

⁷⁶ Такую точку зрения высказывает Tõnurist. Traagitliste [см. сноску 57], с. 44.

⁷⁷ То, что этой цели достичь все-таки удалось, утверждает Laasi. Kui kolhoose tehti 2 [см. сноску 60], с. 13.

⁷⁸ Ruusmann. Klassivõitlus [см. сноску 18], с. 9.

⁷⁹ Kolhooside loomisest käigus ENSV-s: Tõnurist. Dokumentide kogumik [см. сноску 17], с. 489–494, здесь: с. 492.

⁸⁰ Этого мнения придерживается Laasi. Kui kolhoose tehti 2 [см. сноску 60], с. 13.

⁸¹ Rahi, 1949 [см. сноску 71], с. 37.

⁸² Kivimaa. EKP tegevus [см. сноску 24], с. 266; Herbert Ligi. Märtsiküüditamine 1949 // Rahva Hää, 25–26.03.89.

⁸³ Rahi, 1949 [см. сноску 71], с. 39–42; Tõnurist. Traagitliste [см. сноску 57], с. 49.

исчерпывалось. Судя по отчетам, уполномоченным партийным деятелям — от районного до республиканского уровня — было отказано в ознакомлении с окончательными списками⁸⁴. И все же при осуществлении депортаций (с 25 по 26 марта) спецслужбы не смогли обойтись без помощи на местах: на каждые четыре семьи приходилась одна «оперативная группа» из десяти человек, в состав которой наряду с сотрудниками органов госбезопасности и министерства внутренних дел входили активисты и внушавшие доверие колхозники⁸⁵.

В конце 80-х годов разгорелась острая дискуссия об общем количестве депортированных. Назывались цифры от 20 до 80 тысяч человек⁸⁶. При этом статистические данные основывались большей частью на косвенных подсчетах, на которых мы в данной статье подробно останавливаться не будем. Последние исследования подтверждают, что министр госбезопасности Борис Кумм в отчете Каротамму от 29 марта 1949 года назвал весьма близкие к истинным цифры⁸⁷. По его данным, было депортировано 20 498 человек, из них «4507 — мужчин, 10 274 — женщин и 5717 — детей»⁸⁸.

Однако большее значение имеют не цифры, а характер депортаций. С одной стороны, примерно две трети из тех, на кого они обрушились, были не «кулаками», а лишь членами семей уже арестованных «националистов» и «врагов народа»⁸⁹. С другой — уже в процессе подготовки депортаций был предусмотрен «резерв» из 1906 семей, которые должны были занять место тех, кого не удалось бы найти⁹⁰.

Оба факта отчетливо свидетельствуют о том, что угроза, якобы исходившая от врагов народа и кулаков, не играла сколько-нибудь существенной роли при планировании депортаций центром. Суть дела заключалась в насильственном перемещении *определенной* части населения⁹¹ в целях осуществления коллективизации — этой порожденной идеологией политической задачи. По запланированным цифрам выполнить ее до конца не удалось. Согласно данным преемника Кумма — Валентина Москаленко, нужно было депортировать 31 632 человека, однако 10 972 лицам удалось скрыться от оперативных групп⁹². Даже депортация людей, которые не входили ни в один из списков и были случайными прохожими, по-видимому, так и не смогла компенсировать эти потери.

Несмотря на стражайшую секретность, большинство крестьян догадывались о том, что их ожидает. Многие оставляли свои селения, некоторые присоединялись к партизанам в лесах. Между тем удалось достичь главной цели депортаций — принудительной коллективизации. Ее темпы стали рекордными не только по сравнению с другими запад-

⁸⁴ Arnold Meri. Volinikuna Hiiu maal // Edasi, 09.02.88; Tõnurist. Traagiliste // см. сноски 57]. с. 49.

⁸⁵ Кумм — Каротамму, 17.03.49; Mart Arold (Hrsg.). Märtsivapustused. — Tartu, 1995. — С. 11–14, здесь: с. 13. Лучшие исследования по вопросу о депортациях см.: Rahi. 1949 [см. сноски 71]; Rein Taagepera. Soviet Collectivization of Estonian Agriculture: The Deportation Phase // Soviet Studies. — № 32. — 1980. — С. 379–397.

⁸⁶ Evald Laasi. 25 märts 1949 // Aja Puls. — № 6. — 1989. — С. 6–8; Herbert Ligi. Märtsiküüditamine 1949 // Rahva Häl, 25–26.03.89; Ruusmann. Klassivõitlus [см. сноски 18]; Rein Taagepera. Märtsiküüditatute arvust // Edasi, 28.06.89; Andres Tarand. Küüditamisest kõrvalehoitudnu kaaluks // Edasi, 26.07.89; Leo Talve. Traagilistest stabiilsetest // Päevaleht, 28.03.90. Краткий итог дискуссии подведен в работе: Rahi. 1949 [см. сноски 71], с. 10 и далее.

⁸⁷ Rahi. 1949 [см. сноски 71]; Rubin. Eesti maarahvastiku dünamikast [см. сноски 72].

⁸⁸ Кумм — Каротамму, 29.03.49; Arold. Märtsivapustused [см. сноски 85], с. 17–19, здесь: с. 17.

⁸⁹ Aadu Must/Aigi Rahi. Kaikenud töö — Herbert Ligi. Eesti Rahvastikukatolused Nõukogude Liidu vanglates ja sunniviisilist // Kõige. — № 8. — 1993. — С. 8–15, здесь: с. 12.

⁹⁰ Кумм — Каротамму, 17.03.49 [см. сноски 83].

⁹¹ Evald Laasi. 25 märts 1949 // Aja Puls. — № 6. — 1989. — С. 6–8, здесь: с. 7.

⁹² Rahi. 1949 [см. сноски 71], с. 63.

ными областями СССР, но и превосходили подобные показатели, достигнутые «старыми» советскими республиками в 20-е годы⁹³.

Партийные чистки

Ударные темпы коллективизации и услужливая поспешность при планировании мартовских депортаций не смогли восстановить доверие московского руководства к Каротамму. Видимо, в целях устранения Каротамму и его сторонников и был инсценирован VIII Пленум КПЭ 21–26 марта 1950 года⁹⁴. После Пленума последовало исключение из партии и арест ряда других партийных и государственных руководителей, поддерживавших курс Каротамму. Весь следующий год прошел под знаком партийных чисток в низах⁹⁵. Прокатилась волна арестов не только членов партии, но и представителей городской интеллигенции⁹⁶.

В отличие от коллективизации и депортаций партийные чистки в Эстонии стоят особняком: они не имели аналогов в других прибалтийских республиках. Что послужило их причиной: тесные связи с Ленинградской партийной организацией, впавшей в немилость, смерть Жданова в августе 1948 года?.. Этот вопрос до сих пор остается открытым⁹⁷.

Выводы

На первый взгляд тезис Верта о том, что кампания коллективизации в России со всеми сопутствующими ей явлениями в сталинские времена была возведена в ранг «системы правления», находит подтверждение в событиях, развернувшихся в послевоенной Эстонии. На самом деле у московского руководства, похоже, никогда и не было альтернативы насильственной коллективизации сельского хозяйства, которая должна была осуществляться строго по российскому образцу. Такая позиция еще более усиливалась потерей контроля над российскими колхозами в послевоенное время⁹⁸. И все же необходимо разграничивать разные формы и цели насилия. Если в первые послевоенные

⁹³ Vladimir Kabanov. NSV Liidu lääneraajoonide põllumajanduse tähtsamaid probleeme: Sotsialistliku põllumajanduse areng Nõukogude Eestis. — Tallinn, 1976. — С. 32–46.

⁹⁴ О VIII Пленуме см.: Jüri Ant/Lembit Raid. Pilemum // Aja Puls. — № 1. — 1988. — С. 7; E.Lõbu. VIII pleenum — meenutusi, arvamusi, hinnanguid // Eesti Kommunist. — № 1. — 1988. — С. 52 и далее; R. Aarma. Meenutusi Nikolai Karotammest ja EK(b)P Keskkomitee VIII pleenumist // Aja Puls. — № 24. — 1987. — С. 9–10; № 1. — 1988. — С. 9–10. Протоколы пока не опубликованы полностью: EK(b)P Keskkomitee VIII pleenumi stenogramm // Akadeemia. — № 12. — 1998. — С. 2655–2683; № 1. — 1999. — С. 191–222; № 2. — 1999. — С. 415–446; № 3. — 1999. — С. 637–670; № 4. — 1999. — С. 863–894; № 5. — 1999. — С. 1087–1118; их публикация продолжится. Постановление «О недостатках и ошибках в деятельности бюро Центрального Комитета КП(б)Э», которое легло в основу Пленума, напечатано в кн.: Jelena Subkova. Kaderpoliitik und Sauberungen in der KPdSU (1945–1953): Hermann Weber/Ulrich Mähler (Hrsg.). Terror. Stalinistische Parteisauberungen 1936–1953. — Paderborn и др., 1998. — С. 187–277, здесь: с. 254–257.

⁹⁵ Tõnurist. Traagiliste [см. сноски 57], с. 59. Ср. противоположное утверждение в работе Зубковой Kaderpoliitik [см. сноски 94], с. 223.

⁹⁶ По этому вопросу ср.: Raid. Vaevalte [см. сноски 52].

⁹⁷ О наличии связи с «ленинградским делом» утверждается в исследованиях: Kalev Tammsalu. Tasalühtamine 2 // Õhtuleht 28.04.89; Он же: У нас, в Эстонии... Ленинградское дело. — Ленинград, 1990. — С. 199–213; Pinn. Kes oli Nikolai Karotamm [см. сноски 66], с. 92–100.

⁹⁸ John Channon. Stalin and the Peasantry, Reassessing the Postwar Years, 1945–53: Он же (Hrsg.). Politics, Society and Stalinism in the USSR. — New York, 1998. — С. 185–209.

чал столь основательно репрессии в ПНР¹. Речь пойдет о нюансах и оттенках, иногда о новых акцентах, ибо нам пришлось столкнуться с достаточно редким явлением, когда поиски и размышления одного-единственного автора указывают путь тем, что работает в том же направлении. Иногда кажущиеся самостоятельными выводы и оценки после внимательного прочтения более ранних текстов Пачковски оказываются повторением пройденного.

Что касается периодизации, то и здесь я придерживаюсь схемы Пачковски: первый этап — захват власти в 1947 году, второй — репрессии как средство мобилизации и запугивания (1948–1955) и третий — использование аппарата насилия в целях упрочнения власти с 1956 по 1989 год. Главный вопрос заключается в следующем: какова была роль во всех этих событиях политических полицейских институтов как составной части коммунистического государственного аппарата? Степень значимости репрессий и насилия на различных этапах влияет на вывод: тоталитарным или авторитарным государством была Польша Народная Республика. Ввиду недостаточности исследования данного вопроса², не лишнего к тому же белых пятен, окончательный ответ дать сложно.

Ситуацию, сложившуюся к лету 1944 года, в обобщенном виде можно охарактеризовать так: старые элиты скомпрометировали себя настолько, что возвращение к режиму санации 1939 года было попросту немислимым. Однако это отнюдь не означало, что захват власти коммунистами был предопределен внутривнутриполитическими настроениями³; спустя более года после окончания войны, на референдуме 30 июня 1946 года, блок, возглавляемый Польской рабочей партией (Polska Partia Robotnicza — ПРП), набрал, по всей видимости, менее четверти голосов⁴. Воспоминания о 17 сентября 1939 года и его последствиях, протест против потери восточных областей, против «вездесущности» Красной Армии, против неадекватности новой администрации, со всей очевидностью проявившейся уже летом 1944 года, вылились в антикоммунистический консенсус, который, однако, так и не смог проявить себя в полной мере, так как после воцарения в обществе государственной монополии на власть были загнаны в подполье. Эта монополия также имела переходный характер и состояла из двух частей: советской «помощи» и деятельности коммунистического репрессивного аппарата в самой Польше.

¹ Andrzej Paczkowski. Polen, der «Erbeind»: Stéphane Courtois и др. (Hrsg.). Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror. — München/Zürich, 1998. — С. 397–429. Кроме статьи в «Черной книге коммунизма» см. также: Andrzej Paczkowski (Hrsg.). Aparat bezpieczeństwa w latach 1944–1956. Taktyka — strategia — metody, cz. I: Lata 1945–1947. — Warszawa, 1994; cz. II: Lata 1948–1949. — Warszawa, 1996; Он же. Terror i kontrola: Funkcje aparatu bezpieczeństwa w systemie komunistycznym. Polska 1944–1956. Тот же автор. Od sfalszowanego zwycięstwa do prawdziwej klęski. — Kraków, 1999. — С. 33–75; Издание на немецком языке: Тот же автор. Terror und Überwachung. Die Funktion des Sicherheitsdienstes im kommunistischen System in Polen von 1944 bis 1956. — Berlin, 1999; Henryk Deminiczak. Organy bezpieczeństwa PRL 1944–1990. — Warszawa, 1997. Это исследование, построенное на богатом фактическом материале, многое теряет ввиду недостаточного анализа отдельных источников, используемых автором.

² Мы до сих пор практически ничего не знаем о деятельности службы безопасности в армии, роль которой обсуждалась лишь в период десталинизации в 1955–1956 годах и которая вплоть до 1990 года имела, скорее всего, немаловажное значение.

³ Сформулированный автором в 1989 году тезис о том, что тенденцию к «полевенению» общества, проявляющуюся, в частности, в отчетах верного правительству движения Сопротивления в 1943–1944 годах, отнюдь не следует связывать с симпатиями к коммунизму, сегодня звучит банально: Włodzimierz Borodziej. Soziale und politische Konturen des polnischen Widerstands: Christoph Kleßmann (Hrsg.). September 1939. Krieg, Besatzung, Widerstand in Polen. — Göttingen, 1989. — С. 109 и далее.

⁴ Andrzej Paczkowski. Referendum z 30 czerwca 1946 r. Próba wstępnego bilansu: Он же. Od sfalszowanego [см. сноски 1], с. 11–32.

Прямое влияние НКВД

Начнем с советского фактора. Сталин, взбешенный очевидной неадекватностью польских коммунистов, без обиняков заявил руководству ПРП, что присутствие советских войск в Польше создает для них «очень благоприятную обстановку»: «У вас теперь такая сила, что, если вы скажете: 2 x 2 равно 16, ваши противники согласятся с вами. [...] Однако так будет не всегда», — предупредил Сталин и добавил: «Тогда они (противники. — Прим. автора) сбросят и перестреляют вас (коммунистов — Прим. автора) как куропаток»⁵.

Докладные записки НКВД, ставшие достоянием гласности в течение последних лет⁶, дважды подтверждают эту мысль. Во-первых, Иван Серов и его подчиненные, руководившие с июля 1944 по весну 1945 года полицейскими операциями на оккупированной советскими войсками территории Польши, были, скорее всего, твердо убеждены в том, что их польские коллеги мало на что годятся⁷. Во-вторых, и польские источники содержат данные о двух периодах, когда «народные» органы госбезопасности Польши вынуждены были признать свое сокрушительное поражение: в октябре 1944 года и в мае — августе 1945 года. Это время было отмечено массовым дезертирством не только из армии, но и из органов госбезопасности. Летом и весной 1945 года антикоммунистическому движению удалось провести громкие акции против тюрем и транспортировки заключенных, а внедрение антикоммунистов-подпольщиков в органы государственной власти стало повсеместным явлением⁸.

Именно слабостью польских органов госбезопасности объясняется ключевая роль советских спецслужб, без которых трудно представить себе осуществление претензий ПРП на власть. В рамках данной статьи функцию НКВД как единственного надежного «щита и меча» формирующегося коммунистического режима можно обозначить лишь несколькими штрихами. Систематическое подавление польского подполья началось в середине июля 1944 года, когда в только что освобожденный Вильно были стянуты подчиненные Серову боевые соединения НКВД общим числом в 12 тысяч человек⁹. В августе в Люблин для защиты советского представительства был откомандирован отдельный особый батальон НКВД, оснащенный тяжелым вооружением; в октябре в Польше были сформированы и усилены подразделения под общим названием «сводная дивизия НКВД». В

⁵ Цитирую по: Aleksander Kochański (Hrsg.). Protokoły posiedzeń KC PPR 1944–1945. — Warszawa, 1992 (Sitzung vom 09.10.44). — С. 22 и далее.

⁶ А. Ф. Носкова. НКВД и польское подполье 1944–1945 годов. По «особым папкам» И. В. Сталина. — Москва, 1994; Sergey Krivenko. Teczka Stalina. Raporty z Polski // Karta. — № 21. — 1995. — С. 28–52; Wojciech Materski/Andrzej Paczkowski (Hrsg.). NKWD o Polsce i Polakach, Rekonesans archiwalny. — Warszawa, 1996. [См. также следующую ссылку.]

⁷ Tatiana Cariuskaja/Andrzej Chmielewicz и др. (Hrsg.). Teczka Specjalna J.W. Stalina. Raporty NKWD z Polski 1944–1946. — Warszawa, 1998, passim. Значительно более широкую картину «структур неадапции» дает сборник документальных материалов: Giennadij A. Bordinow/Aleksander Kochański (Hrsg.). Polska-ZSRR. Struktury podległości. Dokumenty KC WKP(b). — Warszawa, 1995.

⁸ См. в связи с этим вопросом, прежде всего следующие работы: Kochański. Protokoły [см. сноски 5]; Он же (Hrsg.). Protokół obrad KC PPR — maj 1945. — Warszawa, 1992; Cariuskaja/Chmielewicz. Teczka [см. сноски 7]; с. 67, 264f., 329, 384, 413f.; Specjall zur «Oktoberkrise» 1944: Krystyna Kersten. Narodziny systemu władzy, Polska 1943–1948. — Warszawa, 1985. — С. 75–82.

⁹ Cariuskaja/Chmielewicz. Teczka [см. сноски 7], отчет Берии от 16.07.1944 года, с. 39. Серов должен был обеспечить выполнение приказа № 220145 Ставки Главнокомандующего от 14.07.1944 г., которым предписывалось разоружение АК на территории бывшей Восточной Польши.

том же месяце это объединение приняло участие в розыске польских дезертиров, которые в течение нескольких дней бежали из расположения трех армейских полков. Однако главным образом советские части проводили систематические крупномасштабные акции против «националистических банд» по обе стороны новой западной границы.

Изучая доклады Серова и Берии, замечаешь, что чекисты не видели разницы между своей и чужой территорией, что объясняется как слабостью польских органов госбезопасности, так и тем, что главными врагами по обе стороны границы в равной степени были Армия Крайова, подчинявшаяся Лондонскому правительству в изгнании, и Украинская повстанческая армия (УПА).¹⁰

Цифры, приводимые в отчетах НКВД, достаточно высоки: с июля и до конца 1944 года в Литве были арестованы 12,5 тысячи и убиты свыше 2,5 тысячи «бандитов» (с 5 по 10 января к ним добавились еще почти 500 убитых и свыше 1800 арестованных). На небольшой части территории Польши — между Бугом и Вислой — были арестованы 13 000 человек и схвачены свыше 2100 дезертиров.¹¹ В январе начались прочесывания только что завоеванных областей на запад от Вислы.¹²

Десят тысяч военнослужащих НКВД, помимо осуществления систематических акций, направленных против подпольного движения, в апреле приступили к несению службы на границе между Польшей и Чехословакией. На вновь сформированный полк правительственной связи была возложена ответственность за охрану высокочастотных линий телефонной связи (ВЧ-связи) длиной в 2500 км; эта сеть была также развернута частями советского МВД и предназначалась в том числе и для использования польским правительством. В июне из 35 полков НКВД, которые должны были служить в европейской части, 15 были откомандированы в Польшу.¹³

Однако постепенно польская армия и растущий аппарат госбезопасности брали на себя основное бремя борьбы против движения сопротивления. В мае 1946 года в Польше все еще были расквартированы 14,5 тысячи солдат из подразделений советских внутренних войск, однако 6,5 тысячи из них были связистами и охраняли телефонную сеть. Печально известная 64-я дивизия НКВД, специализировавшаяся с 1945 года на «борьбе с бандитами», к этому моменту насчитывала всего 4200 человек. Между тем ее присутствие оставалось, очевидно, все еще принципиально важным для удержания власти польскими коммунистами. Президент Болеслав Берут обратился в октябре 1946 года к заместителю Берии с настоятельной просьбой оставить 64-ю дивизию до февраля следующего года в

Польшу.¹⁴ Итогом почти двухлетней деятельности в стране этого подразделения стали около 2400 убитых и 51 тысяча пленных, а также почти 1500 единиц трофейного оружия (потери дивизии составили 310 убитых и раненых).¹⁵

Министерство общественной безопасности

После вывода 64-й дивизии дух НКВД в Польше сохранился, так как польское министерство общественной безопасности во всех отношениях стало своеобразной миниатюрной копией советского образца. После 1955 года ожидалось некоторые важные изменения (в течение первого послевоенного десятилетия отличительной чертой, определявшей лицо нового режима, была лишь имитация перемен).

В довоенной Польше, в период демократии до 1926 года, а также позднее, с наступлением диктатуры, политическая полиция всегда играла подчиненную, хотя и постепенное возрастающую роль.¹⁶ Люблинский комитет национального движения особо подчеркнул значение этой ветви аппарата репрессий, вывел полицию и органы безопасности из подчинения министерства государственного управления (старого министерства внутренних дел) и включил ее в состав нового министерства общественной безопасности (МОБ). С самого начала МОБ в Польше, как и в других странах Центральной и Восточной Европы, стало вотчиной коммунистов.

После переходного периода, который завершился в 1948 году и во время которого среди руководящих кадров еще попадались люди с несколько отличными от общепринятых биографиями, с 1949 по 1954 год образовался узкий круг из пяти человек, прошедших одинаковый жизненный путь: родились в период между 1903 и 1911 годами, члены довоенной КПП, эмигрировали в Советский Союз, вернулись в Польшу в июле 1944 года, вступили в ПРП. Никто из этих людей не был участником антифашистского подполья, никто до 1944 года ничем особым не выделялся. Согласно внутренним данным НКВД — очевидно, завышенным, — руководящие кадры МОБ на 50% состояли из евреев.¹⁷ Большинство высокопоставленных сотрудников окончили школу НКВД № 366 в Куйбышеве, другие руководящие должности занимали официальные «советники» НКВД (вначале во всем аппарате органов госбезопасности их насчитывалось несколько сотен человек), работали здесь — по линии оказания «поддержки» — и советские офицеры, частично польского происхождения.¹⁸

¹⁰ См. в этой связи: Tomasz Strzembosz (Hrsg.). NKWD o polskim podziemiu 1944–1948. Konspiracja polska na Nowogródzku i Grodzieńszczyźnie. — Warszawa, 1997.

¹¹ Данные взяты из кн.: Cariewskaja/Chmielarz. Teczka [см. сноscopy 7], с. 53, 59 и далее, 67, 156, 160. Названные последними данные касаются исключительно деятельности сводной дивизии НКВД в Польше (насчитывавшей вначале 8850 человек) с середины октября 1944 года по 5 января 1945 года. Общее количество убитых «бандитов» в отчете не приводится.

¹² Там же, с. 165–167. Только в тылу Первого Белорусского фронта части Серова за две недели арестовали свыше 2200 лиц, две трети которых составляли поляки (с. 188). Спустя 2,5 месяца в тылу всего Восточно-западного фронта были арестованы 171 тысяча человек, в том числе 101 тысяча немцев и 35 тысяч поляков (с. 225 и далее). Наряду с частями НКВД действовали семь оперативных групп польских органов безопасности общей численностью в 785 человек, которые должны были создать аппарат управления в Центральной и Западной Польше, ср.: Dominiczak. Organy [см. сноscopy 1], с. 22.

¹³ Cariewskaja/Chmielarz. Teczka [см. сноscopy 7], с. 229 и далее, 240 и далее, 304 и далее. Охрана польско-чешской границы была доверена польской армии только в конце июля. Также лишь в конце июля 1945 года специально обученные НКВД польские сотрудники службы госбезопасности взяли на себя задачу по охране правительства (которая до этого времени была возложена на 6-е Главное управление НКВД).

¹⁴ Cariewskaja/Chmielarz. Teczka [см. сноscopy 7], с. 494, 547.

¹⁵ Materski/Paczowski. NKVD o Polsce [см. сноscopy 7], с. 136 и далее. О советских репрессиях на территории Польши см.: Alexander Gurjanow. Sowietische repressie wobec Polakow i obywateli polskich w latach 1939–1956 w swietle danych sowieckich: Krzysztof Jasiewicz (Hrsg.). Europa nieprowincjonalna. Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej (Białoruś, Łódź, Ukraina, wschodnie pogranicze III Rzeczypospolitej) w latach 1772–1999. — Warszawa, 2000.

¹⁶ Во времена парламентской демократии она насчитывала почти 1000 человек, к концу 30-х годов ее численность возросла до 2500 человек.

¹⁷ Cariewskaja/Chmielarz. Teczka [см. сноscopy 7], с. 421, отчет НКВД от 20.10.45; согласно этому отчету, 19% всех сотрудников были евреями, в отделе внутренних дел их насчитывалось до 33%. На основании изучения документов МОБ Пачовски говорит о 131 сотруднике еврейского происхождения из 450 руководящих работников.

¹⁸ Эти и последующие данные позаимствованы из кн.: Paczowski. Terror [см. сноscopy 1], с. 36–41. Об организационной структуре МОБ в 1945–1950 годах ср. исследование того же автора: Aparat [см. сноscopy], cz. I, с. 11–16. Местами отрывочные данные см. также: Dominiczak. Organy [см. сноscopy 1], с. 21–27.

Наряду с собственно органами госбезопасности, в подчинении министерства находились и другие службы и структурные подразделения. Система госбезопасности в декабре 1944 года насчитывала от 2500 до 3000 служащих, весной 1945 года — от 11 до 12 тысяч, к концу того же года — от 24 до 28 тысяч, а к 1953 году — свыше 33 тысяч. В рядах полиции, действовавшей под вводным в заблуждение именем гражданской милиции и подчиненной министерству, несли службу 48 тысяч сотрудников (т.е. лишь наполовину больше, чем в политической полиции), в составе корпуса внутренней безопасности — 41 тысяча, пограничных войск — 32 тысячи, службы исполнения наказаний — 10 тысяч, охраны промышленных объектов — свыше 32 тысяч, полуголовных добровольных резервных формирований гражданской милиции — 125 тысяч. Один сотрудник органов госбезопасности приходился на 200 граждан страны, один служащий министерства общественной безопасности — на 80. Министерство поглощало от 8 до 11% государственного бюджета. Из 1455 руководящих чиновников в разгар сталинизма 1429 были членами Польской объединенной рабочей партии (ПОРП).

Уровень образованности служащих¹⁹ вызывал неоднократные нарекания руководства министерства. В течение первых двух лет были заменены 25 тысяч сотрудников, т.е. 100% всего состава²⁰, до 1949 года в целом 90 тысяч человек либо добровольно оставили работу, либо были уволены²¹. Вначале преобладали политические мотивы увольнения (страх перед проникновением «враждебных элементов»), однако позже главными причинами кадровых изменений стали несоответствие должности, воровство, алкоголизм и коррупция. После 1946 года политическая лояльность сотрудников органов вызвала меньше вопросов, хотя во время совещаний руководства то и дело приводились примеры слишком вольного обращения с материалами дел, завышения данных об оперативных успехах и т.д.

Взгляд в прошлое: судьба немцев

Достаточно легко объяснимым является тот факт, что исследования последних лет практически полностью обходят стороной группу населения, которую очень трудно не заметить и которая с самого начала столкнулась с неприкрытым массовым насилием. Речь идет о немцах или лицах немецкого происхождения. Начальник управления тю-

рем МОБ 1 декабря 1945 года вскользь информировал своих коллег о том, что из 62 тысяч заключенных на тот момент лишь 15 тысяч являлись поляками. «Это опровергает вражеские реакционные утверждения, согласно которым в тюрьмах сидят одни поляки», — подчеркнул руководитель системы тюрем²². С точки зрения руководства МОБ это обстоятельство и вовсе не заслуживало большого внимания, так как аресты и поражение в правах немцев и их пособников не были политической проблемой, не вызывали протестов со стороны оппозиции, происходили как бы самоотком (en passant) и воспринимались как нечто само собой разумеющееся. На совещаниях руководства органов госбезопасности эта тема практически не поднималась (исключая упомянутый случай).

Такое равнодушие со стороны ответственных лиц породило нынешнее равнодушие со стороны исследователей. Однако от этого реальная картина не меняется: острие государственного террора сразу после 1944 года было направлено против немцев, фольксдойче и их мнимых или действительных пособников. При первых же полных подсчетах узников лагерей и тюрем по всей стране в начале мая 1945 года обнаруживается цифра более чем в 51 тысячу человек, из них 2100 немцев и больше 35 тысяч фольксдойче. В следующем месяце удельный вес обеих этих категорий оставался таким же высоким²³. Летом, после обустройства многих новых, а также частично унаследованных от немцев лагерей в Силезии, эти группы составляли уже большинство среди несовершеннолетних и пожилых заключенных²⁴, а скорее всего, и среди всех узников.

К осени в лагерях и тюрьмах оказались около 60 тысяч лиц, из которых примерно половину составляли фольксдойче; долю немцев — выходцев из рейха точно установить невозможно. К весне 1946 года немцы и фольксдойче, не имевшие судимости, переводились в лагерь. К концу 1948 года они составили там большинство заключенных²⁵. Были вынесены решения суда в отношении 10 тысяч человек, включая военных преступников²⁶. В списке из 676 человек, осужденных на смертную казнь по обвинению в политических преступлениях, всего 32 фамилии немцев и фольксдойче, причем половина из них были помилованы²⁷.

²² Paczkowski. Aparat [см. сноски 1], cz. I, с. 31.

²³ Archiwum Akt Nowych (в дальнейшем ААН), Departament Więziennictwa i Obozów (в дальнейшем ДВО) 13/3, отчет руководителя отдела на имя министра Радзевича от 4 мая 1945 года. По состоянию на 1 июня в тюрьмах находились 42 696 узников, из них 7093 немцев и 21 026 фольксдойче; см. там же, а также: ДВО 13/1 (дательные систематизированные данные по отдельным тюрьмам и лагерям к весне 1945 года).

²⁴ ААН ДВО 2/132, статистические данные от 1 августа 1945 года. В Свентохловце из 360 лиц в возрасте свыше 60 лет лишь один узник не относился к категории немцев — выходцев из рейха или фольксдойче, в Явожво всего 16 детей, а также 190 узников из 201 в возрасте свыше 60 лет также входили в эту категорию.

²⁵ 1 декабря 1946 года из 53 299 заключенных 30 936 относились к группе фольксдойче, 14 054 были военнопленными (лицами, использовавшимися на принудительных работах), 7693 интернированных (очевидно, немцев — выходцев из рейха); ААН ДВО 13/6, сводные данные по состоянию на 21.12.46 г. К 1 сентября 1947 года насчитывалось 73 498 заключенных, в том числе 27 597 фольксдойче, 4386 интернированных, 11 634 военнопленных и 25 559 работавших на шахтах и рудниках (скорее всего, военнопленных); см.: ААН ДВО 13/8, сводные данные от 15.09.47 г. По состоянию на 1 ноября 1948 года имелось 39 617 заключенных, в том числе 17 490 фольксдойче, 7509 интернированных, 12 887 военнопленных и еще 23 076 военнопленных, работавших на шахтах и рудниках; см.: ААН ДВО 13/11, сводные данные от 15.11.48 г.

²⁶ ААН ДВО 13/11, сводные данные по тюрьмам по состоянию на 01.02.48 г.: УПА и Вервольф — 1094 человека, «фашистско-гитлеровские преступники» — 7822, военные преступники — 1399 человек; долю немцев в составе первых двух групп установить невозможно.

²⁷ Łukasz Socha [Maria Turlejska]: Tę pokolenia złobami czarne. Skazani na śmierć i ich sądownictwo 1944–1954. — Warszawa, 1986. — С. 143, 276–282.

¹⁹ В 1947 году лишь 1% сотрудников Первого отдела контрразведки МОБ имели законченное высшее образование, 12% могли предъявить диплом о полном среднем образовании, ср.: Aparat, cz. I, с. 154. Такие же данные см.: Dominiczak. Organy [см. сноски 1], с. 37. Ср. воспоминания бывшего офицера Мариана Липки: Złwieżenie niewzyskiego policjanta. — Warszawa, 1999. — С. 183, где сообщается, что даже в 60-е годы лишь чуть более 1% офицеров и сержантов службы безопасности спустя 20 лет после окончания войны доля выпускников высших учебных заведений среди офицеров все еще составляла лишь около 10%. Ср.: Dominiczak. Organy [см. сноски 1], с. 139, 245 и далее: согласно данным этой работы, лишь 5% высокопоставленных государственных служащих имели высшее образование, а проблемы с дисциплиной были нередким явлением даже в 70-е годы.

²⁰ Ср. в этой связи выступление министра Станислава Радзевича на совещании в июле 1947 года: Paczkowski. Aparat [см. сноски 1], cz. I, с. 118.

²¹ Данные взяты из кн.: Dominiczak. Organy [см. сноски 1], с. 36, автор которой ссылается на выступление Радзевича в 1950 году; вероятно, министр все же имел в виду всех сотрудников министерства внутренних дел (не только службы безопасности), ибо в противном случае невозможно представить, как за неполные 2,5 года (с лета 1947 по осень 1949 года) около 65 тысяч человек могли оставить службу.

Этот эпизод, о котором упоминают не все авторы «Черной книги», важен при рассмотрении нашей темы по двум причинам. С одной стороны, террор против немцев и фольксдойче является лучшим свидетельством слабой связи между правом и государственными репрессиями на начальной стадии развития народной Польши. Вопреки многочисленным указам, которые власти силились представить в качестве фундамента уголовного права и которыми следовало руководствоваться польским судам²⁸, большая часть репрессий происходила в условиях правового вакуума. Десятки тысяч немцев и фольксдойче, главным образом в северных и восточных областях, без всякого на то юридического основания, часто без ведома Варшавы, оказывались в тюрьмах. Лишь чрезвычайно высокий уровень смертности привлек внимание центра к этим «диким лагерям»²⁹. С другой стороны, указ от 31 августа 1944 года «Об определении меры наказания фашистско-гитлеровских преступников, виновных в убийствах и зверствах против мирного населения и военнопленных, а также предателей польского народа», вопреки духу этого документа, после 1948 года использовался главным образом для судилищ над бойцами сопротивления, которые придерживались анти- или некоммунистических взглядов.

Связь между чистками и преступными акциями против собственных граждан (*de facto* безнаказанными) отчетливо обнаруживается на примере лагеря в Явожно. Концентрационный лагерь Даксгрубе, построенный СС в июне 1943 года, с лета 1945 по весну 1949 года использовался как лагерь для немцев и фольксдойче, а также военнопленных. С мая 1947 года сюда начали поступать украинцы, которых считали особо опасными; из 3873 украинцев (в том числе 707 женщин) умерли 162. В 1949 году, после освобождения фольксдойче и военнопленных, Явожно вплоть до его закрытия в 1956 году³⁰ «перепрофилировали» в исправительно-трудовой лагерь для молодежи.

Немцы и фольксдойче в 1945–1948 годах стали главным объектом государственного насилия и произвола³¹. То, что было испытано на них, — поражение в правах, конфискация имущества, насильственное отселение, массовое использование на принудительных работах, — все это было применено в 40-е, а еще в большей степени в 50-е годы против всего польского общества. Связь между «показательными» репрессивными мерами против чужаков и против собственного народа в 1944–1954 годах наверняка еще станет предметом более широкого исследования³².

²⁸ См. соответствующие документы в переводе на немецкий язык в кн.: *Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus den Gebieten östlich der Oder-Neiße*, Bd I/3, *Polnische Gesetze und Verordnungen 1944–1955*. — Berlin, 1960.

²⁹ Единственным пока примером досконального исследования одного из таких «диких лагерей» является работа Эдмунда Новака: *Schatten von Lambinowice*. — Opole, 1994; в статистических отчетах управления тюрьм МОБ этот лагерь, существовавший в течение многих месяцев и насчитывавший несколько тысяч узников, вообще не упоминается.

³⁰ Наиболее важные данные по этому вопросу, как и прежде, можно найти в книге Евгениуша Мислио: *Akcja «Wisła»*. — Warszawa, 1993. — С. 158 и далее.

³¹ Bogdan Musiał (NS-Kriegsverbrecher vor polnischen Gerichten // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. — № 47, — 1999. — С. 25–56) приходит к выводу о том, что с военными преступниками, выданными войсками союзников, поступали в основном «сообразно нормам правового государства»; на самом деле гражданские суды резко отличались от военных судов и МОБ; лишь ничтожно малая часть арестованных или интернированных немцев и фольксдойче получали возможность давать показания перед гражданским судом.

³² Первой попыткой стало издание документальных источников Владимиром Борожейем и Хансом Лембергом. См.: «Unsere Heimat ist uns ein fremdes Land geworden». Deutsche in Polen 1945–1950. (Первый том на польском языке будет издан в Варшаве в 2000 году, первый том на немецком языке появится в издании института имени Гердера также в 2000 году.)

Враги и образ врага в 1944–1955 годах

Из материалов МОБ можно сделать вывод о таких наиболее важных «задачах чекистов» в течение первого десятилетия:

- борьба против антикоммунистического движения сопротивления (1944–1946);
- проникновение агентов госбезопасности в ряды легальной оппозиции и ее разложение изнутри (1945–1947)³³;
- меры по насильственному приобщению к господствующей идеологии партий блока, в первую очередь Польской социалистической партии и других общественных организаций (1947–1949);
- поиск внутренних врагов, шпионов и саботажников, в том числе в самой ПОРП (с 1949 года).

Все эти вопросы достаточно подробно освещены в специальной литературе. Кроме проникновения в римско-католическую церковь, нам хорошо известны и другие обстоятельства, при которых утверждался сталинизм в Польше. Периоды до и после 1948 года, т.е. до и после окончательного захвата власти, скорее всего, отличаются следующими особенностями применения насилия.

Ни в одной стране, расположенной западнее Советского Союза, создание подобной системы в 1944–1947 годах не наталкивалось на столь широкое сопротивление. Согласно старым данным, с обеих сторон при этом погибло от 30 до 40 тысяч человек. Пачковский делает вывод о значительно меньшем количестве (ровно 10 тысяч) жертв антикоммунистического движения сопротивления. Потери режима, по его данным, составили от 4 до 5 тысяч человек. Однако и эти подсчеты дают представление об удельном весе насилия в процессе, который, по моему мнению, несмотря на участие в нем советских войск, заслуживает названия гражданской войны.

С 1944 по 1947 год коммунисты сделали ставку на сочетание насилия, обмана и пропаганды (в частности, во время референдума 30 июня 1946 и выборов 19 января 1947 года). С 1948 года соотношение между этими средствами воздействия значительно изменилось: на смену мерам политического или псевдополитического характера приходит террор в чистом виде, который отныне превращается в потенциальную угрозу для каждого гражданина страны (включая членов Политбюро).

Эта изощренная смена методов характерна для всех стран так называемой народной демократии, в которых после 1948 года почти не действовали организации вне контролируемого государством «общественности». Поиск внутреннего врага привел к известному парадоксу: несмотря на отсутствие после 1945 года организованной оппозиции, роль аппарата госбезопасности постоянно возрастала. Все данные, которыми мы располагаем на сегодняшний день, свидетельствуют о том, что применение государством насилия достигло наивысшей точки в 50-е годы. Для Польши — это 1952 год: если в начале 1948 года в стране насчитывалось 26 тысяч политических заключенных, то к осени 1952 года их число выросло до почти 50 тысяч человек; если раньше ежегодно арестовывали от 12 до 15 тысяч человек, то в 1952 году этот показатель увеличился до 21 ты-

³³ Связь между двумя первыми задачами и наиболее существенные недостатки в работе органов госбезопасности обобщены в заключительном слове Радзича на совещании 30.11–01.12.45 г. и в феврале 1946 года: *Aparat*, cz. I, с. 36–42, 57–61.

сдачи человек. В тот же период, т.е. в промежутке между насильственным объединением ПСП и ПРП (декабрь 1948 года) и смертью Сталина, МОБ укрепило свою агентурную сеть на промышленных предприятиях и транспорте, осуществило аресты тысяч крестьян, провозглашенных врагами коллективизации или не выполнявших норм по принудительным поставкам³⁴, и повело активную борьбу со «слухами». 20% лиц, арестованных в 1952 году, обвинялись в распространении слухов³⁵. Количество тайных сотрудников выросло с 53 тысяч в 1948 году до 110–130 тысяч в 1954 году³⁶, на учете в органах безопасности состояли 5,2 миллиона поляков, т.е. почти треть совершеннолетних граждан страны.

Со значительным опозданием в Польше развернулась борьба органов госбезопасности против римско-католической церкви. «Война против церкви» достигла кульминации лишь в 1953 году, когда был вынесен приговор одному из епископов и интернирован «примас» (первый епископ в католической церкви. — Прим. переводчика)³⁷.

До 1948 года МОБ было единственным «пиком» государственного аппарата репрессий; в разгар сталинизма оно стало центром системы, которая основывалась на сотрудничестве множества государственных и псевдообщественных органов. Приведем лишь два примера, чтобы пролить свет на эти пока еще недостаточно изученные вопросы. Если сразу после войны профсоюзы, в которых уже преобладали коммунисты, но значительную силу представляли еще и социалисты, выступали, как правило, на стороне бастующих рабочих или пытались брать на себя функцию посредника, то с середины 1947 года этот орган, призванный представлять интересы наемных работников, превращается в пособника МОБ; профсоюзные деятели принимают участие в допросах и пишут доносы на «зачинщиков»³⁸.

Особые уголовные суды, созданные в конце 1944 года, должны были заниматься не только уголовными преступлениями оккупационного периода, но и политическими процессами против антикоммунистов. Но уже спустя два года они были распущены, так как старый аппарат правосудия не оправдал надежд, которые возлагала на него власть³⁹, — в последующие годы ни одно правоохранительное учреждение не выразило подобного коллективного протеста. Во всяком случае, нам такие факты неизвестны. Хотя нам вообще очень мало известно о деятельности как системы правосудия в целом, так и армейских органов юстиции в частности⁴⁰.

Конец сталинистской модели насилия в Польше отчасти был следствием ослабления братских советских органов безопасности после смерти Берия, а отчасти обусловлен особенностями внутриполитического развития, начало которому положило бегство на

Запад высокопоставленного чиновника МОБ в декабре 1953 года. Уже весной 1954 года количество арестов уменьшилось, летом десятый отдел министерства, осуществлявший слежку за партийным руководством, был ликвидирован.

С конца сентября польская служба *Radio Free Europe* (радио «Свободная Европа») начала транслировать «свидетельства очевидца-перебежчика», в которых в карикатурном виде — в качестве агентов, преступников, жалких личностей, легко поддающихся шантажу, — предстала вся партийная верхушка⁴¹. Последовала немедленная реакция партийного руководства на этот материал, позорящий органы госбезопасности: на пленуме центрального актива партии МОБ обвинили в грубом пренебрежении партийными нормами жизни, а уже в декабре министерство было расформировано. Ни один из четырех руководителей МОБ не вошел в состав нового Комитета по вопросам общественной безопасности (КОБ).

Прежде чем обратиться к особенностям дискуссии об аппарате госбезопасности, прохажившей в Польше в период оттепели, необходимо вкратце изложить дальнейшую историю этой организации. Аппарат службы безопасности с 31 тысячей человек в 1955 году был сокращен до 9 тысяч в конце 1956 года⁴². Уже в декабре 1956 года КОБ прекратил свое существование и растворился в министерстве внутренних дел (МВД), созданном в 1954 году. Это решение, вследствие которого служба безопасности теоретически стала лишь одним из отделов министерства внутренних дел, оставалось в силе вплоть до 1989 года.

Как известно, в большинстве стран второго мира была сохранена советская модель, при которой служба госбезопасности всегда являлась отдельным министерством. При польском варианте организации этой службы радикально усилились позиции министра внутренних дел, который всегда рассматривался прежде всего как председатель комитета госбезопасности, а вскоре был введен и в состав Политбюро. Однако обратной стороной медали стало то обстоятельство, что министры внутренних дел в период с 1954 по 1989 год менялись в Польше чаще, чем в «братских странах». За 35 лет, в течение которых неизменным руководителем министерства государственной безопасности в ГДР оставался Эрих Мильке, в Польше сменилось восемь его коллег: лишь троем из них удалось удержаться на своей должности более четырех лет⁴³.

Вернемся, однако, к первому кризису политического аппарата госбезопасности в 1954–1956 годах. Поначалу в узком партийном кругу, а затем и в обществе заговорили об «ошибках» МОБ. При этом внутри ПОРП речь шла, прежде всего, о слежке за партийными деятелями, вплоть до членов Политбюро⁴⁴. В общественной же дискуссии, которая с весны 1956 года почти вышла из-под контроля, в качестве второй главной жертвы

³⁴ Cр.: Dariusz Jarosz. *Polityka władz komunistycznych w Polsce w latach 1948–1956 a chłopci*. — Warszawa, 1998. — С. 82–85, 219–237, 436–443.

³⁵ Paczkowski. *Terror* [см. сноски 1], с. 47–56; Dominiczak. *Organy* [см. сноски 1], с. 56 и далее.

³⁶ Dominiczak. *Organy* [см. сноски 1], с. 41, 45. По его подсчетам с 1944 по 1956 год около миллиона граждан были завербованы в качестве вшитатных сотрудников различного уровня.

³⁷ Ср.: Dominiczak. *Organy* [см. сноски 1], с. 106–111.

³⁸ См. в этой связи машинписе диссертации Grzegorz Sołtysiak. *Polityka społeczna związków zawodowych w Polsce w latach 1944–1956*, с. 115–121.

³⁹ Первой попыткой освещения этой проблемы является исследование Анджея Жепелинского: *Sądownictwo w PRL*. — Londyn, 1989. — С. 26–50.

⁴⁰ Musiał. *NS-Kriegsverbrecher* [см. сноски 31], с. 53–56. Автор не без оснований подчеркивает показательный характер военного правосудия после 1944 года. Первое широкое исследование этой темы см.: Jerzy Poksiński. «My, sędziowie, nie od Boga...» *Z dziejów sądownictwa wojskowego PRL 1944–1956. Materiały i dokumenty*. — Warszawa, 1996.

⁴¹ Zbigniew Błażyński (Hrsg.). *Mówi Józef Światło. Za kulisami partii i bezpieki 1940–1955*. — Londyn, 1985. Это относительно исчерпывающее исследование, основанное на анализе документальных источников, не так известно, как его сокращенное издание в виде брошюры, в которой собраны наиболее пикантные истории и которая несколько раз печаталась подпольными типографиями до 1989 года.

⁴² При этом на работу принимали сравнительно немного новых сотрудников: к 1959 году почти две трети служащих имели больше 10 лет стажа службы в органах госбезопасности. К 1969 году число сотрудников возросло до 16 тысяч. — Dominiczak. *Organy* [см. сноски 1], с. 128, 132–139.

⁴³ В том числе и двум, очевидно, не имеющим какого-либо веса функционерам: Władysław Wicha (1954–1964) и Stanisław Kowalczyk (1973–1980); только последний министр внутренних дел Чеслав Кишак (1981–1990) оказал достаточно заметное влияние на внутреннюю политику.

⁴⁴ Наиболее ярким примером является работа Юзефа Стемпия. Ср.: «Ustąpienie» Jakuba Bermiana z Biura Politycznego w świetle protokołu BP KC PZPR z 2–5 V 1956 r. // *Teki Archiwalne*. — № 2. — 1997. — С. 195–222.

полицейского произвола назывались члены антифашистского движения Сопротивления периода Второй мировой войны — бойцы Армии Крайовой. Именно эти две группы оказались в центре внимания важнейших литературных произведений, которые вышли в период польской оттепели⁴⁵. Однако достаточно ограниченное обсуждение темы сталинского террора сопровождалось событиями, опровергавшими такой подход: в результате амнистии, объявленной 27 апреля 1956 года, на свободу вышли 9 тысяч политических заключенных. Этот факт стал косвенным подтверждением масштабов произвола и «ошибок» прошлых лет, от которых пострадали далеко не только члены партии или бойцы Армии Крайовой⁴⁶.

Не менее показательным событием стало осуждение трех высокопоставленных сотрудников КОБ на значительные сроки лишения свободы, а также замена министра юстиции, Генерального прокурора и Верховного военного прокурора. На партийных собраниях КОБ сделали основным, а то и единственным виновником сталинизма. Неудивительно, что «внештатные сотрудники» в массовом порядке начали отказываться от дальнейшего сотрудничества⁴⁷. Неудивительно также и то, что главным объектом ненависти рабочих Познани, которые вышли на улицы города 28 июня 1956 года (вынаше в знак протеста против новых норм выработки), стало здание госбезопасности воеводства. Бастующие, которые приглашали милиционеров к совместному маршу и поначалу, казалось, не были настроены против партийных деятелей, выслеснули перед помещением органов госбезопасности всю накопившуюся ненависть, многие демонстранты даже сравнивали эту организацию с гестапо и СС⁴⁸.

Бунт рабочих Познани удалось подавить только силами 10 тысяч солдат, применив при этом 400 танков и бронемашин. Это было, пожалуй, самое громкое поражение аппарата госбезопасности в 1956 году⁴⁹.

Вначале партийное руководство недооценило компрометирующее значение этого события и, похоже, сочло возможным воспользоваться примером Восточной Германии

⁴⁵ Roman Bratny, *Kolumbowicz, rocznik 20*. — Warszawa, 1957. В заключительной части своего романа автор обращается к теме послевоенных судеб молодых солдат Армии Крайовой. Казимир Брандис в рассказе «Obrona Grenady» (Warszawa, 1956) повествует об истории жизни молодого активиста ПОРП в течение пяти лет: главного героя арестовывают по надуманному обвинению. В романе Młoka Krolow (1957) Брандис воссоздает судьбу целой семьи, которая тесно связана с партией и попадает в водоворот борьбы против минувших врагов.

⁴⁶ Наряду с документальной работой Яроша, в которой показана кампания преследования неспокойных крестьян [см. сноску 34], см.: Ryszard Tomkiewicz, *Olsztyńska Delegatura Komisji Specjalnej do Walki z Nadużyciami i Szkodnictwem Gospodarczym 1945–1954* (Olsztyn, 1995) о репрессиях против мелких торговцев и других частных предпринимателей, а также воспоминания того же автора: *Prywaciarze w Pecerlu* // Karta. — № 26. — 1998. — С. 81–104 и *Inicjatywa prywatna* // Karta. — № 29. — 1999. — С. 84–127.

⁴⁷ См. в этой связи фундаментальное исследование Paweł Machcewicz, *Polski rok 1956*. — Warszawa, 1993. — С. 53–58.

⁴⁸ Там же, с. 98 и далее; Lipka, *Zwierzchnia* [см. сноску 19], с. 156–160, где сообщается о той же разнице в отношении рабочих к органам милиции и органам безопасности, которая и стала одной из причин того, что сотрудники аппарата госбезопасности впоследствии выдвинули требование наказать милицию за пассивную позицию и халатное отношение к своим обязанностям. О познских событиях см. также: Stanisław Jankowiak/Edmund Makowski (Hrsg.), *Poznański czerwiec 1956 w dokumentach*. — Poznań, 1995; Stanisław Jankowiak/Edmund Makowski (Hrsg.), *Przełomowy rok 1956. Poznański Czerwiec*. — Polski Październik — Budapecz. — Poznań, 1998.

⁴⁹ Lipka, *Zwierzchnia* [см. сноску 19], с. 161, пишет о том, что полиция, оказавшаяся, видимо, абсолютно беспомощной, лишь в 1958 года начала создавать для подавления демонстраций группы быстрого реагирования, которые оснащались техникой и оружием производства ГДР.

1953 года и осудить виновных как «агентов» и «provokatorov». Однако уже в июле 1956 года прокуратура вынуждена была отступить. Обвинение было выдвинуто только против 123 человек из почти 1000 задержанных демонстрантов. Когда в течение последующих недель выяснилось, что подавить взрыв возмущения в связи с массовыми избиениями во время арестов не удалось, пришлось даже начать расследование против десяти милиционеров, а количество участников демонстрации, которым было предьявлено обвинение, составило в конечном счете лишь 12 человек. Все они были приговорены к лишению свободы на срок от полутора до шести лет за нанесение телесных повреждений⁵⁰.

Такой же косвенной приметой неуверенности, которую испытывала власть на фоне растущего возмущения в обществе⁵¹, стал процесс (тогда строго секретный) против девяти военнослужащих, перешедших 28 июля на сторону рабочих и принявших участие в боях за захват здания воеводского управления госбезопасности. Следствие против восьми человек (в том числе против единственного в группе офицера) было прекращено, девятое дело военный суд закрыл за отсутствием состава преступления⁵². В качестве, так сказать, встречной услуги государственная власть обязывалась — если не учитывать редкие, названные ранее исключения — не прибегать к уголовному преследованию сотрудников госбезопасности⁵³. Новый неписанный общественный договор предусматривал ослабление позиций политической полиции, однако не упразднял ее, поэтому говорить о правовом государстве, как и прежде, не было никаких оснований.

Модель 1956–1989 годов:

аппарат службы безопасности как средство укрепления власти

Дискуссия о значении переломных событий 1956 года в классификации и типологии постсталинского режима длится многие годы⁵⁴. С одной стороны, не вызывает сомнения тот факт, что с точки зрения роли насилия и репрессий государство Владислава Гомулки лишь отчасти сопоставимо с государством его предшественника. События 1956 года положили конец полной изоляции Польши от Запада, возросла также и свобода действий Варшавы в рамках подчиненных Москве структур, аппарат госбезопасности потерял неограниченную возможность терроризировать общество, прекратилось наступление против римско-католической церкви, был более или менее оставлен, наконец, в покое частный сектор в сельском хозяйстве.

⁵⁰ Третий судебный процесс против следующих десяти участников событий был прекращен без вынесения приговора; ср.: Jankowiak/Makowski, *Poznański czerwiec* [см. сноску 48], с. 7, 145–162.

⁵¹ Это и стало важнейшим итогом работы Махцевича *Polski rok* [см. сноску 47], которому удалось доказать, что мятеж имел значительно более далеко идущие последствия, чем считалось до сих пор, а выдвинутые требования выходили далеко за рамки «социализма с человеческим лицом».

⁵² Janusz Karwat, *Wojsko Polskie w wydarzeniach Poznańskiego Czerwca. Fakty i mity*: Jankowiak/Makowski. *Przełomowy rok* [см. сноску 48], с. 98.

⁵³ Dominiczak, *Organy* [см. сноску 1], с. 121–124. Почти 1900 жалоб из 2000, поступивших по этому поводу в прокуратуру, к концу декабря 1957 года были отклонены, причем Генеральная прокуратура даже в случаях явного нарушения закона становилась на сторону злоумышленников.

⁵⁴ См., в частности: *Historia najnowsza — między polityką a nauką (dyskusja)* // Odra. — № 11. — 1995. — С. 2–10; *Czym była PRL?* Dyskusja i Andrzej Friszke, *Jakim państwem była Polska po 1956 r.?* // Więź. — № 2. — 1996. — С. 109–146; *Spór o PRL*. — Kraków, 1996; *Ofiary czy współwinni. Nazizm i socjalizm*. — Warszawa, 1997.

С другой стороны, многие историки указывают на тот факт, что достаточно широкая общественная поддержка Гомулки сделала применение многих до сих пор «необходимых» средств воздействия излишним. Новый общественный договор более эффективно способствовал стабилизации системы, чем репрессии и насилие; потенциал протеста, сформировавшийся под давлением сталинизма, растворился в «малой стабилизации» 60–70-х годов. По выражению Пачковски, это был «золотой век» коммунизма: общество без явного принуждения откликнулось на сигналы, подаваемые властью, а власть, в свою очередь, требовала только номинального послушания. Государственный социализм без террора «стал обычным и естественным явлением. То, что Польша [после 1956 года] была социалистической, — такой же факт, как и то, что Висла течет с юга на север, а после зимы наступает весна»⁵⁵.

Характеристика этой «золотой четверти века» с 1956 по 1980 год осложняется тем, что период правления и Гомулки (1956–1970), и его преемника Эдварда Герека (1971–1980) исследован недостаточно. Фундамент для научно обоснованных выводов фактически отсутствует⁵⁶, если не принимать в расчет исключение из правила — студенческие беспорядки 1968 года, декабрьский кризис 1970-го или предисторию «Солидарности» начиная с 1976 года. Поэтому далее придется ограничиться лишь некоторыми замечаниями, отражающими современное состояние исследования этого вопроса, и только отметить возможные направления будущих исследований.

Во-первых, отметим практически полное отсутствие сопротивления в период 1956–1976 годов. Правда, в отдельных случаях дело доходило до громких стычек между властью и интеллигенцией, выступавшей против засилья цензуры, однако прокуратура принимала меры в соответствии с законами авторитарного государства. Из 34 подписантов «открытого письма» премьер-министру в 1964 году некоторые отделались лишь нигде не опубликованным запретом на публикацию своих работ в течение какого-то времени, а остальные и вовсе не понесли никакого, даже символического наказания⁵⁷. Писатель Станислав Кат-Машкевич, которого уличили в нелегальном сотрудничестве с эмигрантским журналом, был исключен из Союза журналистов, однако остался членом Союза писателей. Следствие, публично возбужденное прокуратурой, закончилось ничем, до суда дело не дошло⁵⁸. Его не менее известный коллега Мельхиор Ванькович, которого обвинили в том же уголовном деянии, предстал перед судом, огласившим после короткого разбирательства приговор о лишении свободы на три года, однако срок тут же был сокращен наполовину. Через несколько недель Ваньковича освободили из камеры предварительного заключения, а сам он так и не обжаловал решение суда. Несколько месяцев спустя его принял высший руководитель партии, и решение суда осталось существовать только на бумаге⁵⁹.

Значительно жестче, чем против несправившихся представителей гражданского движения солидного возраста, партия действовала против собственных молодых «ревизионис-

⁵⁵ Как сказано в заключительной фразе главы о «стабилизации и консолидации» (1957–1959) справочника Пачковски: *Pół wieku dziejów Polski 1939–1989*. — Warszawa, 1995. — С. 18.

⁵⁶ Важнейшие данные о полицейском аппарате за этот период собраны в статье Пачковски, опубликованной в «Черной книге коммунизма» [см. сноску 1], с. 426 и далее.

⁵⁷ Jerzy Eisler. List 34 — Warszawa, 1993.

⁵⁸ Jerzy Janulewski. Stanisław Kat-Mackiewicz 1896–1966. Wilno–Łondyn–Warszawa. — Warszawa, 1987. — С. 304 и далее.

⁵⁹ Министерство внутренних дел сразу же после ареста обратилось к полиции с просьбой «предоставить отдельное светлое помещение с максимально возможными удобствами»; Aleksandra Ziolkowska. Proces Melchiora Wańkowskiego 1964. — Warszawa, 1990. — С. 26.

тов». Яцек Куронь и Кароль Модзелевски тогда же получили от трех до трех с половиной лет тюрьмы за «Открытое письмо партии», в котором развивалась критика Милована Диласа в адрес «нового класса» и содержалось требование «истинного» социализма⁶⁰. В то же время в этом деле обнаружились новые, невиданные по меркам 1956 года обстоятельства: научный руководитель Модзелевского, доктор Александр Гештор, получил разрешение министра юстиции на посещение своего докторанта в тюрьме, чтобы продолжить работу над диссертацией⁶¹.

Наряду с этими доминирующими явлениями (mainstream), за которыми внимательно наблюдали западные средства массовой информации, во времена Гомулки имели место и менее известные факты применения репрессий, когда поведение власти было совсем иным, чем в случаях с интеллигенцией. Сегодня нам известно о неоднократных столкновениях, прежде всего, рабочих (реже крестьян) с милицией в связи с тем, что власть пыталась воспрепятствовать строительству церквей или проведению церковных обрядов. Органы, как правило, не церемонились, ненасильственного решения вопроса удавалось достичь лишь в тех случаях, когда церковные иерархи и верующие в течение длительного времени непоколебимо отстаивали свои взгляды⁶². В апреле 1960 года в Новой Гуте в результате столкновений пострадал 181 сотрудник полиции и были арестованы 493 протестующих, через месяц в Зеленой Гуре во время такой же акции были ранены 160 полицейских и задержаны 222 местных жителя⁶³.

Органы безопасности вполне справлялись с борьбой против церкви — «старого» и хорошо известного врага государства. В то же время и сами органы безопасности в отношении авторитарной и отгороженной от западного мира Польше времен Гомулки оказались практически в безвыходном положении. В 1965 году начальник управления министерства внутренних дел по цензуре переписки жаловался, что его чиновники не в состоянии справиться со 130 тысячами писем в день, даже корреспонденция из капиталистического зарубежья могла контролироваться только на 30%⁶⁴.

Политическая полиция не только оказывала дисциплинирующее воздействие на строптивую интеллигенцию, притесняла церковь и следила за обществом — в 60-е годы она играла важную роль еще в одной области. Мечислав Мочар, формально заместитель министра внутренних дел и председатель Союза участников войны, ставший с начала 60-х годов фактически шефом министерства внутренних дел, использовал свою государственную и общественную должности для утверждения в министерстве стиля руководства, который опирался на угодничество и личную преданность. Благодаря демонстративной поддержке некоторых писателей, журналистов, художников и бойцов верного правительству движения Сопротивления периода войны, Мочар превратился из бывшего агента разведки

⁶⁰ Деятельность различных оппозиционных течений после 1956 года освещена в исследовании Анджея Фришке *Oporczy polityczni w PRL 1945–1980*. — Londyn, 1994. — С. 152–159; см. также: Тот же автор. *Oaza na Kopermika. Klub Inteligencji Katolickiej 1956–1989*. — Warszawa, 1997.

⁶¹ По словам самого Кароля Модзелевского (1999), Гомулка, который с опозданием узнал о таком порядке содержания в заключении, отменил его.

⁶² В поселке Красник Фабричны в июне 1959 года произошли столкновения, в ходе которых был арестован 61 человек. Разрешение на строительство церкви было выдано в 1977 году, здания освятили в 1982 году; ср.: Antoni Dudok/Tomasz Marszałkowski. *Walki uliczne w PRL*. — Kraków, 1999. — С. 92–95.

⁶³ Некоторые столкновения подобного рода рассмотрены на документальной основе: там же, с. 106, 111. Ср.: Dominiczak. *Organy* [см. сноску 1], с. 222, 229 и далее. Такие же инциденты в сельской местности и в небольших городах, о которых, как правило, и Варшаве ничего не знали, впервые описаны в еженедельнике *Karta*, а также в конкурсных работах школьников, опубликованных в этом издании.

⁶⁴ Dominiczak. *Organy* [см. сноску 1], с. 159.

Красной Армии⁶⁵ в защитника и покровителя «настоящих» поляков — прежде всего, молодых сотрудников партийных, государственных и военных органов, а также аппарата госбезопасности, которые считали, что их шансы на карьеру блокируются представителями старого поколения⁶⁶.

Мы и сегодня еще далеки от того, чтобы восстановить полную картину феномена «партии Мочара», однако то, что она не является плодом фантазии его противников и жертв, вызывает сомнения. Антисемитизм этой группы не составлял секрета еще в начале 60-х годов. И все же многие не ожидали от нее той мощи и открытости, с которыми она начала наносить удары в 1968 году. Когда в начале марта во многих вузах вспыхнули забастовки протеста против цензуры, эти импровизированные волнения, выглядевшие впоследствии довольно беспомощно, были использованы для того, чтобы представить происходившее как всемирный «сионистский заговор», которым руководили Израиль и США (в отдельных вариантах упоминалась и ФРГ)⁶⁷. В некоторых высших учебных заведениях полиция повела себя достаточно жестко. Были задержаны более 2700 человек, главным образом молодых людей, ликвидированы целые факультеты, а несколько сотен студентов исключены из вузов и призваны в армию. К концу февраля 1969 года прокуратура выдвинула обвинение против 262 лиц, в том числе 98 студентов и научных сотрудников. Только в столице к концу мая 1968 года — без учета данных по министерству обороны и внутренних дел — были уволены почти 500 человек, из них 40% с так называемых номенклатурных штатных должностей⁶⁸.

Массовый исход из Польши 20–30 тысяч человек, преимущественно еврейского происхождения, подвел предварительную черту под «мартовскими событиями», главная роль в которых с самого начала принадлежала министерству внутренних дел. Вне зависимости от долгосрочных психологических и внешнеполитических последствий кампании 1968 года, которые народная Польша ощущала вплоть до своих последних дней⁶⁹, этот общенациональный, хотя официально тщательно скрываемый факт возвращения ключевой роли министерству внутренних дел привел к обратному результату: уже в июле 1968 года Гомулка затормозил дальнейшее продвижение Мочара, в результате чего до конца существования народной Польши МВД выпало из обоймы политических участников внутрипартийных разборок в борьбе за власть⁷⁰, несмотря на то что фантазия служб безопасности именно в этом вопросе была, казалось, просто-таки неисчерпаемой⁷¹.

⁶⁵ Окончательное подтверждение этого давно предполагавшегося факта см. в книге: Polska-ZSRR [см. сноски 7], с. 82.

⁶⁶ См. в этой связи: Krzysztof Lesiakowski, Mieczysław Moczar «Mietek». Biografia polityczna. — Warszawa, 1998.

⁶⁷ Ср. в этой связи исследование конкретного случая: Włodzimierz Borodziej, Dyplomacja PRL w Marcu 1968 r. i wobec wydarzeń marcowych // Sprawy Międzynarodowe. — № 1. — 1998. — С. 117–138.

⁶⁸ Данные приведены согласно: Piotr Osęka, Komitet Centralny PZPR wobec Marc. Rok 1968 w świetle archiwów partyjnych: Marcin Kula/Piotr Osęka/Marcin Zaremba (Hrsg.). Marzec 1968. Trzydzieści lat później, Bd. I i Bd. II. — Warszawa, 1998, Bd. I. — С. 68; Friszke, Opowiadania [см. сноски 60], с. 250 и далее. Из армии в период с середины 1967 по середину 1969 года был уволен 344 офицер, ср.: Kula/Osęka/Zaremba, Marzec, Bd. I, с. 55.

⁶⁹ См. по этому вопросу главным образом статьи: Michał Głowiński, Ireneusz Krzemiński, Dariusz Gawin i Jakub Karpiński: Kula/Osęka/Zaremba, Marzec [см. сноски 68], Bd. I, с. 252–328.

⁷⁰ Окончательно служба безопасности утратилась от политических разборок в мае 1971 года, когда по не выясненным до сих пор обстоятельствам Герск внезапно прервал официальный визит в ЧССР. В официальном коммюнике по этому поводу говорилось о необходимости совместно с Мочаром «ознакомиться с положением» в воследстве Алленштайн. Через месяц был возбуждено уголовное дело против нескольких сотрудников МВД, а один из заместителей министра, согласно решению суда, был приговорен к лишению свободы.

⁷¹ Министерство внутренних дел с 1965 года ежегодно арестовывало от 100 до 200 членов «антисоциалистических группировок», главным образом молодых людей: Dominiczak, Organy [см. сноски 1], с. 166, 177.

Во время следующих крупных столкновений — декабрьских волнений 1970 года в приморских городах — аппарат госбезопасности, как и в 1956 году в Познани, снова оказался на второстепенных ролях. В отличие от Познани, где недовольство рабочих ухудшением своего положения постепенно накапливалось в течение длительного времени, на этот раз взрыв был вызван одним-единственным обстоятельством: резким повышением цен на товары массового потребления, объявленным 12 декабря 1970 года, через несколько дней после подписания договора о нормализации отношений с Федеративной Республикой Германией. До этого момента на побережье состоялся только три непродолжительные забастовки (в январе, апреле и октябре), в которых приняли участие всего 230 рабочих. Помимо этого, наблюдались проявления недовольства плохими условиями труда, звучали жалобы на слишком низкую зарплату, ощущалось «напряжение» в выполнении плановых показателей, но не более того⁷².

В 1956 году ситуацию в Познани расплатили плохо скоординированные действия местных и центральных органов власти. В 1970 году государственные органы в Гданьске и Щецине оказались практически беспомощными: решение о повышении цен было принято Гомулкой единолично, овладеть кризисной ситуацией сразу же после вспышки бунта 14 декабря было поручено многочисленным специальным штабам и уполномоченным, прибывавшим самолетами прямо из Варшавы и зачастую впоследствии мешавшим друг другу. Если в 1956 году варшавское руководство, застигнутое, видимо, врасплох, спасло вышедшую из-под контроля ситуацию благодаря применению армии, то в 1970 году Гомулка, ставший с некоторых пор заложником собственного безумия, утром 15 декабря, т.е. спустя лишь 24 часа после первых волнений, отдал приказ открыть стрельбу, не подумав даже о том, чтобы начать переговоры⁷³. В Познани премьер-министр Юзеф Циранкевич публично озвучил ставшее знаменитым предостережение о том, что «рука, направленная против народной власти, будет отсечена», после чего «народная власть» практически отказалась от сведения счетов с зачинщиками беспорядков. Гомулка, который оказался на вершине власти как раз благодаря этому молчаливому общественному консенсусу 1956 года, на закрытом заседании штаба по преодолению кризиса на побережье, разразился криками о том, что гражданская милиция слишком либеральна, не умеет как следует стрелять, не может и даже не хочет ликвидировать контрреволюцию. В качестве примера он привел французскую полицию, которая тайно убивала своих врагов и

181. Lipka, Zwierzczenia [см. сноски 19], с. 196, сообщает о заключении СБ начала 70-х годов, в рамках которого осуществлялась проверка 2000 дел молодых членов тайных политических организаций («антигосударственного и антисоциалистического толка»), взятых с полицией сотрудниками госбезопасности. В 60% этих случаев были созданы группы влиятельных сотрудников, работавшие «по наводке» органов госбезопасности.

⁷² См. сводный отчет орготдела ЦК от 04.01.71 г., неопечатанный в кн.: Tajne Dokumenty Biura Politycznego. Grudzień 1970. — Londyn, 1991. — С. 3–7. По данным Dominiczak, Organy [см. сноски 1], с. 195 и далее, МВД с 1968 по 1969 год в целом зарегистрировало 90 забастовок по всей стране, в первом квартале 1970 года их количество составило 20.

⁷³ Спустя несколько месяцев, в марте 1971 года, Гомулка подтвердил правомерность своего поведения в декабре и отверг все обвинения в свой адрес. Молодежь он порекомендовал внимательно прочитать историю Польши консервативного историка Юзефа Шуйского (первое издание — 1862–1866 годы). В этом труде Шуйский обвиняет аристократию в падении первой польской республики. Гомулка заклеймил польские традиции «несоблюдения права, традиции насилия, своселости и анархизма» и закончил свои размышления следующей фразой: «Если бы рабочий молодежь побережья разоблачила историю падения и распада Польши, она не встала бы в те декабрьские дни на путь анархии, ибо отдавала бы себе отчет, куда ведет такой путь». Цит. по: Tajne Dokumenty [см. сноски 72], с. 269.

сбрасывала их тела в Сену⁷⁴. С 14 по 21 декабря власть перебрала в портовые города почти 8 тысяч полицейских, 27 тысяч солдат и 550 танков. Неразгаданной остается тайна уличных боев в Польской Народной Республике, во время которых, по официальным и до сегодняшнего дня не опровергнутым данным, погибло «всего» 45 человек, т.е. значительно меньше, чем во время двухдневного сражения в Познани в 1956 году⁷⁵.

Шок, который вызвала бойня в приморских городах, послужил уроком для власти. Когда в конце января 1971 года снова вспыхнули массовые забастовки на побережье, новое партийное руководство и не помышляло о подавлении их силой. Напротив, высший руководитель партии и премьер-министр встретились с забастовщиками и заручились их поддержкой: через три недели рабочим Лодзи без применения силы удалось добиться отмены повышения цен на мясо и другие продукты питания.

Концепция команды Герека, исключавшая прямое применение силы, последовательно проводилась в жизнь, не считая одного случая — 25 июня 1976 года. В этот день рабочие многих — прежде всего расположенных в центральной части Польши — городов начали забастовку против решения парламента (!) о повышении цен на продукты питания. В ходе уличных столкновений полиция подавила забастовку без применения огнестрельного оружия. Примерно 2,5 тысячи человек были арестованы, несколько десятков приговорены к различным срокам лишения свободы⁷⁶. К лету следующего года всех их, невзирая на длительные сроки тюремного заключения, освободили, так как судебные разбирательства и обвинительные приговоры были объявлены грубой ошибкой. Судебные процессы против зачинщиков дали повод для создания Комитета защиты рабочих, под вывеской которого представители интеллигенции — главным образом в Варшаве — оказывали помощь обвиняемым, осужденным и их семьям, а к концу 70-х годов создали мощную систему для издания подпольной литературы и организовали первые ячейки «Свободных профсоюзов» в среде рабочего класса⁷⁷.

Органы госбезопасности использовали против новых форм оппозиции, как правило, хорошо известные старые методы: отказ в выдаче паспорта, запрещение на издание пе-

⁷⁴ *Tajne Dokumenty* [см. сноски 72], с. 463 и далее. В воспоминаниях Гомулки то и дело прорывается нескрываемое разочарование министерством внутренних дел, характерное, впрочем, для многих коммунистов, считавших, что полиция в условиях демократии действует так же, как и в условиях диктатуры, разве что еще эффективнее и незаметнее. Ведь партийный вожь своим приказом попытался отградить жесткие действия милиции в марте 1968 года от какого бы то ни было судебного расследования: аппарат службы безопасности, по его мнению, высказанному 25 мая 1968 года на бюро варшавской партийной организации, «может успешно действовать лишь тогда, когда его сотрудники уверены, что не подвергнутся впоследствии преследованиям за то, что делали свою работу и выполняли свой долг». «Во время мартовских событий со всех сторон раздавались крики [...] о привлечении тех, кто применил дубинки, к ответу. Мы этого точно не сделаем, ведь для этого были веские причины, кроме того, они не перешли необходимую в той ситуации черту. [...] Когда в следующий раз вы снова бросите в дело милицию [а позже разрешите провести расследование], она не выполнит ваш приказ, она не станет избивать людей, критиковать или увольнять их». Цит. по: Dariusz Stola. *Kampania antysemita 1967–1968*. — Typoskrypt, 1999.

⁷⁵ См. в этой связи: Edward Jan Nalepa. *Wojsko Polskie w Grudniu 1970*. — Warszawa, 1990 (прежде всего, вступительное слово Ежи Айслера, с. 6–15). Интересные выводы содержат также в работе: Jerzy Eisler/Stanisław Trepczyński. *Grudzień 1970 wewnątrz «Białego Domu»*. — Warszawa, 1991, и в сборнике документов: Grudzień 1970. — Paryż, 1986.

⁷⁶ Dudek/Marszałkowski. *Walki uliczne* [см. сноски 62], с. 226–239; Dominiczak, *Organy* [см. сноски 1], с. 271 и далее, 288.

⁷⁷ Из обширной литературы, посвященной предистории возникновения «Солидарности», ограничимся упоминанием одного исследования: Jerzy Holzer. *Solidarność. Die Geschichte einer freien Gewerkschaft in Polen*. — München, 1985.

чатной продукции, увольнение, допросы и задержания, слежку, анонимные звонки и письма с угрозами, во многих случаях избияния в отделениях милиции (которые как минимум один раз закончились смертью жертвы) или нападения в подвездах и внутренних дворах «неизвестных преступников» (случай с краковским студентом Станиславом Пиясем в мае 1977 года); ни на минуту не прекращалась и слежка за самым старым врагом — церковью⁷⁸.

Избирательные и за редкими исключениями спланированные заранее репрессии как средство восстановления дисциплины оказались недостаточными, из года в год крепла система издания подпольной литературы, а тем самым и общественное мнение, свободное от цензуры⁷⁹. Это отнюдь не следует понимать как свидетельство массовости оппозиции до 1980 года; в нелегальные контрдемонстрации, приуроченные к памятным датам (например, 11 ноября), которые предоставляли возможность хотя бы минимальной конспирации, а также в издание подпольной литературы или основание «Свободных профсоюзов» были, очевидно, вовлечены всего несколько тысяч человек. Тем не менее к началу летней забастовки в июле 1980 года оппозиционные группы и кружки обрели силу, которой не имели с 1947 года.

Последние десять лет

Последние десять лет существования народной Польши — от основания «Солидарности» и вплоть до «круглого стола» в 1989 году — проходили под знаком длительного латентного, а с 1980–1981 годов открытого противостояния государственной власти и независимых профсоюзов, которые с самого начала взяли на себя роль гражданского движения. На первом этапе, до 31 августа 1980 года, т.е. до подписания Гданьского соглашения, органы безопасности были готовы к насильственному подавлению забастовок⁸⁰. До 13 декабря 1981 года они были заняты главным образом сбором данных, ожидая того дня, на который было отложено принятие решения. В 1980 году была установлена слежка за 239 тысячами подозрительных лиц, в следующем году эта цифра возросла до 500 тысяч⁸¹. Характерно, что в органах безопасности — в отличие от органов милиции — даже в этот период не предпринималось никаких усилий по созданию собственного профсоюза⁸². Можно только гадать, как повели бы себя польская армия и служба госбезопасности, если бы Советский Союз и его союзники в декабре 1980 и марте 1981 года применили «чехословацкий сценарий»⁸³. Военное положение, объяв-

⁷⁸ В 1977 году директор IV отдела МВД, занимавшегося «делами церкви», хвастался тем, что ему удалось засервировать для агентурной работы каждого четвертого священнослужителя: Dominiczak, *Organy* [см. сноски 1], с. 310.

⁷⁹ Согласно данным службы безопасности, в период с 1976 по 1979 год она конфисковала примерно 440 тысяч экземпляров печатных изданий, 121 ротатор, 106 печатных машинок, 1770 рулонов (1 рулон равен 500 страницам) бумаги и 113 килограммов типографской краски: Paszkowski, *Pół wieku* [см. сноски 55], с. 435; некоторые (местами отрывочные) данные можно найти в исследовании: Dominiczak, *Organy* [см. сноски 1], с. 298.

⁸⁰ См. в этой связи зарисовку Маркуса Вольфа о своем коротком визите в Варшаву 27 августа 1980 года: Włodzimierz Borodziej/Jerzy Kochanowski. *PRL w oczach STASI, t. II*. — Warszawa, 1996. — С. 38–41.

⁸¹ Dominiczak, *Organy* [см. сноски 1], с. 260.

⁸² Ср. там же, с. 338 и далее.

⁸³ Новейшие публикации на эту тему, которая стала предметом общественной дискуссии: O stanie wojennym w Sejmowej Komisji Odpowiedzialności Konstytucyjnej. — Warszawa, 1997. (Заключение, представленное на

ленное 13 декабря 1981 года, вылилось, согласно воспоминаниям Пачковски в «Черной книге коммунизма», в самую крупную военную операцию в истории Польши (70 тысяч солдат, 30 тысяч милиционеров, 1750 танков, 1900 бронемашин). Вне всякого сомнения, она оказалась и наиболее успешной: в течение нескольких часов были интернированы 5 тысяч ведущих деятелей «Солидарности» (лишь немногим удалось ускользнуть от арестов), за 10 дней были подавлены последние забастовки. Установление «кладбищенского спокойствия» стоило жизни 14 забастовщикам, примерно 4 тысячи были арестованы⁸⁴.

В последующие годы установилось некое шаткое равновесие. Государственная власть окончательно потеряла монополию на информацию в стране и даже не пыталась ликвидировать подпольные издательства. Она сохранила за собой — сильно потрепанную с 1956 года — монополию на средства производства в сельском хозяйстве, однако не извлекала из этого никакой пользы, так как все попытки повысить производительность труда провалились, и Польша стала единственной социалистической страной, в которой существовали нормы на бензин, сахар, мясо и т.д. На самом деле дееспособной оставалась лишь монополия на власть, а в средствах массовой информации то и дело сообщалось о ликвидации подпольных организаций, столкновениях с демонстрантами и политических процессах. Войцех Ярузельский и его команда, видимо, все же не желали отката к сталинизму, несмотря на давление сторонников жесткой линии в военном руководстве, а также в государственном и партийном аппарате. Когда в 1984 году при не выясненных до настоящего времени обстоятельствах офицерами госбезопасности был убит известный представитель оппозиции священник Ежи Попелюшко, убийцы предстали перед судом. Главный преступник был приговорен к 25 годам тюремного заключения, однако имена тех, кто стоял за этим преступлением, так никогда и не были преданы гласности.

С момента освобождения последних 225 политических заключенных в сентябре 1986 года начался последний бой отступающей элиты, которая, видимо, не могла отныне полагаться только на монопольную власть. До проведения «круглого стола» в феврале 1989 года в аппарате службы безопасности, а также в армии, по всей видимости, еще вынашивались ставшие уже привычными сценарии военного положения, одновременно осуществлялась лихорадочная подготовка к созданию нового соотношения сил⁸⁵. Его контуры стали вырисовываться еще в первом полугодии 1989 года в связи с поражением в политической борьбе против «Солидарности» и обрели четкие очертания после выборов 4 июня. То, что служба безопасности и армия не взбунтовались, можно объяснить,

рассмотрение следственной комиссии Сейма Ежи Гольером, Кристиной Керстен и Пачковски.) Wejść czy nie wejść. Polska 1980–1982: wewnętrzny kryzys, międzynarodowe uwarunkowania. Konferencja w Jachrance, listopad 1997. — Londyn, 1999.

⁸⁴ Более подробные цифровые данные, относящиеся к первым месяцам после 13 декабря 1981 года, см.: Dominiak. Organy [см. сноску 1], с. 349–364, 368.

⁸⁵ Archiv des Bundesbeauftragten für die Unterlagen des Staatsicherheitsdienstes, MfS — Abt. X/227, информация Главного VI управления генералу Нейберу, X отдел и ZAIG от 27.03.89 г., согласно которой на польской пограничной территории «с 1 апреля действует частный обменный пункт». Из Варшавы «поступило распоряжение [...] что там разрешено работать только жнам польских пограничников, осуществляющих паспортный контроль». Там же: Донесение секретариата польского министра внутренних дел X отделу МСБ от 15.03.89 г. с указаниями относительно новых правил служебного пересечения границы служащими почты «на время военного положения», разработанных министерством внутренних дел в связи с «планом мероприятий по обеспечению безопасности на 1989–1990 годы». Ср. также: Co UOP wyjął z szafy // Gazeta Wyborcza, 23.11.99 г. (новые документы МВД за 1989 год, в том числе о подготовке в отдельных местах к введению чрезвычайного положения).

скорее всего, воинской дисциплиной и лояльностью офицерского корпуса к высшему командованию⁸⁶. Возможно, после вынесения приговора убийцам Попелюшко стало ясно, что времена, когда во имя «высшей справедливости» безнаказанным оставалось любое применение силы, безвозвратно миновали. Достаточно убедительным представляется и мнение, что молодые сотрудники силовых структур — органов безопасности и армии — пытались гарантировать себе безопасность и предпочли оказаться в арьергарде безблестящего и ненасильственного перехода к рыночной экономике, а не рисковать жизнью во имя социализма в народной Польше⁸⁷.

Многие документы периода агонии ПНР, особенно из архивов службы безопасности и армии, остаются до сих пор недоступными для исследователей, в силу чего о последнем периоде истории аппарата репрессий в Польше нам известно намного меньше, чем о начальном. Однако сегодня уже не вызывает сомнения тот факт, что этот аппарат в новых условиях 1989 года, т.е. еще до развала Советского Союза, оказался не в состоянии выполнить свою роль основного стабилизирующего элемента системы.

⁸⁶ См. высказывания сотрудников Ярузельского во время конференции «Poland 1986–1989. The End of the System» 21–23 октября 1999 г. в Мелешине.

⁸⁷ В случае с Польшей достаточно часто высказывался тезис о решающей роли местных отделов службы безопасности, которые длительное время готовились к этому переходу и приближали его в большинстве стран второго мира. Однако он так и не получил убедительного подтверждения.

Йоахим фон Путткамер

К вопросу о логике репрессий в коммунистических странах

Сравнительный анализ событий
в Чехословакии и Венгрии

Статья Карела Бартошека в «Черной книге коммунизма» содержит краткий набросок основной схемы насилия и репрессий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, которая с незначительными отклонениями прослеживается в различных народных республиках: от Чехословакии до Албании. Под руководством Москвы соответствующие коммунистические партии посредством применения насилия и террора устранили своих политических и интеллектуальных конкурентов, разрушали структуры гражданского общества, сеяли страх среди населения и в самой партии. Именно таким образом — за исключением Югославии и Албании — было осуществлено насильственное построение социалистического общественного строя, который в качестве составной части советской империи удерживался на плаву до 1989 года. Описание размаха насилия и репрессий в статье Бартошека в общих чертах отражает новый уровень знаний документального материала, и они предстанут перед читателем как преступный, однако чрезвычайно эффективный инструмент господства во всех формах и на всех этапах его применения¹.

Бартошек подробно рассматривает весь диапазон средств подавления, начиная с показательных процессов разного масштаба со множеством смертных приговоров, военной интервенции, депортаций, исправительных трудов лагерей и заканчивая всеобъемлющими системами слежки и лишением инакомыслящих гражданства. Среди множества стран, попавших в поле зрения автора, он выбирает наиболее удачные и яркие примеры. Вопрос о том, с какими условиями сталкивались коммунистические партии в каждом отдельном случае и какие проблемы намеревались решить путем применения насилия, при таком подходе рассматривается лишь вскользь. Бартошек считает, что коммунисты по своему усмотрению брали все необходимое из «богатого арсенала средств подавления», причем каждая страна внесла свою лепту, обогатив «историю насилия в Центральной и Юго-

Восточной Европе» своими особыми методами². Руководствуясь стремлением документально подтвердить страдания «маленького человека», Бартошек усомнился в целесообразности рассмотрения вопроса с учетом исторического контекста, так как последний, по его мнению, довольно часто поставлен на службу ревизионистским отклонениям, «идущим вразрез с непредвзятым исследованием истины»³. При таком подходе вполне логичным представляется стремление Бартошека объяснить необозримое количество градаций насилия исключительно внешними факторами: внешнеполитическими интересами Советского Союза, конъюнктурными колебаниями внутренней советской политики, а также соразмерностью репрессий в различных народных демократиях, которые в этом смысле были связаны между собой по принципу сообщающихся сосудов⁴.

Действительно, решающая роль Советского Союза в построении режимов народных демократий в Центральной и Восточной Европе очевидна. И хотя, как и прежде, остается неизвестной точная дата, начиная с которой Сталин принялся целенаправленно преобразовывать европейский плацдарм Советского Союза, возникший после войны, в тесно спаянный блок народных республик под руководством коммунистов⁵, бесспорным остается то, что европейские коммунистические партии традиционно получали установки относительно политических целей, задач и применения насилия именно из Москвы. Но одного этого вывода недостаточно для исчерпывающего объяснения масштабов и эффективности использования репрессий и насилия. Как раз ввиду попыток применения в подобных случаях модели, сформировавшейся в советском контексте, к совершенно иной ситуации особый вес приобретает вопрос о соотношении между средствами и условиями коммунистического диктата.

Дискуссия о том, какое влияние на каждую из народных республик оказали различные исторические предпосылки, ведется давно⁶. Ее можно использовать в качестве отправной точки при сопоставлении событий в Чехословакии и Венгрии и попытаться ответить на вопрос: до какой степени применение репрессий действительно развивалось в рамках привнесенной извне логики, а не было результатом влияния местных особенностей? Различия в соотношении общественных и политических сил определяли тактику соответствующей коммунистической партии и вели к принципиальным различиям в применении силы. Это и есть исходная предпосылка, которую предстоит доказать в ходе дальнейшего изложения.

² Karel Bartošek. Mittel- und Südosteuropa [см. сноски 1], с. 436 и с. 460.

³ Там же, с. 464.

⁴ Сравнение с сообщающимися сосудами см. там же, с. 489–490.

⁵ Bernd Bonwetsch. Die Sowjetisierung Osteuropas. Moskaus Politik im Interpretationswandel. Eva Schmidt-Hartmann (Hrsg.). Kommunismus und Osteuropa. Konzepte, Perspektiven und Interpretationen im Wandel. — München, 1994. — С. 85–99. Противоположной точки зрения придерживается Леонид Гибанский: Die Bildung des Sowjetblocks in Osteuropa. Ziele, Strukturen, Mechanismen (1944–1949) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. — № 2. — 1997. — С. 205–225.

⁶ См. последние сопоставительные исследования по данному вопросу: Hans Lemberg (Hrsg.). Sowjetisches Modell und nationale Prägung. Kontinuität und Wandel in Ostmitteleuropa nach dem Zweiten Weltkrieg. — Marburg, 1991; George Schöpflin. Politics in Eastern Europe 1945–1992. — Oxford, 1993, здесь главным образом с. 38–74; Schmidt-Hartmann, Kommunismus und Osteuropa [см. сноски 5]. Konzepte, Perspektiven und Interpretationen im Wandel. — München, 1994; Norman Naimark/Leonid Gibianskii (Hrsg.). The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949. — Boulder, 1997; Leonid I. Gibianskii. Sowjetisierung Osteuropas — Charakter und Typologie. Michael Lemke (Hrsg.). Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953). — Köln/Weimar/Wien, 1999. — С. 31–79.

¹ Karel Bartošek. Mittel- und Südosteuropa: Stéphane Courtois und др. (Hrsg.). Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror. — München, 1998. — С. 430–504. Наиболее авторитетными источниками по Чехословакии и Венгрии для Бартошека являются труды исследователей современной истории Карела Каплана и Миклоша Мольнара.

Четкое обозначение этих различий необходимо для опирающегося на исторический анализ определения роли репрессий, которое позволяет выйти за рамки хотя и точного, но самого по себе недостаточного вывода, согласно которому коммунисты не останавливались перед применением насилия для достижения собственных целей. В последующем разграничиваются три этапа применения насилия: захват власти, построенный всецело на идеологии борьбы с внешними противниками, эскалация террора и, наконец, кризис и смягчение репрессий⁷. Именно такой подход положен в основу анализа целенаправленности и мотивов применения репрессий в Чехословакии и Венгрии.

Схемы прихода коммунистов к власти

Исследователи в области современной сопоставительной истории уже давно пришли к выводу, что приход коммунистов к власти в Чехословакии в феврале 1948 года не совсем вписывается в типичную для стран Центральной и Восточной Европы схему. Только здесь (не считая изгнания из страны немцев) в 1945 году произошла по крайней мере частичная реставрация довоенных условий. Чехословакия была также единственной страной в регионе, которой вплоть до начала Второй мировой войны удалось сохранить действующую демократию. Демократический уклад основывался на разветвленной системе партий, корни его уходили еще во времена династии Габсбургов, и до 1938 года коммунисты занимали прочное место в этой системе. Кроме того, к декабрю 1945 года войска союзников были выведены из страны, что, казалось, создавало реальные предпосылки для относительно независимого внутреннего развития Чехословакии.

Такая ситуация порождает ощущение надежной защищенности от возможных диктаторских амбиций коммунистов, которое, как оказалось впоследствии, было обманчивым. После окончания войны чешские коммунисты вполне могли рассчитывать на быстрое пополнение своих рядов, на широкую поддержку населения, а также на симпатию к Советскому Союзу (даже в буржуазной среде), зародившуюся еще во времена мюнхенского сговора 1938 года⁸.

Следовательно, коммунисты с самого начала задавали тон в политических событиях. На выборах в мае 1946 года им удалось получить 38% голосов (в чешской части страны этот показатель был еще выше — 40%) — в результате Клемент Готвальд занял пост премьер-министра⁹. Политические силы, входившие в состав Национального фронта, явно недооценили чешских коммунистов, которые систематически укрепляли свои тылы в массовых организациях и органах местной власти. Несмотря на то что методы обращения контролируемой коммунистами службы безопасности с политическими противниками

создали всеобщую атмосферу страха и неуверенности, приход коммунистов к власти в феврале 1948 года был ознаменован не репрессиями, а умелым лавированием и облегчен существенными структурными слабостями остальных партий¹⁰.

Тем жестче и беспощаднее действовали коммунисты против бывших партнеров по политическому союзу после прихода к власти. Только подобным образом можно было сохранить свое доминирующее положение в течение длительного времени. Так называемые комитеты действий, созданные сразу после февральских событий, буквально за несколько месяцев вытеснили от двухсот до трехсот сторонников различных некоммунистических партий с занимаемых ими руководящих должностей. Чтобы устранить традиционно сильные партии, которые в будущем могли стать влиятельными политическими конкурентами и рассадниками антикоммунистических течений, потребовался ряд сенсационных политических процессов, самым громким из которых стал показательный процесс против Миллады Гораковой и других лидеров Национальной социалистической партии весной 1950 года¹¹.

По иному сценарию развивались события в Словакии. Здесь коммунисты на выборах в мае 1946 года набрали 30% голосов и также добились весьма впечатляющего результата. И все же им пришлось признать горькое поражение, так как Демократическая партия (*Demokraticka Strana*) сумела заручиться поддержкой 62% избирателей. После запрета деятельности Словацкой народной партии во главе с Глинкой, которая была ведущей политической силой в стране в довоенное время, Демократическая партия довольно быстро стала средоточием всех антикоммунистических сил.

Поскольку в условиях обострившейся ситуации перед словацкими коммунистами встала угроза поражения, уже летом 1947 года они перешли к открытым репрессиям и привлекли к суду некоторых лидеров Демократической партии по надуманному обвинению в заговоре против государства¹². Частично удавшаяся попытка вытеснить в ноябре 1947 года Демократическую партию из Словацкого правительственного совета позже получила название «генеральной репетиции» прихода к власти коммунистов в Праге, последовавшего три месяца спустя¹³. С точки зрения внутреннего развития Чехословакии такая оценка вполне оправдана. Однако при типологическом сопоставлении обнаруживается, что действия коммунистов в Словакии скорее соответствуют той схеме, которая прослеживается, в частности, в Венгрии.

Венгерским коммунистам, по их собственному мнению, удалось заручиться моральной поддержкой населения благодаря живым еще воспоминаниям о Республике Советов 1919 года. Но после окончания войны в 1945 году у венгерских коммунистов, по сравнению с чехословацкими, было намного меньше возможностей опереться на довоенные структуры, поскольку до сих пор они были вынуждены действовать в подполье¹⁴. Если

⁷ Дискуссию о рациональности политического массового террора на различных этапах развития тоталитарных режимов см.: Juan J. Linz. Typen politischer Regime und die Achtung der Menschenrechte. Historische und länderübergreifende Perspektiven: Eckhard Jesse (Hrsg.). Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung. — Bonn, 1996. — С. 485–537, здесь: с. 523–527.

⁸ Igor Lukes. The Czech Road to Communism: Naimark/Gibianskii, The Establishment of Communist Regimes [см. сноски 6], с. 243–265. Фундаментальным исследованием, как и прежде, остается работа Карела Каплана: Der kurze Marsch. Kommunistische Machtübernahme in der Tschechoslowakei 1945–1948. — München/Wien, 1981.

⁹ Jiří Sláma/Karel Kaplan. Die Parlamentswahlen in der Tschechoslowakei 1935–1946–1948. Eine statistische Analyse. — München, 1986. — С. 30–70.

¹⁰ Peter Heumos. Die große Camouflage? Überlegungen zu Interpretationsmustern der kommunistischen Machtübernahme in der Tschechoslowakei im Februar 1948: Schmidt-Hartmann. Kommunismus und Osteuropa [см. сноски 5], с. 221–241; Eva Schmidt-Hartmann. Demokraten in der Sackgasse. Das Bild der kommunistischen Machtübernahme in den Memoiren besiegter tschechischer Politiker, там же, с. 203–220.

¹¹ Karel Kaplan. Die politischen Prozesse in der Tschechoslowakei 1948–1954. — München, 1986. — С. 60–68 и 126–143.

¹² Kaplan. Der kurze Marsch [см. сноски 8], с. 46–47 и с. 154–178.

¹³ Joerg K. Hoensch. Geschichte der Tschechoslowakei. — Stuttgart/Berlin/Köln, 1992. — С. 134. Последняя работа: Dusan Kováč. Dejiny Slovenska. — Praha, 1998. — С. 254–257.

¹⁴ Charles Gati. Hungary and the Soviet Bloc. — Durham, 1986; Bennett Kovrig. Communism in Hungary. From Kun to Kádár. — Stanford, 1979.

чеши встречали Красную Армию, положившую конец Мюнхенскому договору и протекторату Чехия, как свою освободительницу, то в Венгрию русские пришли как завоеватели. Антироссийские настроения, глубоко укоренившиеся в обществе с 1849 года, еще более окрепли. На выборах в ноябре 1945 года венгерские коммунисты получили лишь 16,9% голосов. Как и в Словакии, а еще в большей степени Польше, в Венгрии после запрета деятельности ведущих политических партий довоенного периода образовался очаг антикоммунистических сил в виде Независимой партии мелких собственников (*Független Kisgazdapárt*).

Следовательно, и здесь захват политической власти был отмечен насилием, производом и репрессиями. Главным объектом депортаций, предпринятых Красной Армией летом 1945 года, стали 600 тысяч венгров, олицетворявших старое общество, а цель этих депортаций заключалась в социальном — а на среднесрочную перспективу и политическом — переустройстве Венгрии. К сентябрю 1947 года, т.е. к моменту вступления в силу Парижского мирного соглашения между государствами-победителями и Венгрией, венгерские коммунисты имели прочную опору в виде Контрольной комиссии союзных войск, перевес в которой имел Советский Союз и которая без колебаний вмешивалась в деятельность правительства. С конца 1946 года по стране прокатилась волна арестов, производившихся под предлогом существования некоего антидемократического заговора. Эта волна докатилась до высшего руководства партии мелких собственников, и наиболее известной ее жертвой оказался Генеральный секретарь этой партии Бела Ковач. Обвинения в заговоре были выдвинуты даже против премьер-министра Ференца Надя и его ближайших соратников, и в мае 1947 года, во время пребывания в Швейцарии, премьер был вынужден подать в отставку. Тем самым сопротивление было сломлено.

В отличие от Чехословакии, в Венгрии после прихода к власти коммунистов сравнительно легко удалось распустить в большинстве своем молодые и организационно неокрепшие некоммунистические партии и вынудить их лидеров покинуть страну. Репрессивные меры, подобные тем, которые были применены в Чехословакии, понадобились лишь в случае насильственного слияния социал-демократической и коммунистической партий, а также для подчинения венгерской церкви новой системе¹⁵.

Таким образом, в Венгрии коммунистическая партия более интенсивно использовала насилие и репрессии в своем стремлении к единоличному господству. В Чехословакии же широкомасштабное применение силы потребовалось только для упорочения уже захваченной власти. И это различие не только тактического свойства. В нем нашло отражение достаточно существенное для дальнейшего хода событий обстоятельство: в Чехословакии и коммунисты, и их противники могли опереться на более развитые, по сравнению с Венгрией, политические структуры. После февральских событий 1948 года убежденные антикоммунисты все еще не исчезли с политической арены. Однако после устранения и этих противников чешские коммунисты могли относительно спокойно управлять страной. В Венгрии, напротив, режим должен был постоянно иметь в виду, что его деятельность отвергается широкими слоями населения.

Показательные процессы и массовый террор

В повседневном терроре это различие ощущалось и на втором этапе репрессий, кульминацией которого стали показательные процессы против Ласло Райка в Венгрии и Рудольфа Слански в Чехословакии. Кроме того, на данном этапе продолжался террор против потенциальных противников режима, который едва ли можно рассматривать в отрыве от внутрипартийного террора.

По абсолютным показателям массовые репрессии в Венгрии характеризовались значительно более широким размахом по сравнению с Чехословакией. В период между 1950 и 1953 годами в Венгрии было возбуждено более одного миллиона уголовных дел, две трети из которых закончились предъявлением формального обвинения, вследствие чего, по результатам последних исследований, в стране почти не осталось семьи, члены которой хотя бы раз не подвергались издевательствам со стороны полиции или служб государственной безопасности¹⁶. За это время к лишению свободы или исправительным работам в лагерях, разбросанных по всей стране (их насчитывалось более сотни), были приговорены 390 тысяч человек. Напротив, соответствующий показатель по Чехословакии в период с 1951 по 1954 год составил 250 тысяч узников и в процентном отношении был значительно меньше с учетом почти вдвое большей численности населения. Несмотря на разгул произвола в отношении отдельных лиц, террор в Чехословакии по сравнению с Венгрией носил более четкую направленность против определенных группировок в среде интеллигенции, служащих и рабочего класса¹⁷. Если массовые репрессии в Чехословакии использовались для систематического разрушения структур прежнего общественного устройства и для того, чтобы расчистить путь наверх молодой коммунистической элите, то в Венгрии ввиду своей беспорядочности и хаотичности они обрели такой размах, что его можно объяснить только воспаленным воображением партии в связи с угрозой потери завоеванной власти.

Для оценки громких политических процессов различия в общественных условиях коммунистического господства в этих странах играют меньшую роль. Руководство по показательным процессами осуществлялось главным образом из Москвы, а сами они следовали логике, заданной гегемонистскими устремлениями Советского Союза. Причиной того, что террор был направлен против членов партии, стал конфликт между Сталиным и Тито, который положил начало кампании против любого проявления национал-коммунистических взглядов и был использован как обоснование необходимости организационного упорядочения внутрипартийных структур управления.

Однако, как и прежде, все еще ощущается отсутствие достоверной информации для оценки диапазона и глубины внутрипартийного террора на заключительной стадии господства сталинизма¹⁸. Во многих деталях исследованиях показательных процессов в Чехословакии Карелу Каплану удалось продемонстрировать, как отдельные, направленные

¹⁵ Ignác Romics. Magyarország története a XX. században. — Budapest, 1999. — С. 343. По этому тематическому комплексу см. также: Eric Roman. The Stalin Years in Hungary. — Lewiston/Queenston/Lampeter, 1999.

¹⁶ Kaplan. Die politischen Prozesse [см. сноски 11], с. 69–79 и с. 101–106.

¹⁷ Из многочисленных сравнительных исследований показательных процессов и внутрипартийных чисток сошлемся на следующие работы: Hermann Weber/Dietrich Staritz (Hrsg.). Kommunisten verfolgen Kommunisten. Stalinscher Terror und «Säuberungen» in den kommunistischen Parteien Europas seit den dreißiger Jahren. — Berlin, 1993; Georg Hermann Hodos. Schauprozesse. Stalinsche Säuberungen in Osteuropa 1948–1954. — Frankfurt/New York, 1988.

¹⁸ Kovrig. Communism in Hungary [см. сноски 14], с. 224–228 и с. 250–253; Jörg K. Hoensch. Die Ausschaltung der nichtsozialistischen Parteien in Ostmitteleuropa 1945–1948. Lemberg. Sowjetisches Modell [см. сноски 6], с. 71–96.

ные извне волны чисток начинали следовать законам саморазвития, выходили из-под контроля даже советских советников и то и дело требовали новых сфабрикованных заговоров. Чешское партийное руководство попыталось несколько ослабить пружину показательных процессов, начало которым положило дело Ласло Райка и раскручивания которых требовала Москва. Это было попыткой удержать события под контролем, переведа стрелки на региональных деятелей, в частности на секретаря партийной организации в Брноне Ота Шлинга или Владимира Клементиса, а также других «словацких буржуазных националистов». И если эти чистки еще хоть как-то были связаны с первоначальным замыслом Москвы — после разрыва Тито со Сталиным выбить почву из-под сторонников самостоятельного пути социалистического развития, — то процесс против Рудольфа Слански был всецело актом политического произвола Сталина¹⁹.

Кризис и смягчение репрессий и насилия

Вскоре после смерти Сталина еще более отчетливо обнаружилась разница в стабильности народно-демократических режимов в Чехословакии и Венгрии. Партийные чистки в Венгрии сильно пошатнули доверие к государственному и партийному руководству в среде самих коммунистов. Послабления, начавшиеся после смерти Сталина и назначения Имре Надя на пост премьер-министра, повлекли за собой первую осторожную волну критики имевшего место террора. После XX съезда КПСС она вызвала стремительную эрозию коммунистической власти и завершилась революцией 1956 года. Лишь путем ширококомасштабного применения военной силы, унесшего жизни, по крайней мере, 2700 человек с венгерской и свыше 600 человек с советской стороны, удалось восстановить прежний порядок. Примерно 200 тысяч венгров бежали на Запад²⁰.

После короткого переходного периода интенсивных репрессий, в течение которого были казнены, по крайней мере, 229 человек, осуждены 22 тысячи и интернированы еще 13 тысяч человек, новое партийное руководство во главе с Яношем Кадаром перешло к политике строго дозированного применения силы²¹. Большинство революционеров 1956 года были амнистированы в 1963 году. Смягчение насилия стало реакцией на крах коммунистического режима (октябрь — декабрь 1956 года), со всей отчетливостью обнаружившего несостоятельность политики необузданных репрессий. Эта реакция после 1961 года послужила предпосылкой для уступок режима населению и предоставления определенных свобод в хозяйственной и политической деятельности. Таким образом власти надеялись продемонстрировать нормализацию ситуации и своим гражданам, и внешнему миру, рассчитывая на установление экономических контактов, а с 1970 года и на перспективу политического сотрудничества с Западом.

¹⁹ Karel Kaplan. Report on the Murder of the General Secretary. — London, 1990. Последнее по времени исследование см.: Karel Kaplan/František Svátek. Die politischen Säuberungen in der KPČ. Hermann Weber/Ulrich Mahler (Hrsg.). Terror. Stalinistische Parteisauberungen 1936–1953. — Paderborn, 1998. — С. 487–562. После расследования, которое длилось пять лет, процесс против Клементиса состоялся лишь в 1954 году.

²⁰ György Litván/János M. Bak (Hrsg.). Die Ungarische Revolution 1956. Reform–Aufstand–Vergeltung. — Wien, 1994. — С. 123–124.

²¹ Там же, с. 147–163; Géza Alföldy. Ungarn 1956. Aufstand, Revolution, Freiheitskampf. — Heidelberg, 1997. — С. 39–42 и 133–139.

Расчет оправдался, что позволило венгерскому режиму продолжить сворачивание политики репрессий. Установилось некое подобие молчаливого соглашения между политическим руководством и его критиками о взаимном признании основных запретных тем как необходимым условием дальнейшего существования коммунистического режима и продолжения либеральной политики правительства. Власть отреагировала мягко и сдержанно даже на возникновение в начале 70-х годов небольшого движения диссидентов²².

Правительство Кадара, остро ощущавшее дефицит легитимности и отсутствие прочной опоры среди населения, впоследствии черпало стабильность именно из этого молчаливого консенсуса, сложившегося в венгерском обществе относительно отказа от применения насилия, который проистекал из осознания неизбежности вхождения в сферу советского влияния. Эта долгосрочная политика открыла путь поколению реформаторов внутри партии и в 1989 году сделала возможным мирное преобразование системы изнутри²³.

В Чехословакии сталинистский террор вначале практически не нарушил стабильность режима, хотя и привел в недоумение многих лояльных членов партии, что отразилось в многочисленных случаях выхода из ее рядов. И все же КПЧ, в состав которой входило более 10% населения (т.е. ее численность была примерно в два раза больше по сравнению с венгерской КП), сохранила статус массовой партии²⁴. Государственному и партийному руководству во главе с Антонием Новотным удалось даже избежать смягчения режима после смерти Сталина вплоть до начала 60-х годов.

Лишь в 1962 году началась робкая реабилитация жертв показательных процессов. Она сопровождалась усилиями придать происходящему видимость социалистической законности. Невзирая на возрастающие возможности для инакомыслия, кризис режима, в отличие от Венгрии, не был непосредственно обусловлен синергетическими эффектами этого процесса послаблений. Реформаторский перелом в начале 1968 года может быть истолкован скорее как процесс высвобождения сознания молодого поколения и влиятельной партийной интеллигенции из тисков латентного сценария угрозы. В доказательство своей правоты они могли сослаться на окончательную победу социализма в Чехословакии, что было, кстати, провозглашено в конституции 1960 года. Это позволило молодым коммунистам-реформаторам распространить мысль о приемлемости системы в широких кругах населения и положить начало отказу от каких бы то ни было репрессивных мер²⁵.

Внутреннее развитие страны вначале как будто подтверждало правоту реформаторов. В отличие от событий 1956 года в Венгрии, процесс демократизации, начатый в феврале 1968 года Александром Дубчеком и Зденеком Мильнаржем, не привел к краху основных устоев системы (и ее внешнеполитической ориентации). Однако реформаторы прощались в плане внешней политики. Невзирая на отсутствие очевидной угрозы отхода от социализма, недоверие советского руководства побудило его ввести в Чехословакию

²² George Schöpplin. Opposition in Hungary: 1956 and Beyond: Jane Leftwich Curry (Ed.). Dissent in Eastern Europe. — New York, 1983. — С. 69–81.

²³ Andreas Schmid-Schweizer. Vom Reformsozialismus zur Systemtransformation in Ungarn. Politische Veränderungsbestrebungen innerhalb der Ungarischen Sozialistischen Arbeiterpartei (MSZMP) von 1986 bis 1989. Нео-публиков. диссертация. — Freiburg, 1999; Rudolf L. Tőkés. Hungary's Negotiated Revolution. Economic Reform, Social Change, and Political Succession 1957–1990. — Cambridge, 1996.

²⁴ Jan Pauer. Prag 1968. Der Einmarsch des Warschauer Paktes. Hintergründe–Planung–Durchführung. — Bremen, 1995. — С. 19; Kaplan/Svátek. Die politischen Säuberungen [см. сноску 19], с. 493–494.

²⁵ В этом вопросе я согласен с аргументами Кирана Уильямса: The Prague Spring and its Aftermath. Czechoslovak Politics, 1968–1970. — Cambridge, 1997.

в августе того же года войска стран Варшавского Договора. Однако в Чехословакии, в отличие от Венгрии, не пришлось подавлять мятеж. Советское руководство скорее стремилось в данной ситуации жестко показать, что, по его мнению, в стране были нарушены допустимые границы реформ.

Явной угрозы применения силы оказалось достаточно, чтобы добиться «нормализации» при минимальном количестве жертв. Причина этого кроется в том, что протестующее население, опять-таки в отличие от венгров в 1956 году, не дало вовлечь себя в антисоветские выступления, а оказало гражданское сопротивление в рамках демократического социализма²⁶. В первые дни после ввода войск эта позиция еще более окрепла ввиду озвученной Дубчеком надежды на хотя бы частичное продолжение начатых реформ. Но последовавшее вскоре разочарование вынудило 150 тысяч человек покинуть Чехословакию и эмигрировать на Запад²⁷. После того как введение советских войск в Чехословакию похоронило перспективу демократического социализма, этого «третьего пути», население перестало поддерживать коммунистический режим. В этом смысле столь значимое для определения градаций насилия и репрессий различие между Чехословакией и Венгрией недооценивалось исследователями.

На фоне сопоставимых внутренних и внешних условий в обеих странах на передний план выходит еще одно различие между ними. Отныне нельзя было не заметить, что Венгрия в своих попытках отыскать *modus vivendi* между населением и нежелательным в его глазах режимом имела огромное преимущество. Новое партийное руководство Чехословакии, которое возглавил Густав Гусак, не предприняло почти никаких шагов в направлении предоставления гражданам большей интеллектуальной и экономической свободы, чтобы воспрепятствовать тем самым формированию диссидентского движения. Вместо этого режим сделал ставку на репрессии. Сотни тысяч людей в идеологически важных областях утратили право на профессию, участились уголовные процессы против критиков режима²⁸.

Дискуссия вокруг концепций правового государства оставалась уделом небольшой группы преимущественно диссидентов-интеллектуалов, объединившихся в Хартию-77. Однако и партийное руководство в Чехословакии прилагало усилия к тому, чтобы сменить жесткие репрессии более мягкими приемами осуществления власти и за счет определенных социально-политических шагов, в том числе обещаний благосостояния и личной безопасности, обеспечить своему режиму длительное существование.

Предпосылкой реализации этой стратегии мягкого, дозированного применения насилия стало создание такой же широко разветвленной системы слежки, как и в ГДР.

После отхода от сталинизма все страны восточного блока, в том числе Советский Союз, в тех или иных формах придерживались стратегии на умиротворение населения путем роста его материального благосостояния. Реальные буржуазные блага в обмен на абстрактные гражданские права — именно это обстоятельство постоянно отмечается в качестве отличительной особенности социалистических обществ²⁹. При такой политике

²⁶ Pauer. Prag 1968 [см. сноска 24], с. 277–278.

²⁷ Vladimír V. Kusin. Dissent in Czechoslovakia after 1968: Curry, Dissent in Eastern Europe [см. сноска 22], с. 48–59, здесь: с. 50.

²⁸ Там же, с. 53; Oldrich Tůma. «Normalizace» und Repression in der Tschechoslowakei 1968–1989: Christoph Boyer/Peter Skyba (Hrsg.). Repression und Wohlstandsversprechen. Zur Stabilisierung von Parteiherrschaft in der DDR und der CSSR — Dresden, 1999. — С. 129–140.

²⁹ См., например: Robert Sharlet. Varieties of Dissent and Regularities of Repression in the European Communist States: An Overview; Curry, Dissent in Eastern Europe [см. сноска 22], с. 1–17, здесь: с. 11; Schöpfung. Politics

смягчение репрессий и насилия становилось неизбежным. Общественный строй в Венгрии и Чехословакии после 1956 и 1968 годов обрел стабильность благодаря обузданию репрессий и террора в ситуации, которая воспринималась как некая данность, приданию им благообразной правовой формы и предсказуемого характера или сведению их к минимуму. После стремительного падения советской гегемонии осенью 1989 года даже эта логика умеренного применения насилия утратила свою основу.

Подведение итогов:

целенаправленность и мотивы применения репрессий и насилия

Насильственный импорт политического и общественного строя советского образца и функционирование этого строя в течение более чем сорока лет в народно-демократических республиках Центральной и Восточной Европы, которые описаны в статье Карела Бартошека, опубликованной в «Черной книге коммунизма», происходили главным образом в русле жестокой логики сталинистской и постсталинистской политики удержания власти. Идеологические факторы сыграли в этом отношении второстепенную роль, да и то лишь в первые десятилетия коммунистической диктатуры. Именно надежды, которые связывали со своим будущим чешские и венгерские коммунисты, их вера в возможность добиться справедливого и мирного социализма на обломках буржуазного строя и наперекор сопротивлению мирового империализма способствовали заимствованию механизмов насильственных репрессий советских и оправданию террора своих собственных органов госбезопасности. Как показывает опыт сравнения ситуации в Чехословакии и Венгрии, как раз более широкая поддержка коммунистической партии в Чехословакии привела к тому, что первый этап захвата политической власти протекал здесь более мирно. Таким образом, идеологически обусловленное применение насилия в конкретном властном и политическом контексте на практике проявлялось по-разному.

Во всех народных республиках Центральной и Восточной Европы насилие, развязанное аппаратом коммунистических органов госбезопасности, достигало кульминационной точки в момент, когда политическое сопротивление было уже сломлено. Только в Чехословакии массовые репрессии, направленные на уничтожение устоев буржуазного строя, т.е. на реализацию плана, положенного в основу строительства социалистического общественного строя, не были лишены хоть какого-то смысла.

В противовес этому террор начала 50-х годов в Венгрии и Польше был настолько всеобъемлющим и хаотичным, что не поддается объяснению не только предварительно сформулированными идеологическими и политическими целями, но и установками советских органов. И лишь с учетом динамики раскрутки почти маниакальных представлений о врагах и угрозе, известных по сталинскому террору 30-х годов в Советском Союзе, можно составить, хотя бы приблизительно, мнение о предрасположенности к насилию, обусловленному идеологическими стереотипами. Многократное применение террора против собственного, кажущегося несостоятельным бюрократического аппарата также обнаруживает известное сходство с Советским Союзом 30-х годов.

in Eastern Europe [см. сноска 6], с. 163–167. Последнее исследование: Peter Heumos. Normalisierung und soziale Beschwichtigungsstrategien in der CSSR. KP-Tsch-Politik, Gewerkschaften und Arbeiterbewußtsein: Boyer/Skyba. Repression und Wohlstandsversprechen [см. сноска 28], с. 119–128.

Именно венгерские коммунисты быстрее и болезненнее других ощутили на своем опыте непригодность массового террора в качестве средства удержания власти в течение длительного времени. Смягчение репрессий начиная с 1953 года и после подавления восстания в 1956 году находилось, с одной стороны, в прямой зависимости от процесса преодоления культа личности Сталина в Советском Союзе, а с другой — стало возможным благодаря тому, что проект общественного переустройства по советскому образцу к этому времени был уже завершен во всей Центральной и Восточной Европе. Жестокость, с которой было подавлено венгерское восстание 1956 года и Пражская весна 1968 года, не имела более ничего общего с проектом строительства коммунизма, а послужила исключительно цели сохранения советской гегемонии в этом регионе. Вслед за этим под идеологическим прикрытием наступил период мягких и дозированных репрессий в целях удержания власти.

Петер Ульрих Вайсс

Два режима — одна система Деспотизм в Румынии: 1944—1989 годы

Во время презентации «Черной книги коммунизма» в переводе на румынский язык, состоявшейся в июне 1998 года на шестой международной книжной ярмарке «Бухарест» в столице Румынии, местная пресса и интеллигенция пришли к единодушному выводу: наконец удалось нанести последний удар по обветшалому коммунистическому мифу западных левых. В результате доказательства преступлений коммунизма монополия жертв нацизма на страдания была нарушена и в конце концов расчищен путь к сопоставлению коммунизма и нацизма, на которое до сих пор было наложено табу¹. Однако дело так и не дошло до дискуссии о содержании и основных положениях «книги года», ведь описанные события не стали неожиданностью для самих румын с их коллективным опытом диктатуры². Историки и политики единогласно объявили творцов коммунизма Маркса и Энгельса адептами и даже виновниками репрессий и террора. Кроме того, в интеллектуальных кругах сложилось единодушное мнение, что именно предисловие Куртуа со всей силой обнажило истинную суть коммунизма. Предостережение Карела Бартошека относительно «мистического влияния числа жертв» не нашло тогда отклика. Горячие споры на Западе вокруг вопроса о соотношении между идеологией и действительностью, о сопоставимости и бухгалтерии преступлений или вокруг проблем методологии и источников воспринимались как чуждый действительности протест нескольких специалистов, не пожелавших пересмотреть свои взгляды. При этом внимание обращалось в основном на дискуссию во французских средствах массовой информации³, в то время как реакция историков и политологов из других стран, к тому же критической направленности, оставалась практически незамеченной. В связи с этим создается впечатление, что в Румынии игнорируют «спор историков», равно как и расхождения во мнениях относительно нюансов тоталитаризма, потому что вытекающие из них тонкие различия поставили бы под угрозу консенсус в вопросе представлений о

¹ По утверждению G. Liiceanu (Spulbarca unui tabu: interdictia compararii nazismului cu comunismul // 22, Nr. 24/1998) или R. Rusan во вступлении к специальному приложению «Addenda» к румыноязычному изданию «Черной книги коммунизма»: St. Courtois и др. (Hrsg.). Cartea neagră a comunismului. Crime, teroare, reprimare. — București, 1998. — С. 729.

² A. Blandiana. Crime pentru umanitate nu exista // 22, Nr. 24/1998. В Румынии, помимо нескольких научных работ, появились многочисленные воспоминания. Однако уставшее общество, похоже, также реагирует на них достаточно вяло. Ср.: R. Căscăreanu. Căitorul roman față în față cu Gulagul // România literară, 14—20.07.98.

³ M. D. Sturza. Fascism, Communism. Discuția continuă // 22, 26/1998.

вине и образе врага (1944–1989), достижение которого сопровождалось довольно сильными эмоциями. Перекладывание вины за судьбу Румынии на «чужую силу» (в данном случае — румынский коммунизм как предмет советского импорта) или «чужаков» является исторически обусловленным и живучим мифом, который до сих пор позволял румынам избежать самоанализа перед лицом неизбежного осмысления прошлого⁴.

После 1989 года среди политиков и ученых произошло обесценивание терминов «тоталитаризм» и «тоталитарный», а с выходом в свет «Черной книги коммунизма» консенсус, достигнутый в результате споров немецких историков относительно «цивилизационного излома» нашего столетия в связи с Холокостом, остался в прошлом⁵. Не является секретом и то, что дискуссии на тему самих концепций тоталитаризма и конъюнктурных колебаний вокруг них завянут от общего политического климата⁶.

Не стоит удивляться, что старые и хорошо известные положения вновь обрели актуальность — после падения «железного занавеса» в полную силу заявили о себе историки и свидетели из пострадавших стран. Их первоначальная оценка событий подтвердила правоту западных «консервативных антикоммунистических» аналитиков. В своем толковании истории коммунизма представители стран бывшего восточного блока использовали в качестве аргумента один и тот же козырь — эмоционально окрашенные описания перенесенных при соответствующих режимах страданий. Как правило, при этом практиковался отказ от дискуссии, целью которой стало бы четкое определение понятий, или же под общим понятием коммунизма сваливались в кучу теория и практика, различные стадии развития.

Таким образом, мы оказываемся перед проблемой, с которой то и дело сталкиваются западные исследователи в своих попытках теоретически покончить с коммунизмом⁷. Стремление свести все к единому знаменателю является данью застывшему и едва ли продуктивному представлению о соответствующем историко-политическом срезе и не оставляет места для рационального сопоставительного подхода (в частности, сравнения сталинизма и нацизма), недопустимо минимизирует различные временные и региональные тенденции в развитии и обходит стороной мнимое содружество бывших социалистических государств, которое достаточно часто постулируется в последнее время и которое как раз и было результатом противоречия между теоретическими притязаниями и действительностью⁸. Необходима дифференцированная периодизация истории всего восточного блока или его отдельных стран. «Статическая» концепция тоталитаризма 50-х годов К.И. Фридриха или З.Бжезински, ориентированная на структуру диктатора, потерпела

неудачу из-за стремления авторов всецело охватить советскую (коммунистическую) систему, что невозможно ввиду того поворота событий, который произошел сразу после смерти Сталина.

Репрессии, преступления и террор в течение 45 лет диктатуры

В третьей части «Черной книги коммунизма» Карел Бартошек — историк, живущий во Франции, — попытался осуществить сравнительное описание истории, или советизации, восточного блока. При этом он (сознательно?) отказался от необходимого в данном случае тщательного исследования национально-исторической перспективы. Из-за невиданной концентрации фактического материала его проект, построенный на компаративном подходе, с самого начала был едва ли осуществимым. Читатель барахтается в хронологии событий (которая остается единственной красной нитью изложения), т.е. в водовороте преступлений в каждой отдельно взятой стране, и не может уяснить: есть ли между ними какие-либо связи? Причем даже это дескриптивно-цифровое перечисление ужасов не отражает современного состояния исследовательской мысли. Бартошек, вопреки своей доброй воле, сослужил, пожалуй, хорошую службу только Куртуа и его «бухгалтерскому» подходу. Ромулус Русан в своем вступлении к «Приложению» румыноязычного издания «Черной книги» критикует пробелы, расплывчатые высказывания, расхождения в расстановке акцентов и интерпретационные промахи в третьей части «Черной книги»⁹. Поэтому возглавляемый им авторский коллектив в составе трех румынских и одного британского историка поставил задачу периодизации, категоризации и представления в цифрах «коммунистического террора» в Румынии с учетом последних достижений исследовательской мысли, чтобы предоставить эти данные в распоряжение авторов нового французского издания.

История большевистской тирании в Румынии, как и в других странах восточного блока, была отлита не из одной и той же формы¹⁰. Террор начинает применяться в целях утверждения власти, так же как в России, с момента воплощения в жизнь (форма диктатора) марксистских коммунистических идей (идеология). Если прибегнуть к периодизации построенной на насилии власти, необходимо исходить прежде всего из внутрисполитических предпосылок в этой карпатской стране.

Между внутренней и внешней политикой существовали большие различия — данный факт в 60-е и 70-е годы почти во всех случаях истолковывался неправильно, по крайней мере на Западе. Это, однако, отнюдь не исключало параллелизма между определенными событиями или тенденциями. В отличие от систематизации истории коммунистического господства в Румынии по Д.Делетанту, который руководствовался прежде всего внешнеполитическими и экономическими соображениями¹¹, при таком подходе разграничивают четыре этапа: приход к власти Коммунистической партии Румынии (1944–1946), тоталитарное господство режима Георгиу-Дежа (1947–1965), период оттепели (1965–1970) и неосталинская диктатура Чаушеску (1971–1989).

⁹ Courtois. Cartea [см. сноску 1], с. 729–730.

¹⁰ Как утверждает Э.Нойсбр в кн.: Courtois. Schwarzbuch [см. сноску 8], с. 834.

¹¹ D. Delciant. România sub regimul comunist — București, 1997 (есть публикация и на английском языке: Romania under Communist Rule).

⁴ Ср. J. Schoch. Rumänien dankt Courtois // Freitag. — № 29. — 1998.

⁵ Такой вывод сформулирован в резюме редакторов книги: J. Mecklenburg/W. Wippermann (Hrsg.). «Roter Holocaust»? Kritik des Schwarzbuchs des Kommunismus. — Hamburg, 1998. — С. 278.

⁶ Ср.: A. Siegel. Die Konjunkturen des Totalitarismuskonzepts in der Kommunismusforschung // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). — № 20. — 1998. — С. 19–31.

⁷ О истинности в понятийном аппарате как у Ст. Куртуа, так и у Ф. Фурсе см.: F. Walther. Das «Schwarzbuch des Kommunismus»: PROKLA-Heft 115, Nr. 2/1999. — С. 301–316.

⁸ Стефан Куртуа также выдвигает требование о разграничении теории и практики коммунизма, с тем чтобы буквально через несколько строк снова отсылаться от него. St. Courtois и др. (Hrsg.). Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror. — München, 1998. — С. 1 и далее. О достаточно дифференцированном сопоставлении различных типов диктатуры см.: I. Kershaw. Nationalsozialistische und stalinistische Herrschaft. Möglichkeiten und Grenzen eines Vergleichs: E. Jesse (Hrsg.). Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der Forschung. — Bonn, 1996. — С. 213–222 и Н. Моммсен. Nationalsozialismus und Stalinismus. Diktaturen im Vergleich: K. Suhl (Hrsg.). Vergangenheitsbewältigung 1945 und 1989. Ein unmöglicher Vergleich? Eine Diskussion. — Berlin, 1994. — С. 109–126, 208 и далее.

В соответствии с тематикой сборника в основу этой классификации положены способы установления диктатора и, прежде всего, применения насилия. При этом особо значимыми оказываются следующие признаки сталинизма: полное подчинение партийного и государственного аппарата; использование спецслужб и массовый террор; военный режим труда; марксизм-ленинизм, превращенный в догму и упрощенный до примитивизма; культ личности. Определение «тоталитарный» применяется в соответствии с подходом Айана Кершо, согласно которому понятие тоталитаризма следует использовать только для обозначения «особого этапа авторитарного режима — революционной переходной стадии, сопровождающейся взрывом насилия против собственного народа»¹².

Ввиду ограниченного объема статьи описываются лишь некоторые отобранные автором события; отсутствуют как комплексное представление многослойного генезиса власти, так и перечисление всех преступлений и цифровые данные о жертвах с 1944 по 1989 год. Аннексия Советским Союзом области Герца, Бессарабии и Северной Буковины, осуществленная согласно пакту Молотова — Риббентропа, также не является предметом отдельного рассмотрения.

Приход к власти КПП

Что касается советской оккупации королевства Румыния в августе 1944 года, то при оценке взаимодействия между советской властью и румынскими коммунистами, с одной стороны, и самими румынами, с другой, необходимо учитывать обстоятельства Второй мировой войны и господствовавшую в СССР систему сталинизма. В августе 1944 года Коммунистическая партия Румынии (КПП) не насчитывала и тысячи членов, не имела ни собственной базы, ни традиции, а следовательно, была всецело зависимой от поддержки оккупационных войск. Советские же войска считали Румынию, которая официально отказалась от статуса союзника Германии и встала на сторону победителей лишь 23 августа 1944 года, после свержения диктатора Антонеску, побежденным государством. После августовского «дворцового переворота» (который был для советского руководства неожиданным и плохо вписался в его гегемонистские замыслы) и роспуска последующих переходных правительств Санатеску и Радеску посол Москвы Вышинский 6 марта 1945 года, вопреки воле румынского короля Михая I, издал распоряжение о формировании правительства под руководством послушного Москве Петру Грозы. Несмотря на бойкот со стороны короля (отказ подписывать законы и т.д.), были предприняты первые действия в духе советских оккупантов, в частности, проведена широкомасштабная земельная реформа и осуществлены новые назначения на должности глав префектур и бургомистров.

Ни королю, ни исторически крупным партиям — Национальной либеральной партии (НЛП) и Национальной крестьянской партии (НКП) — для того, чтобы сместить правительство, не удалось заручиться поддержкой западных представителей в специальной комиссии союзных войск (они придерживались «соглашения по процентному соотношению» между Черчиллем и Сталиным, согласно которому Румыния на 90% отошла к зоне советского влияния), в результате чего 4 февраля 1946 года полномочия кабинета были официально признаны. В ходе сфальсифицированных выборов в том же году Блок демократических партий (БДП) под предводительством коммунистов обеспечил себе вме-

¹² I. Kershaw. Herrschaft [см. сноску 8], с. 222.

сте с Венгерским народным союзом абсолютное большинство, набрав, согласно официальным данным, 78,46% голосов¹³.

Стратегические планы КПП по захвату власти, несмотря на советское военное присутствие, в первые месяцы не были направлены только на конфронтацию¹⁴. Коммунисты слишком хорошо понимали, насколько мизерной была их поддержка со стороны населения. Поэтому они предприняли весьма осторожные шаги и попытались посредством неоднократных, однако безуспешных предложений о сотрудничестве в адрес НЛП и НКП создать политический плацдарм для дальнейших действий. Осенью 1944 года вместе с другими левыми партиями и организациями коммунисты основали Национальный демократический фронт (НДФ). Одновременно преследовалась цель сконцентрировать усилия всех сил левой ориентации в рамках фронта и возглавить его деятельность. Программные установки фронта не носили явной коммунистической направленности и во многом были близки установкам НКП Юлиу Маниу. Однако в том же году представители этого движения насилия подстрекали крестьян к самовольному захвату земли и штурму префектур.

При правительстве Гроза НДФ фактически осуществил захват власти в правительственном кабинете, после чего последовали неоднократные заявления НЛП и НКП (воспринятые, кстати, в партийных низах неоднозначно)¹⁵ об отказе сотрудничать с правительством на условиях, диктуемых НДФ.

Решающее влияние на характер захвата власти КПП оказала политическая и историческая обстановка послевоенного времени. Противникам НДФ в конечном счете так и не удалось создать единый блок для противодействия коммунистам. Старая личная вражда, тщеславие и партийные расколы, амбициозность отдельных лидеров и целей партий — хорошо известные до 1938 года явления — облегчили задачу коммунистов. Утверждение монополии советской власти протекало на фоне экономической и политической отсталости страны. Исходная ситуация характеризовалась преимущественно аграрным характером экономики, ужасающей бедностью крестьянских хозяйств и почти полным отсутствием традиций плюрализма вкупе с установившимся авторитарным управлением власти¹⁶. Кроме того, не следует недооценивать особую привлекательность социальных требований КПП для определенных кругов населения и обусловленные менталитетом оппортунистические отклики на них в этой ситуации. К 1946 году 700 тысяч румын официально стали членами КПП.

Первыми советско-румынскими репрессиями, согласно румынским публикациям по этому вопросу, стали аресты и немедленная депортация в СССР 165 тысяч румынских

¹³ I. Scurtu. România. Viața politică în documente. 1946. — București, 1996. — Dok. 118.

¹⁴ В 1993 году румынские историки Ф. Константиу и М.Е. Ионеску опубликовали неизвестный документ спецслужбы Office of Strategic Services (O.S.S.), датированный мартом 1945 года, в котором излагался план со-
ветизации Румынии из десяти пунктов. Последующее развитие событий достаточно точно отражало этот план. Однако сомнения в подлинности документа сохранились вплоть до сегодняшних дней. F. Constantin, M.E. Ionescu. Instaurarea comunismului în România. Societatea și șocul comunismului // Revista istorică. — № 7/8. — 1993. — С. 657–661 (эта статья обсуждалась на основе соответствующей документальной базы в журнале Osteuropa. — № 4. — 1996. — С. А 211 и далее).

¹⁵ Из 18 министерских портфелей 14 получил КПП. Министерство внутренних дел, юстиции, обороны и экономики оказались под контролем КПП. Ср.: Deletan. România [см. сноску 11], с. 51 и далее.

¹⁶ Из многочисленных публикаций об этом периоде упомянем лишь: H.Ch. Maner. Parlamentarismul în România (1930–1940). Democratie în autoritarism. — München/Wien, 1997; I. Scurtu. Istoria României în anii 1918–1940. Evoluția regimului politic de la democrație la dictatură. — București, 1995.

военнослужащих, которые попали в плен наступавшей Красной Армии¹⁷ в дни хаотической смены союзнической ориентации Румынии в августе 1944 года. В январе 1945 года Совет Министров Румынии под давлением советских представителей в войсках союзников принял решение о следующей депортации¹⁸ приблизительно 80 тысяч представителей немецкого национального меньшинства для осуществления «восстановительных работ» в СССР (из этой ссылки не вернулся каждый пятый). Наконец румынское правительство издало распоряжение об аресте бывших сторонников профашистской партии легионеров и военных преступников (согласно официальным данным, к 31 декабря 1944 года их число составило около 2400 человек)¹⁹. Тем самым были выполнены пункты 7, 14 и 15 соглашения о перемирии от 12 сентября того же года.

За исключением коллективного наказания немцев, проживавших в Румынии, эти события вполне вписываются в несправедливую и иррациональную логику и динамику войны. Во времена диктатора Антонеску Румыния активно боролась на стороне немецких войск против Советского Союза и лишь в последнее мгновение, когда Красная Армия вступила на ее территорию, изменила свою позицию. Кроме того, национальный авторитарный режим пользовался немалой поддержкой в обществе, несмотря на частичное сопротивление со стороны исторически сложившихся партий. Депортации и аресты, вопреки их жестокости, необходимо все-таки рассматривать в контексте вопроса об ответственности за военные преступления.

После формирования правительства Гроза репрессии против антикоммунистической оппозиции начиная с весны 1945 года набирают обороты, причем их первоочередной целью было устранение, а не уничтожение оппозиционеров в целях захвата и упрочения власти в правительстве. Отныне термины «военный преступник» и «виновник национальной катастрофы» из постановлений от 21 марта 1945 года²⁰ произвольно применялись НДФ в отношении всех политических противников. Лишь в последующие шесть месяцев были задержаны свыше 10 тысяч человек, еще одна тысяча лиц находилась в камерах предварительного заключения, а три с половиной тысячи были отправлены в специальные лагеря²¹. Часть арестов осуществлялась в условиях силового и военного противодействия противников правительства, в том числе крестьян или военнослужащих румынской армии²². Необходимо также упомянуть, что некоторые аресты были предприняты с четкой установкой — отстранить от должности старых служащих в полиции и органах безопасности и поставить на их места прокоммунистические кадры.

Накануне выборов в ноябре 1946 года, которые проводились по требованию западных союзников по антигитлеровской коалиции и являлись обязательным условием признания правительства Гроза, наиболее перспективные партии подверглись широкомасштабным репрессиям и дискриминации. Запрещалось издавать партийную прессу, проводить собрания (в противном случае собравшихся разгоняли силой), многие партийные активисты были брошены в тюрьмы. Такая политика стала возможной благодаря тому, что все рычаги в органах исполнительной государственной власти к тому моменту оказались в руках коммунистических и просоветских кадров. В результате шансы кандидатов еди-

ного списка от блока демократических партий, основанного еще в мае 1946 года, были сведены к минимуму. Подчинение и «переориентация» румынских сил безопасности как необходимая предпосылка захвата власти начались еще в 1944 году под руководством НКВД²³. В ходе предвыборной кампании 1946 года состоялся показательный судебный процесс и казнь маршала Антонеску, а также других наиболее известных «военных преступников», в том числе организаторов путча 23 августа 1944 года. (После 1989 года престиж личности Антонеску сильно возрос в соответствующей литературе.)

Тоталитарный диктат при Георге Георгиу-Деже

После подписания мирного Парижского договора 10 февраля 1947 года²⁴ Румыния подверглась советизации ударными темпами²⁵. Западные союзники не хотели или не могли ничего предпринять против не составившей для них секрета фальсификации выборов, а Советскому Союзу удалось оставить открытым вопрос о длительности пребывания его войск на территории оккупированных государств. Подписями всех союзников было узаконено правительство Гроза и статус Румынии как побежденной страны. В целях полной советизации общественной и политической жизни, а также руководства румынскими коллегами в Румынию прибыло множество сотрудников НКВД и «специалистов» из Советского Союза²⁶.

На политической арене страны тем временем происходило планомерное уничтожение парламентской оппозиции и создание однопартийной системы. В ходе массовых арестов в марте и апреле 1947 года было задержано свыше 900 членов оппозиционных партий. В ноябре правительство инсценировало показательный судебный процесс по обвинению в государственной измене против руководства НКП (партия была объявлена вне закона еще летом)²⁷. В начале 1948 года, после ареста руководителей НЛП, была запрещена и эта партия (многие деятели обеих партий оказались в печально известных застенках «для особо важных узников» в Сигете).

Уцелевшие небольшие партии влились в состав КНР и прекратили свое существование, а в феврале 1948 года состоялось насильственное объединение социал-демократов и коммунистов в новую Румынскую рабочую партию (РРП) во главе с Георгиу-Дежем. Профсоюзы и массовые организации согласно сценарию РРП были включены в состав Народного демократического фронта. Тем самым были окончательно ликвидированы даже формальные признаки парламентаризма. 30 декабря 1947 года после принудительного отречения Михая I Румыния была провозглашена народной республикой.

Вслед за разгромом парламентской оппозиции последовала унификация РРП. В ноябре 1948 года началась чистка, которая длилась 18 месяцев и в ходе которой из рядов партии были исключены 192 тысячи, или почти 20%, ее членов (большинство из них были

¹⁷ A. Pop. «Managementul» ocupației militare sovietice în România // Dosarele Istoriei. — № 3. — 1996. — С. 23–27.
¹⁸ Arhivele Naționale București, fond Ministerul Propagandei Naționale, informații, dosar 945, и далее 167.

¹⁹ Courtois. Cartea [см. сноски 1], с. 731–732.

²⁰ I. Scurtu. România. Viața politică în documente. 1945. — București, 1994. — Док. 55.

²¹ Courtois. Cartea [см. сноски 1], с. 733.

²² Этому вооруженному восстанию в «Приложениях» посвящен целый раздел, там же: с. 744–748.

²³ D. Deletant. The Securitate and the Police State in Romania, 1948–1964: Intelligence and National Security, vol. 8, 4/1993. — London, 1993. — С. 1–25.

²⁴ I. Scurtu. România. Viața politică în documente. 1947. — București, 1994. — Док. 9. См. также тематический сборник: Dosarele Istoriei, 2/1997, «România si Paacea de la Paris 1947».

²⁵ К моменту сдачи рукописи в печать книга Д. Делетанта *Communist Terror in Romania. Gheorghiu-Dej and the Police State, 1948–1965*, еще не была опубликована, поэтому итоги его исследования здесь не представлены.

²⁶ Courtois. Cartea [см. сноски 1], с. 735.

²⁷ О «деле Тамадау» ср.: M. Chirioiu, M. Suciu. Documente inedite // Dosarele Istoriei. — № 9. — 1997. — С. 50–58.

приговорены к исправительным работам)²⁸. Волна репрессий под руководством ближайших сподвижников Георгиу-Дежа — Константина Пирулеску, Александру Могироза, Иосифа Рангету — была направлена не только против бывших профашистских и «буржуазных элементов» (первых особенно активно в послевоенные месяцы отставала Анна Паукер), но и против близких Москве или принятых «Москвой» членов КП.

С этого момента между «отечественными» и «московскими» коммунистами начинается борьба за руководство в партии и государстве, длившаяся вплоть до 1957 года и закончившаяся в конечном счете в пользу национального крыла во главе с Георгиу-Дежем. В низах и партийном аппарате до II съезда РПП в декабре 1955 года продолжался активный процесс селекции, после которого на всех уровнях воцарилась невиданная доселе сплоченность вокруг вождя, а ближайшее окружение генерального секретаря и премьер-министра обрело всю полноту власти (с 1953 года). Искусное и прямое использование политической ситуации в Кремле, прагматическое подчинение или изменение идеологии в целях укрепления личной власти были внешними предпосылками для устранения критиков внутри самой партии²⁹.

С весны 1948 года, после первых экономических шагов коммунистов при правительстве Гроза (1945 год — земельная реформа; 1946-й — национализация Национального банка Румынии; 1947-й — денежная реформа), началась полномасштабная национализация, преобразование и интеграция народного хозяйства и государственных учреждений в социалистическую плановую систему экономики. Сопутствовавшая этим процессам смена элит вызвала невиданные до сих пор общественные сдвиги, уничтожила традиционные существовавшие границы между городом и селом, а также социальными слоями, способствовала формированию лояльных и послушных РПП исполнителей. В период замены руководящих работников на представителей старой строптивой элиты обрушились репрессии. Решение о коллективизации сельского хозяйства с марта 1949 года имело наиболее далеко идущие последствия и натолкнулось на ожесточенное сопротивление крестьянства. На всех этапах государственного террора крестьяне неизменно оставались основной целевой группой. В апреле 1962 года Георгиу-Деж наконец смог рапортовать об успешной советизации аграрного сектора Румынии, так как доля земель, переданных в коллективную собственность, составила к тому времени 96%³⁰.

И сегодня очень трудно оценить в цифрах размах репрессий в период тоталитаризма в этой народной республике. Существуют лишь оценочные подсчеты (которые зачастую носят сугубо арифметический характер) и разрозненные данные по отдельным годам, регионам и слоям населения. Георге Болдур-Латеску говорит о более чем 600 тысячах политических заключенных в период с 1948 по 1964 год; Корнель Никора приводит цифру в 549 тысяч осужденных за 1949–1960 годы; по подсчетам Цицероне Ионитою, можно утверждать о 200 тысячах погибших в застенках и лагерях. Согласно оценкам Корнелиу Кополу, бывшего секретаря лидера НКП Ю.Маниу, брошенного в тюрьму, общее коли-

чество заключенных в период после 1947 года составило 282 тысячи человек, из которых 190 тысяч погибли в застенках³¹.

После включения в Закон о труде от 30 мая 1950 года положения о принудительном труде румынская система ГУЛАГов (в «Приложении» помещена карта, на которой указан 141 лагерь) обрела законодательную основу. Денни Делетант оценивает количество узников в начале 50-х годов в 80 тысяч человек, из которых 40 тысяч были использованы на строительстве пресловутого канала Черное море — Дунай³². Еще одной широкомасштабной кампанией репрессий стала депортация 40 тысяч жителей региона Западный Банат по соображениям якобы возрастающей опасности в связи с эскалацией напряженности между Румынией и Югославией, которая в июне 1948 года вышла из состава Коминформа. Акция по принудительному переселению в практически безлюдные степи Бараган, планировавшаяся на 1950 год, началась летом 1951 года при участии 10 тысяч солдат и офицеров³³.

1947–1952 годы были отмечены первой, особенно мощной волной террора. Даже если судить по официальным отчетам государственных комиссий, то и тогда на общем фоне резко выделяются 1951 и 1952 годы (19 236 и 24 826 арестов соответственно). Согласно этим документам, общее число арестованных крестьян за эти два года составило 34 738 человек³⁴. С 1949 по 1952 год в принудительном порядке были подвергнуты переселению свыше 65 тысяч лиц³⁵. Временное ослабление репрессий с внутриполитической точки зрения объясняется усилением власти партийного вождя Георгиу-Дежа после устранения группы Паукер, а также его выжидательной позиции в отношении развития политической ситуации в СССР после смерти Сталина.

Какой бы тяжелой в моральном отношении ни была оценка репрессий, она тем не менее необходима. Уничтожение буржуазной оппозиции, смена элит и принудительная коллективизация стали своеобразным побочным эффектом, следствием импорта идеологии и (сталинистского) общественного устройства или же идеологической предзаданности такого «импорта». Румынские коммунисты добивались нужного расклада сил рука об руку с советскими «советниками» и офицерами. При этом не наблюдалось никаких попыток пойти своим национальным путем или же уменьшить число жертв. Матрицей всех действий стали «успешные» сталинистские методы страны-победительницы.

Параллельно предпринимавшиеся партийные чистки были направлены отнюдь не на создание партии с марксистско-ленинскими кадрами — они стали результатом борьбы за власть в руководстве РПП, которая породила в конечном счете румынского Сталина в лице Георгиу-Дежа. Фасадом этих междоусобиц послужили якобы имевшие место идеологические расхождения между «национальными патриотами» и «москвитанами». Однако на самом деле они были лишь прикрытием для личных или фракционных амбиций. В этом смысле насилие, обусловленное данными процессами, можно охарактеризовать как идеологически немотивированное и считать его «продуктом домашнего приотравления».

²⁸ G. Frickenheim. Die rumänische Abweichung. — Münster, 1990. — С. 29.

²⁹ Важные этапы в «идеологическом сплочении» кадров РПП: 1952 год — нейтрализация группы Паукер — Лука — Георгиеску; 1954 год — расстрел бывшего председателя КП Патрашкану, арестованного в 1948 году и придерживавшегося «национал-коммунистических» взглядов; 1955 год — включение в состав Политбюро Чадуеску и Дражаничи, лично преданных Георгиу-Дежу; 1957 год — отстранение от власти группы Кишиневши — Крайнику. См. по этому вопросу также: Delatant. România [см. сноску 11], с. 96–106; Frickenheim. Abweichung [см. сноску 28], с. 26–34, 108–111.

³⁰ На Пленуме ЦК РПП 30 ноября 1961 года Георгиу-Деж официально объявил, что в ходе борьбы с кулаками арестовано свыше 80 тысяч крестьян. Ср.: Courtois. Cartea [см. сноску 1], с. 755–756.

³¹ Gh. Boldur-Lătescu. Genocidul comunist în România. — București, 1994; M. Lupu/C. Nicoară/Gh. Onișoru. Cu unanimitate de voturi. — București, 1997; C. Ionițoiu. Cartea de aur a rezistenței românești împotriva comunismului. — București, 1995; C. Copoșu. Dialoguri cu Vartan Arachelian. — București, 1992.

³² Courtois. Cartea [см. сноску 1], с. 757.

³³ L. Betea. «Tîrșiti» din Banat // Dosarele Istoriei. — № 3. — 1998. — С. 46–51.

³⁴ Arhiva Serviciului Român de Informații, fond D, dosar nr. 9572, vol. 61, f. 1.

³⁵ Там же, ф. 3.

Вторая большая волна террора, потрясшая страну, продолжалась с 1958 по 1963 год. Репрессии начались с момента вывода советских войск, к которому Румыния стремилась еще с 1955 года и который наконец осуществился летом 1958 года³⁶. С одной стороны, применяя подобные «профилактические» репрессии, Георгиу-Деж стремился продемонстрировать советскому партийному лидеру Хрущеву, что РПР в состоянии сама вести страну намеченным курсом, с другой стороны, цель состояла еще и в том, чтобы лишить население, в особенности интеллигенцию, надежд на либерализацию (десталинизацию) общественной жизни. Количество осужденных за «угрозу безопасности государства» с января по декабрь 1958 года возросло с 6211 до 10 125 человек, а в январе 1960 года достигло максимальной величины — 17 613 человек³⁷.

Эти «мероприятия» невозможно объяснить никакой логикой. Власть как РПР, так и ее первого секретаря стала практически неограниченной (авторитет Георгиу-Дежа после ухода Красной Армии, который ставили ему в заслугу, еще более возрос). Режим без каких-либо личных или должностных потерь благополучно пережил все этапы десталинизации стран восточного блока и венгерские события 1956 года (которые не повлекли за собой всплеск арестов в стране), а поэтому в данном случае террор, по мнению Н.Штайнгардта, можно определить только как иррациональный или безумный³⁸.

Политизация и освобождение последних 8800 политических заключенных в начале лета 1964 года стало результатом внешне-, а не внутриполитического перелома. Воспользовавшись свободой действий, появившейся после ухода советских войск, Бухарест начал осторожное движение в сторону освобождения от влияния Москвы. Путь национал-коммунистического развития, на который встала страна и главным протагонистом которого отныне, вопреки своим прежним взглядам, объявил себя Георгиу-Деж, привел от преобладавших с 1960 года речей об усилении контактов с Западом через упорное отрицание роли «житницы», отведенной Хрущевым Румынии в 1962–1963 годах в рамках плана международного разделения труда внутри Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВа), к принятию в апреле 1964 года так называемой декларации независимости РПР, в которой провозглашались принципы невмешательства во внутренние дела других государств, равноправия и независимости каждой страны и каждой коммунистической партии.

Догматическая приверженность ленинско-сталинским представлениям об индустриализации парадоксальным образом превратила лидера румынского государства в национал-коммуниста, на что еще в 1985 году указал Михаил Шамфир³⁹. В 1963 году, когда конфликт между СССР и Румынией достиг своего первого пика, Георгиу-Деж, будучи к тому времени еще и председателем Госсовета, издал указ о многочисленных амнистиях и в целях национального усилия внешнеполитического курса приказал провести сепаратическую и культурную «дерусификацию» общества. Благодаря этим популярным мерам, предвосхищавшим в форме частичной десовиетизации неосуществленную на тот момент десталинизацию, РПР и ее председателю удалось завоевать определенные симпатии населения, что сказалось на росте числа членов партии⁴⁰.

Неосталинистская династия Николае Чаушеску

После смерти Георгиу-Дежа в марте 1965 года его преемник Николае Чаушеску, чья кандидатура на эту должность была предложена премьер-министром Ионом Георге Маурером, продолжил курс на либерализацию, в связи с чем появились основания говорить об осторожной десталинизации. Благодаря ловкому тактическому маневрированию в первые годы своего правления, он отгеснил от власти таких старых соратников Георгиу-Дежа, как А. Драгач (министр внутренних дел, имя которого внушало всем страх), С. Стойка, Г. Апостол, и заменил их преданными ему технократами М. Манеску, И. Вердетом, В. Пантилином, П. Никулеску-Мицилем и др. Были предприняты и другие популярные шаги, например, разрешено строительство частных домов, отменена обязательная регистрация в полиции при выезде за пределы места жительства более чем на 24 часа, упрощены правила поездок за рубеж, упразднено русифицированное в 1953 году написание названия страны. Интеллигенция получила невиданную доселе свободу слова и способов ее реализации. Одновременно Чаушеску публично осудил некоторые совершенные органами безопасности преступления и отмежевывал от них.

Экономическая конъюнктура, сложившаяся еще во времена Георгиу-Дежа, развивалась в благоприятном русле. Одновременно начались интенсивные дипломатические контакты с Западом⁴¹. Высшей точкой в процессе десталинизации стал апрельский (1968 года) Пленум ЦК РКП, которая в 1965 году вернула себе старое название. На Пленуме во всеуслышание было объявлено о реабилитации Лукрециу Патрашкану, казненного 14 лет назад. Впервые осуждалась деятельность министра внутренних дел Драгача и высказывалась критика в адрес Георгиу-Дежа. Новый глава государства заявил в выступлении, что никто не обладает «монополией на истину» относительно путей общественного развития — ни на практике, ни в теории. Он снова обратился к интеллигенции с призывом «без колебаний и страха» принять участие в публичной дискуссии о внутренней политике⁴². Звездный час Чаушеску пробил 21 августа 1968 года, когда во время спонтанного выступления с балкона здания ЦК в Бухаресте он осудил вторжение в ЧССР и заявил, что при попытке пересечения румынской границы советским танкам будет оказано решительное сопротивление.

Однако в эти годы можно было наблюдать одно существенное различие между развитием событий в Румынии и ЧССР. Румынская десталинизация шла исключительно сверху, и хотя ее цель заключалась в определенном ослаблении идеологического контроля над обществом, никто и не помышлял о том, чтобы поставить под вопрос вездесущую роль партии (не говоря уже о ее вожде) или основополагающие принципы экономического развития. Сенсационные приглашения к дискуссии, адресованные главным образом интеллигенции, оставались, как правило, не более чем риторикой, вследствие чего предпринятые шаги хотя и нашли отклик в обществе, не имели под собой достаточной широкой социальной основы.

Десталинизация была использована Чаушеску прежде всего для замены старой партийной и государственной элиты, а также для усиления собственной, поначалу слабой власти. Наблюдая за событиями Пражской весны, Чаушеску сделал вывод, что Кремль в рамках социалистического блока может скрепить сердце согласиться с определенными внешнеполитическими авансами Западу, однако любые структурные изменения в сфере

³⁶ Cp.: P.U. Weiß. Der Abzug der sowjetischen Soldaten aus Rumänien 1958 // Osteuropa. — № 6. — 1999. — С. 616 и далее.

³⁷ Cartea Albă a Securității, vol. 3, 1958–1968. — București, 1994. — С. 107.

³⁸ N. Steinhart. Jurnalul fericiții. — Cluj, 1991. — С. 228.

³⁹ M. Shafir. Romania: Politics, Economics and Society. — London, 1985. — С. 48.

⁴⁰ Cp. общие данные в кн.: G. Frickenhelm. Abweichung [см. сноску 28], с. 238–372.

⁴¹ Cp. Deletant. România [см. сноску 11], с. 133–173.

⁴² A. U. Gabanyi. Partei und Literatur in Rumänien seit 1945. — München, 1975. — С. 148.

экономики или соотношений между партией и государством обречены стать жертвой брежневской доктрины.

1971 год стал переломным в эпохе Чаушеску. Тогда это мало кто осознал на Западе, зато впоследствии вокруг этих событий разгорелись споры. После визитов в Северную Корею и Китай, которые произвели на лидера партии очень большое впечатление, были обнародованы 17 «июльских тезисов» об «улучшении политической и идеологической работы, а также культурной и воспитательной деятельности». Этот свод задач, получивший название «малой культурной революции», на практике означал реанимацию догматических воззрений КП в области культуры, образования и идеологии, которые, казалось, безвозвратно ушли в прошлое⁴³.

Эти неосталинистские тенденции распространились и на кадровую политику. Уже в 1967 году Чаушеску занял должность председателя Госсовета (до него им был Стойка), подчинил этому органу Совет по экономике и обороне и упразднил тем самым должность председателя Совета Министров (в 1974 году Маурер ушел в отставку). В апреле 1972 года был введен принцип ротации кадров, после чего назначение на руководящие должности стало прерогативой партийного вождя и зависело от личной преданности кандидата. В 1973 году Чаушеску ввел в состав Исполнительного Комитета партии свою жену Елену, которая с этого момента должна была контролировать принятие решений всеми руководящими органами.

Концентрация власти в руках Чаушеску достигла апогея в 1974 году, когда для него *де-юре* был учрежден пост президента⁴⁴. В последующие годы продолжался беспрецедентный захват ключевых постов в государстве родственниками и друзьями президентской четы, сопровождавшийся гротескными проявлениями культа личности. Этот культ, позамитованный в основном у азиатских режимов социалистического блока, вовсе не был необходим для обеспечения личной власти. Напротив, он привел к деструктивной динамике режима, так как в 80-е годы его следствием стали застой и зависимость партийных и государственных органов власти: отныне они руководствовались не государственными или партийными интересами, а мнением «семьи». Существовавший до сих пор диктат коммунистической элиты превратился в конечном счете в социалистическую монархию.

В условиях диктатуры Чаушеску репрессии стали повседневным средством утверждения власти. Однако по размаху они уступали репрессиям режимов-предшественников. Стратегия органов госбезопасности строилась прежде всего в расчете на усиление власти путем устрашения, т.е. в основном ограничивалась нагнетанием страха. Меры по подавлению принимались лишь в тех случаях, когда подлежащие безусловной реализации амбициозные экономические планы и личные идеи по обустройству страны наталкивались на противодействие или протекали не по плану. Для примера назовем задуманное в 80-е годы создание «агрогородов», следствием чего стало бы уничтожение многих тысяч

⁴³ Речь шла также об усилении руководящей роли партии в политическом образовании, о произведении искусства подчеркнуто революционного характера, способных лучше отразить достижения социализма, об улучшении идеологической работы, о строгом контроле за действиями искусства: N. Căușescu, *Romania on the Way of Building up the Multilaterally Developed Socialist Society. Reports, Speeches, Articles*, May 1971 — February 1972, vol. 6. — București, 1972. — С. 608. Кстати, в румынской литературе часто высказывается мнение о «вине» жены диктатора Елены Чаушеску в этом резком внутриполитическом повороте. См., в частности: F. Constantin, *O istorie sinceră a poporului român*. — București, 1997. — С. 510–517.

⁴⁴ Об институциональной подоплеке генезиса Чаушеску-«вождя»: G.H. Tontsch, *Partei und Staat in Rumänien*. — Köln, 1985. — С. 100–119.

деревень (что отчасти и произошло); ужесточение в 1966 году законодательных положений об абортх (в целях осуществления грандиозной программы роста народонаселения), повлекшее за собой массовые увечья и рост женской смертности; строительство президентского дворца в Бухаресте (Народный дом), ежегодно поглощавшее до 17% совокупного общественного продукта (для создания соответствующего архитектурного фона пришлось снести седьмую часть города, в том числе его историческую часть); открытый в 1984 году экономически бессмысленный канал Черное море — Дунай общей протяженностью 64 километра.

В начале 80-х годов диктатор решил одним махом ликвидировать задолженность Румынии перед зарубежными странами: всевозможные товары непрерывным потоком начали уходить на экспорт. Внутренний рынок был полностью оголен, а люди, ввиду введения строгих норм потребления, вынуждены были временами голодать и мерзнуть.

Румынню захлестнул поток распоряжений; подлежали регистрации перемещения внутри страны, контакты с иностранцами и даже пищевые машинки. В результате сложились невозможные условия для существования, которые толкали на преступления и коррупцию почти каждого румына, стремившегося к нормальной жизни, — от рабочего до директора завода — и способствовали, с одной стороны, срастанию граждан с системой, с другой — их зависимости от всезудущих спецслужб. Политика Чаушеску («гигантомания»), особенно с начала 80-х годов, шла вразрез с партийными, идеологическими или социалистическими хозяйственными принципами и была направлена против народа, причем на конечной стадии диктатуры ее автор сам пал жертвой вырвавшегося на волю джиган-культа личности.

Однако зарождалось и сопротивление этому режиму. Летом 1977 года в долине Юю состоялась крупная забастовка горняков, а в 1987–1988 годах вспыхнули демонстрации рабочих и студентов в Яссах и Брашове. Первые протесты в среде интеллигенции, особенно со стороны писателей, вызвала «малая культурная революция». Вплоть до декабря 1989 года проходили непрерывные акции оппозиции, которые, однако, предпринимались либо малочисленными группами, либо отдельными людьми и почти не становились достоянием гласности. В ходе подавления протестов режим вел себя в отношении рабочих иногда еще более жестко, чем в отношении интеллигенции. Мнимые главаря и участники забастовки шахтеров были осуждены на длительные сроки лишения свободы, тысячами насильно переселялись в другие регионы или «переводились на другую работу». Строптивая интеллигенция также подвергалась преследованиям, однако во многих случаях получала возможность уехать на Запад, за счет чего обеспечивалось «обезвреживание клеветников».

Официально в Румынии не существовало узников совести, однако для поддержания дисциплины применялись жесткие методы, о которых еще в то время было известно правозащитной организации «Amnesty International». Оппонентов или подозреваемых контролировали, подвергали притеснениям, запугивали, увольняли с работы. Далее следовало задержание, допрос и обвинение в растрате государственных средств, «паразитическом образе жизни» или гомосексуализме. Нередко все заканчивалось распоряжением о строгом домашнем аресте с последующей социальной изоляцией, принудительным помещением в психиатрическую больницу или убийством⁴⁵.

⁴⁵ Об эпохе Чаушеску см.: Delant, *România* [см. сноски II], с. 140–190. Об акциях сопротивления: H. Fraenderdorfer, *Das Recht auf Brot, Freiheit und Würde. Von der Opposition zur Revolution: R. Wagner/H. Fraenderdorfer* (Hrsg.). Der Sturz des Tyrannen. Rumänien und das Ende einer Diktatur. — Hamburg, 1990; Coutois, *Cartea* [см.

Власть Чаушеску опиралась на спецслужбу Секуритате («становой хребет общества»⁴⁶), которая особенно разрослась в 70-е годы. Секуритате, ставшая в 1948 году преемницей печально известной сигуранцы, состояла из 15 тысяч сотрудников (без учета «информаторов») и 23 тысяч членов отрядов особого назначения. Чаушеску делал ставку почти исключительно на спецслужбы, постоянно увеличивая численность, перевооружая и переоснащая их⁴⁷ за счет армии, которой он не доверял и которую подозревал в подготовке заговора. Растущая зависимость от Секуритате в 80-е годы стала причиной особенно подозрительного отношения диктатора к министру внутренних дел, подтверждением чему можно считать назначение на эту должность в 1987 году друга семьи Поствельнику.

Давление диктатора усилилось после переломного события в 1971 году, причем если вначале это мотивировалось необходимостью идеологических ограничений (пример — Китай и Северная Корея), то в конечном счете все свелось к построению псевдодиктаторской диктатуры. Неосталинистскими при этом были лишь средства утверждения власти. Любкой наем на критику системы воспринимался как поползновение на авторитет «вождя», который монополизировал право на идеологическую, экономическую, политическую и культурную истину. Отталкиваясь от понятия культа личности репрессии можно считать проявлением сталинизма, лишенным идеологии. Эти репрессии вытекали из абсурдной логики иррациональных автархических и амбициозных планов Чаушеску, так как политические и экономические предпосылки для построения социализма советского образца были созданы еще во времена правления его предшественников. Поэтому террор 70-х и 80-х годов невозможно квалифицировать в целом как сугубо «коммунистический».

Разница между режимами

Расхождения между тоталитарным единоличным диктатором Георгиу-Дежа и неосталинистской семейной диктатурой Чаушеску относятся к устойчивым стадиям их развития. Деструктивное влияние на экономику и деятельность всех институтов власти, особенно на закате эпохи Чаушеску, вопреки экономической конъюнктуре в период, получивший название оттепели, было значительно сильнее, чем во времена Георгиу-Дежа. Причины следует искать в полном подчинении и ориентации всех партийных и государственных органов на спонтанную волю и индивидуальные пожелания президентской четы. Они превратились в исполнительные органы президентской семьи.

сноски 1], с. 773–776. О нарушении прав человека: D. Deletant. The Securitate and the Police State in Romania 1964–89. Intelligence and National Security, Vol. 9, 1994. — London, 1994. — С. 27 и далее; Amnesty International Briefing, Romania. — London, 1980.

⁴⁶ R. Wagner. Sonderweg Rumänien. Bericht aus einem Entwicklungsland. — Berlin, 1991. — С. 64.

⁴⁷ Ср.: D. Deletant. Securitate 1948–64 [см. сноски 23], с. 1–25; Он же. Securitate 1964–89 [см. сноски 45], с. 22–49; Он же. Ceausescu and the Securitate. Coercion and Dissent in Romania, 1965–1989. — London, 1995. Бесконечные предложения Чаушеску по разоружению, обращения к мировой общественности, которым он всегда предпосылал личный пример (самым сокровенным желанием Чаушеску было присуждение ему Нобелевской премии мира), строились на принципе уменьшения численности армии при одновременном тайном наращивании потенциала Секуритате.

Со второй половины 70-х годов партийные функционеры клялись в верности не партии или нации, а лично Чаушеску. Культ личности, имевший место еще при Георгиу-Деже, находился в тени культа личности Сталина и поначалу утверждался в общественном мнении благодаря его ведущей роли в партии. Культ вождя (conducator) Чаушеску и его супруги походил на почитание монархов в форме псевдорелигиозного национально-исторического панегирика. Ему была присуща не только пропагандистская «аура», он как бы стал центром и вобрал в себя чаяния всех словес румынского общества.

Причиной всеобщего паралича и агонии общества конца 80-х годов стала лишенная идеологической подоплеку бесцельность его дальнейшего развития. Под покровительством диктатора система тотального контроля румын со стороны спецслужбы «Секуритате» достигла совершенства. Однако в общей картине «золотой эпохи» Чаушеску отсутствовали два краеугольных камня сталинизма: военный режим труда (ГУЛАГ) и массовый террор. Система лагерей, ликвидированная в 1964 году, никогда более не была возрождена, а насилие со стороны государства уступало террору времен Георгиу-Дежа по размаху, масштабам уничтожения людей и идеологическому обоснованию. Чаушеску, как правило, «ограничивался» применением репрессий в целях дисциплинирующего воздействия на пытавшихся прямо противодействовать ему лично или его проектам. При этом он, естественно, мог опереться на террор своего предшественника, «подготовивший почву» для диктатуры семьи Чаушеску. Эти различия призваны обосновать правомерность выделения особой тоталитарной стадии правления Георгиу-Дежа (Кершо), так как в противном случае в обоих периодах диктатуры прослеживаются и структурные признаки тоталитаризма в формулировке Фридриха — Бжезински⁴⁸, и атрибуты тоталитарной власти, охарактеризованные Й.Й. Линцем⁴⁹.

Возможность сопоставления сталинизма (ограниченного временем правления И.В. Сталина) и тоталитарного режима Георгиу-Дежа становится очевидной, если принять в расчет имперскую «логику импорта». Сталин не желал союзников, его империи нужны были государства-сателлиты. Поэтому и в форме правления, и в осуществлении власти наблюдаются минимальные различия, так как румынский тоталитаризм не был изобретением Румынии. Сейсмологической детерминантой румынской политики оставался Кремль. Наряду с внешней зависимостью и subordinацией особую роль сыграл национал-коммунизм как реакция на советский патриотизм и вассальный статус страны. Тем самым удавалось отгородиться не только от эпицентра универсальной идеологии, но и от ее экспансионистских притязаний.

В то время как смерть Сталина была необходимой для выживания большевистской системы, национал-коммунизм стал единственным выходом для Георгиу-Дежа, позволявшим ему избежать участи жертвы кампании десталинизации в собственной стране или странах восточного блока. Для дальнейшего существования системы его смерть не была обязательной. При постановке вопроса о сопоставимости периода правления Георгиу-Дежа с системой национал-социализма исследователь неизбежно наталкивается на те же проблемы, которые возникают при сравнении сталинизма и национал-социализма.

⁴⁸ C.J. Friedrich/Z. Brzezinski. Die allgemeinen Merkmale der totalitären Herrschaft: Jesse. Totalitarismus [см. сноски 8], с. 225–236.

⁴⁹ J.J. Linz. Typen politischer Regime und die Achtung der Menschenrechte. Historische und länderübergreifende Perspektiven: Jesse. Totalitarismus [см. сноски 8], с. 485–537.

Такое сопоставление не исключено, хотя в его процессе обнаруживается больше различий, чем сходства. К тому же необходимо учитывать и разницу исходных ситуаций: большевизм был навязан Румынии «извне» — и идеологически, и практически. Тем самым румынский тоталитаризм не имеет специфических национальных параметров. Основой для сравнения и обнаружения некоторых параллелей могут стать определенные средства осуществления диктатора (Фридрих — Бжезински), однако как специфические особенности, так и сходство следует искать в плоскости невиданного размаха тоталитарного насилия (массовый террор), которое в Румынии оказалось «продуктом домашнего приготовления». Сугубо румынским вкладом в этот чудовищный пир ужаса стала «промывка мозгов» в «преисподней Питешти»⁵⁰.

Дан Динер

Историческая память и познание

Национализм и сталинизм
в сопоставительном контексте

Познавательная-теоретическая ценность памяти в новых исследовательских подходах постоянно растет. Вопросы «Что, кем и для чего удерживается и хранится в памяти?» относятся к предмету исторической антропологии, а также истории культуры в самом широком смысле этого слова. В конечном счете в памяти формируются структуры повествования, так называемые эпические образы, предвосхищающие постановку вопросов к историческому материалу. Они, в свою очередь, не являются продуктом произвольного выбора, а посредством эпической формы приносят мыслительные отпечатки имевшей место исторической реальности в профессионально воссоздаваемые картины действительности. Поэтому учет различных мнений в целях извлечения в точках их пересечения искомых истин, претендующих на статус объективных и универсальных, отнюдь нельзя считать чисто субъективным подходом. Попытка приписать памяти эпистемическое значение в дальнейшем изложении иллюстрируется на примере сопоставления национал-социализма и коммунизма, причем главная задача такого сопоставления усматривается в демонстрации того факта, что оно уже само по себе является отражением специфической структуры исторической памяти.

Подмена понятий: режим — нация

В Германии мемориальные ритуалы, предостерегающие от повторения преступлений нацизма, явно отличаются от пассивной дани памяти жертвам сталинской диктатуры в бывшем Советском Союзе. Причины этого расхождения очевидны: преступления Гитлера вошли в коллективную память немцев и хранятся в памяти других народов как преступления немецкой нации. Период нацизма считается неотъемлемой частью немецкой истории: как таковой он неизгладимо впечатался в коллективное сознание. В отличие от этого, преступления Сталина и коммунистического режима в бывшем Советском Союзе едва ли могут быть представлены в форме преступлений, совершенных русскими. Историческая память народов бывшего Советского Союза, в свою очередь, оказалась недостаточно прочной основой, после того как они покинули омертвевшее и удерживаемое лишь административными методами здание, которое населяли до сих

⁵⁰ Ср. Courtois. Schwarzbuch [см. сноску 8], с. 460–463.

пор¹. В то время как в Германии нацистам удалось сплавить воедино нацию и режим и наметить себе жертвы преимущественно вне этой общности, население Советского Союза само пало жертвой советского режима. Если Гитлер придал развязанной им войне главным образом внешнюю направленность, то Сталин вел войну внутри собственной страны: под видом переворота в общественных отношениях он втянул страну в катастрофу, воспользовавшись риторикой классовой борьбы и гражданской войны. Расовое безумие Гитлера опиралось и по своей эпической структуре, и по терминологии на идеологию интегрального национализма. Нацизму в немецком национальном наряде удалось добиться подмены понятий: преступления Гитлера закреплены в памяти немцев и других народов как преступления немцев.

Формирование на постсоветском пространстве исторической памяти, в которой добавляющее им место заняли бы преступления Сталина и коммунизма, довольно проблематично: как можно удержать в голове преступления, которые ускользают из этнической, а тем самым и долгосрочной памяти? Можно ли сохранить воспоминания о преступлениях, совершенных не во имя такой общности, как нация, а во имя какого-то социального образования, например класса? Какие предшествовавшие этим событиям эпические образы необходимо активизировать, с тем чтобы обеспечить вхождение произошедшего в историческую память?

Преступления, совершенные советским коммунизмом, вне профессионального исторического описания могут оказаться в преисподней забвения, если не войдут в долгосрочную индивидуальную память². Сохранение былого, очевидно, лучше удастся тем нациям, в коллективной памяти которых запечатлелись следы бурного прошлого еще во время их пребывания в составе старой имперской России. Речь идет о таких народностях, страдания которых в советский период смогли соединиться с эпическими образами минувших бунтов против Российской империи. К ним следует отнести в первую очередь поляков, а также венгров и, до известной степени, немцев, так как в восточной части населяемой ими страны советское господство вполне обрело форму «русского». Кроме того, их сознание подпитывается и воспоминаниями о мировых войнах. Связь настоящего с эпическими образами более ранней истории прослеживается на примере Польши. Поляки, как ни одна другая нация, смогли соотнести советское присутствие и насилие с длинной событийной исторической цепочкой. Ее основной потенциал, активизирующий историческую память, заключается в разделах страны на исходе XVIII века, польских востанках XIX века, а в некоторых случаях уходит корнями еще дальше в глубь истории — вплоть до польско-московского противостояния в XVII веке, достигшего пика в конфессиональном дуализме латинской церкви и православия³. Вся эта предистория наложила на осмысление массовых расстрелов польских офицеров советским НКВД в 1940 году в Катынском лесу под Смоленском, при этом в памяти формируется главным образом связь между польско-русскими отношениями, традиционно изобиловавшими конфликтами, и идеологическим противостоянием в XX веке.

В Венгрии историческим резонатором памяти могут послужить революционные события 1848–1849 годов и их подавление царским режимом⁴. Особая позиция Финляндии в период холодной войны необъяснима без учета российской предистории этой страны и финско-советской войны 1939–1940 годов. В случае с бывшими советскими прибалтийскими республиками также имеется достаточный исторический материал для того, чтобы усмотреть в советском господстве черты, присущие прежней России.

В сознании других народов Советского Союза советское господство в разной степени также может отождествляться с имперской Россией, на совести которой — многие преступления, связанные с колониальной и экспансионистской политикой, когда расширение государственных границ сопровождалось культурной русификацией. В этих случаях «социальные» преступления советского режима, совершенные в классовых интересах, могли трансформироваться в этнические структуры памяти, ее эпических образы в «русийские». Это касается в первую очередь репрессированных народов⁵, целиком подвергнутых депортациям и насильственному перемещению, — например, татар, калмыков или русских немцев.

Если интеллигенцию сильно урбанизированного еврейского населения в позднесоветский период обвинили в космополитизме, а тем самым в предательстве родины, и подвергли антисемитским преследованиям и казням, то перед российским населением православного вероисповедания режим предстал в своем чистом виде: как диктатура произвола, ставшая заложницей общественного эксперимента над человечеством с катастрофическими последствиями. В постсоветской России (причем это относится не только к представителям экстремистского крыла политического спектра) имеются попытки этнификации бывшего коммунистического диктата, согласно которым речь должна идти о режиме других национальностей, населявших Россию, — евреев, кавказцев, прибалтов и других.

Конверсия феномена общественного эксперимента над человечеством во времена коммунистического Советского Союза в национальные эпические образы происходит, конечно же, и в Украине. Там последствия принудительной коллективизации 1929–1933 годов, прежде всего невиданный голодомор 1932 года, истолковываются как геноцид, направленный непосредственно на уничтожение украинского народа, и в качестве таковых хранятся в коллективной памяти⁶. В Украине, а также во всех черномоземных областях и других сельскохозяйственных регионах Советского Союза, например Казахстане, события периода принудительной коллективизации и раскулачивания накладываются на различные предварительно сформировавшиеся эпические структуры и схемы истолкования и адаптируются к исторической памяти. При этом существенная роль принадлежит эпическому образу гражданской войны. Собственно Украина, Южная Россия и Северный Кавказ особенно сильно пострадали не только от принудительной коллективизации и последующего голодомора, но и от предшествовавших им гражданской войны и интервен-

¹ Dov B. Yaroshewski. Political Participation and Public Memory. The Memorial Movement in the USSR 1987–1989 // *History & Memory. Studies in Representation of the Past*. — № 2. — 1999. — С. 5–31.

² Dietrich Geyer. Klio in Moskau und die sowjetische Geschichte // *Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse*. — № 2. — 1985. — С. 36–38.

³ Ekkehard Klug. Das «asiatische» Rußland. Über die Entstehung eines europäischen Vorurteils // *Historische Zeitschrift*. — № 245. — 1987. — С. 256–289.

⁴ Karlheinz Mack (Hrsg.). Revolutionen in Ostmitteleuropa 1789–1989. Schwerpunkt Ungarn. — Wien/München, 1995.

⁵ Aleksandr M. Nekrisch. The Punished Peoples. The Deportations and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War. — New York, 1978.

⁶ Nicolas Werth. Ein Staat gegen sein Volk. Gewalt, Unterdrückung und Terror in der Sowjetunion: Stéphane Courtois und др. (Hrsg.). Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror. — München/Paris, 1998. — С. 51–298, здесь: с. 188 и далее.

ции⁷. В начале 30-х годов работникам советских государственных учреждений, членам партии и сотрудникам Народного комиссариата внутренних дел казалось, что они на каждом шагу имеют дело с саботажем мнимых белогвардейцев, ветеранов белой армии, помещиков, измайнов, попов и иных представителей контрреволюции, в силу чего возникало впечатление, что ужасы принудительной коллективизации стали как бы продолжением гражданской войны.

Сельскохозяйственные области юга России и Украины превратились в зону настоящих военных действий, где любой человек в соответствии с характерным для советской власти произволом мог быть объявлен саботажником и классовым врагом. В атмосфере поиска ответственных за бесхозяйственность и неэффективность, воровство и косность в созданных принудительно колхозах подозрения и обвинения распространялись со скоростью эпидемии. Такие настроения нагнетали атмосферу истерии и провоцировали охоту на ведьм. В ткань общих подозрений прочно вошли традиционные и местные распри, которые стали благодатной почвой для фикций подобного рода⁸.

Преследования, аресты, расстрелы и депортации под видом «классовой борьбы» приобрели в бывших районах гражданской войны характер «социальных чисток». Парадоксально, но факт: в их основу был положен не принцип этнического происхождения, а статус и социальное положение предков, т.е. социальная генеалогия. Именно она служила идеологическим оправданием для преследования и наказания мнимых злодеев⁹.

Чтобы обвинить неугодного человека в контрреволюционной деятельности или, по крайней мере, бросить на него тень подозрения, достаточно было одного этого «биологического» классового происхождения. Якобы реакционные предки определяли судьбу своих детей и внуков, которые как «объективные» классовые враги попадали в жернова социальных чисток¹⁰. Тот, кого объявляли классовым врагом, был беззащитен перед органами власти и интригами окружения. В атмосфере всеобщей подозрительности под влиянием терминологии и идеологии классовой борьбы возродились всевозможные локальные конфликты, вызванные личной враждой и соперничеством, которые питала социальная зависть.

Эти затаенные обиды, которые уходили корнями еще в дореволюционную эпоху, снова возродились к жизни во время гражданской войны и сохранили актуальность в период нэпа. Накопился огромный конфликтный потенциал, и путем овладения расхожими кодами легитимации можно было легко нанести вред другим людям. Террор, исходивший сверху, раздувался внизу с удвоенной энергией. Таким образом произвол как характерная черта системы в атмосфере всеобщего страха и недоверия разрушил остатки социальной солидарности и привел к повальной атомизации общества.

⁷ Lynne Viola. The Second Coming. Class Enemies in the Soviet Countryside 1927–1935. J. Arch Getty/Roberta T. Manning (Hrsg.). Stalinist Terror. New Perspectives. — Cambridge/Mass., 1993. — С. 65–98; здесь: с. 75 и далее.

⁸ Там же, с. 77.

⁹ Lynne Viola. The Campaign to Eliminate the Kulak as a Class, Winter 1929–1930. A Reevaluation of the Legislation // Slavic Review. — № 45. — 1986. — С. 508–511.

¹⁰ Igal Halfin. From Darkness to Light: Student Communist Autobiography During NEP // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — № 45. — 1997. — С. 210–236.

Сходство и различия

Вопреки существующим самооценкам, коммунизм и национал-социализм имеют немало общего. С точки зрения либеральной демократии с ее институциональными гарантиями гражданских прав, разделением властей и правовой защищенностью, а самое важное — с разделением государственного и частного оба режима соответствуют типу ярко выраженной тоталитарной диктатуры, опирающейся на харизматическую фигуру. И тот и другой режим выросли из историко-философских мировоззренческих установок, которым глубоко чужды структуры, обеспечивающие легитимность политических действий в западных сообществах. Но если сталинская диктатура в соответствии с коммунистическими идеями постоянно старалась ускорить ход времени и была готова при этом принести в жертву якобы светлему будущему и прошлое, и настоящее, то национал-социализм, воплотившийся в некую биологическую фикцию — расовое общество, пытался идти против течения времени. Историко-философский замысел по ускорению или остановке времени стоит над личностью и нуждается в ней лишь как в материале для воплощения в жизнь проекта переустройства мира то ли во имя всего человечества, то ли во имя расы, которую предстоит создать. Обе концепции выросли из утопии и для своей реализации нуждались в насилии со стороны институтов власти. Оба режима, как братья-близнецы, стали воплощением ужаса и своими страшными преступлениями оставили неизгладимый след в памяти XX века. Однако если посмотреть на предмет вблизи, а не с высоты общих абстрактных подходов, то конкретная картина становится значительно более многообразной.

Сопоставление носит комплексный характер. Сравнительный количественный анализ человеческих жертв затруднен хотя бы потому, что нацистский режим смог продержаться лишь 12 лет и был разгромлен извне, а советский — охватил жизнь двух поколений и развалился изнутри. К тому же нацистские преступления были совершены в основном во время войны, в течение короткого периода с 1941 по 1945 год, и направлены не против собственного народа, а против «чужих наций». Массовые преступления сталинизма совершались в мирное время и достигли жуткого апофеоза в период принудительной коллективизации и голодомора, унесших жизни миллионов людей¹¹.

Эта социальная война велась почти исключительно против широких крестьянских масс. Зато своеобразная профилактическая гражданская война¹² — чистки в партии, среди руководящих военных кадров и технической интеллигенции в 1936–1939 годах — была направлена главным образом против представителей элиты. Передышка наступила лишь в период военных действий. Во время Великой Отечественной войны режим воззвал к патристическим чувствам населения, репрессии резко пошли на спад, однако команды «отставить» все же не последовало. После войны снова существенно возрос контингент узников ГУЛАГа, а после смерти Сталина наступил период «оттепели»¹³.

Очевидные различия во времени и цифрах вряд ли являются хорошим подспорьем для количественного сравнительного анализа. Кроме того, значительные трудности возникают и при попытке охарактеризовать жертвы в целях их классификации. Однако с уверенностью можно утверждать одно: сталинский режим отличался от нацистского дик-

¹¹ Alice Nove. Victims of Stalinism. How Many? Getty/Manning. Stalinist Terror [см. сноscopy 7], с. 260–274.

¹² J. Arch Getty. Origins of the Great Purges. The Soviet Communist Party Reconsidered 1988–1938. — New York, 1985.

¹³ Werth. Ein Staat gegen sein Volk [см. сноscopy 6], с. 257 и далее.

татуры за пределами уровня произвола. Никто даже на самых высоких должностях не был застрахован от периодических и систематических преследований. Принадлежать к власти и получить ее кусочек было соблазнительно, но и опасно: в любом случае это не давало никаких гарантий¹⁴. Представители политической элиты часто выступали в роли козлов отпущения (как виновники постоянно имевших место недостатков) и становились жертвами показательных казней. Неоднократные попытки сравнить «покушение на Кирова» с «путчем Рёма» терпят неудачу хотя бы потому, что «ночь длинных ножей» в короткой хронике нацистского режима является исключением, в то время как подобные события в Советском Союзе времен Сталина были обычным явлением¹⁵.

Произвол и страх стали эликсиром тоталитарной сталинской диктатуры. Жертвами могли стать все: противники и сторонники режима, палачи и лстецы, лакеи Сталина и члены спецподразделений, осуществлявших массовые казни, а также ничем не запятнавшие себя граждане и «товарищи», не понимавшие, почему они попали в жернова «красной инквизиции»¹⁶.

На фоне такого произвола диктатура Гитлера кажется почти упорядоченной формой организации общественных отношений, чуть ли не воплощением правовой стабильности. Ведь критерии преследований были, так сказать, «объективными»¹⁷. Каждый, так или иначе, мог быть уверен в своей судьбе. Во всяком случае, «товарищи по народу» (*volks-geossen*), не стремившиеся к оппозиции, могли спокойно заниматься своими повседневными делами. Таким образом, нацистский режим для членов «народной общности» был далеко не столь тоталитарным, как сталинский Советский Союз для собственного населения. К тому же благодаря первоначальным успехам, в том числе и военным, нацистский режим мог рассчитывать на более широкую поддержку масс. В этом случае можно говорить о диктатуре с народом, а не о диктатуре против народа. От исключенных из «народной общности» не скрывали того, что считают их присутствие нежелательным. Непрерывные ограничительные и притесняющие меры всегда точно и в срок доводились до сведения тех, против кого они были направлены¹⁸. Здесь не было и намека на произвол. О том, чем все заканчивалось, конечно же, предпочитали молчать.

Вероятно, наиболее ярким различием между сталинской диктатурой и нацистским режимом можно считать обстоятельства смерти их жертв, а также организацию труда. Коммунистическая советская система подвергла — не считая жертв голодомора — принудительному труду миллионы людей. Этот вид эксплуатации был позамышлен из введенной еще Троцким системы трудовой повинности военного времени. Благодаря ей различные секторы и предприятия в сжатые сроки удалось укомплектовать дешевой рабочей силой¹⁹. Соответствующий орган, подчиненный комиссариату внутренних дел, в любой момент мог воспользоваться просто-таки неисчерпаемым потенциалом рабочей силы, так как всегда на подходе были новые «злоумышленники».

Таким образом, политический и правовой произвол в Советском Союзе сталинского периода шел рука об руку с системой принудительного труда. Возможность получать рабочую силу по цене, значительно ниже ее истинной стоимости, принесла ужасные плоды. Из-за постоянного притока рабочих-рабов система начала пренебрегать мерами, необходимыми для поддержания минимально допустимого физического состояния людей, и доводить их до полного изнеможения²⁰. Иногда от них просто требовали производительности, которая находилась за пределами физических возможностей.

Нацистский режим также применял рабский труд. Однако объектом эксплуатации были не этнические немцы, а другие народности. Эксплуатация рабочих-рабов во времена нацизма была, таким образом, тесно связана с экспансионистскими и захватническими войнами немецкого рейха²¹. Осуществлявшееся при этом порабощение других народов в сочетании с утопией нацизма может приоткрыть глаза на то, чего можно было бы ожидать в случае победоносного завершения Германией развязанной ею войны на уничтожение: иерархии рас и труда. На Востоке целые народы были бы обречены на жизнь илотов²². Пока же режим довольствовался тем, что в военно-экономических целях применял принудительный рабский труд представителей других наций и этносов. Так или иначе обреченные на смерть узники использовались до полного истощения физических сил и возможностей, т.е. уничтожались посредством труда. В сталинской системе насилия гибель рабочих-рабов, хотя с ней и мирились, не была заранее поставленной целью²³.

Фундаментальное различие между двумя режимами особенно отчетливо обнаруживается там, где уничтожение людей осуществлялось без привлечения их к труду. Нацисты уничтожали ради уничтожения. В таком крайнем проявлении, как Холокост, они, если даже и использовали труд, то лишь для того, чтобы придать всему вид целесообразности. Преступления сталинизма несоизмеримы с запущенными нацистами фабриками смерти. Это были без преувеличения людские бойни, производившие трупы и не соответствовавшие никаким представлениям об эксплуатации или экономическом смысле. Замысел нацистов поставил вне закона существовавшие до сих пор универсальные нормы самосохранения. Такой особенностью сталинизм «похвастаться» не может²⁴.

Сопоставление национал-социализма и сталинизма проливает свет на многие моменты. Служит ли оно осознанию сути этих явлений — этот вопрос остается пока без ответа. Ведь в конечном счете речь идет о принципиально разных системах, сформировавшихся в условиях разной культуры и в разных ситуациях. На вопрос о том, действительно ли эти системы — то ли на самом деле, то ли частично, то ли якобы — противостояли друг другу в борьбе за мировое господство, пусть ответят современники или последующие поколения. Намного более важными представляются нам подспудные механизмы, которое вели к подобному противостоянию. Стремление к сопоставлению не есть что-то само собой разумеющееся. Напротив, оно происходит из специфических особенностей исторической памяти, детерминированной соответствующей культурой, памяти, ко-

¹⁴ Anton Antonov-Ovschenko. *The Time of Stalin. Portrait of a Tyranny*. — New York, 1981. — С. 216.

¹⁵ Hannah Arendt. *Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft*, Bd. 3: *Elemente totaler Herrschaft*. — Frankfurt a.M. и др., 1975. — С. 145.

¹⁶ Boris Lewytskyj. *Die Rote Inquisition. Die Geschichte der sowjetischen Sicherheitsdienste*. — Frankfurt a.M., 1967.

¹⁷ Ernst Nolte. *A Past That Will Not Pass Away (A Speech It Was Possible to Write, But Not to Present) // Yad Vashem Studies*. — № 19. — 1988. — С. 65–74.

¹⁸ Uwe Dietrich Adam. *Judenpolitik im Dritten Reich*. — Düsseldorf, 1979.

¹⁹ Ralf Stettner. «Archipel Gulag». *Stalins Zwangslager — Terrorinstrument und Wirtschaftsgigant. Entstehung, Organisation und Funktion des sowjetischen Lagersystems*. — Paderborn, 1996. — С. 118.

²⁰ Ralf Stettner. «Archipel Gulag». *Stalins Zwangslager — Terrorinstrument und Wirtschaftsgigant. Entstehung, Organisation und Funktion des sowjetischen Lagersystems*. — Paderborn, 1996. — С. 337 и далее.

²¹ Ulrich Herbert. *Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches*. — Berlin, 1986.

²² Mechtild Rößler/Sabine Schliepmacher (Hrsg.). *Der «Generalplan Ost». Hauptlinien der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik*. — Berlin, 1993.

²³ David J. Dallin/Boris I. Nicolaevski. *Forced Labor in Russia*. — New Haven, 1947.

²⁴ Dan Diner. *Nationalsozialismus und Stalinismus. Über Gedächtnis, Willkür, Arbeit und Tod: On the Circles of National Socialism and Gedächtnis*. — Berlin, 1995. — С. 47–76.

торая ощущает потребность в противопоставлении злодеяний. Поэтому способы сравнения не являются универсальными, скорее наоборот, они производные от коллективной памяти, мотивированной частностями и трансформирующей такие события, как преступления режима, в канон или эпический образ.

Немецкие воспоминания

Феномен конверсии преступлений режима в преступления против этнических групп особенно ярко прослеживается на примере Польши. Трагическая история этой страны обусловлена ее расположением между Германией и Россией. Страдания, причиненные двумя тоталитарными режимами, которые стремились подавить поляков как нацию, в памяти польского народа сливаются воедино²⁵. Убийство тысяч польских офицеров советскими органами безопасности в Катыни — лишь одно звено в цепи страданий, причиненных Россией польской нации. И восприятие этого события в рамках основного, национального мотива в исторической памяти поляков заслуживает оценку его как преступления, совершенного сталинским режимом. Воспоминания эти живы по сей день и призывают Польшу к особой бдительности в отношениях с Россией. Истоки этой бдительности следует искать не в опасениях, связанных с возможностью возврата Москвы к коммунизму, а в воспоминаниях о трагических страницах в истории отношений Польши с Российской империей.

Вопрос о том, почему в Германии испытывают потребность в сопоставлении тоталитарных систем, имеет много аспектов. В первую очередь, это объясняется тем, что национал-социализм предстал перед внешним миром в образе гипертрофированного национализма, т.е. режима, несравнимого со сталинской диктатурой²⁶. Развязанная в 1941 году война против Советского Союза вошла в коллективную память как «поход на Россию», тем более что мнимый антибольшевизм в этом случае рядился не в универсальные политические, а в национальные одежды. Вражда к Советскому Союзу как форме режима отступила на задний план ввиду гипертрофированного расистского национализма²⁷. Интересно и то, что из памяти советского народа на время войны были изъяты фрагменты, связанные с внутренним осознанием коммунистического характера режима. Вместо этого в целях русской этнификации советской памяти подчеркивался отечественный, даже российский характер войны против немецких захватчиков. Правда, понятия «гитлеризм» и «антифашизм» упоминаются и в дальнейшем, однако они все больше теряют прежний политический смысл. По мере продвижения Красной Армии к границам Германии на заключительном этапе войны и распространения среди населения страха перед атавистическими злодеяниями «русских» мировоззренческие мотивы все более уступали место национальным и этническим классификациям²⁸.

²⁵ Andrzej Paczkowski, Polen, der «Erbfeind». Courtois, Das Schwarzbuch [см. сноски 6], с. 397–429.

²⁶ Peter P.Knoch, Das Bild des russischen Feindes: Wolfram Witte/Gerd R. Ueberschar (Hrsg.). Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. — Frankfurt a.M., 1992. — С. 160–167.

²⁷ Lutz Niethammer, Juden und Russen im Gedächtnis der Deutschen: Walter H. Pehle (Hrsg.). Der historische Ort des Nationalsozialismus. — Frankfurt a.M., 1990. — С. 114–134.

²⁸ Norman M. Naimark, The Russians in Germany. A History of the Zone of Occupation 1945–1949. — Cambridge, Mass., 1995; Atina Grossmann, A Question of Silence: The Rape of German Women by Occupation Soldiers // October. — № 72. — 1995. — С. 43–63.

Изгнание немецкого населения осуществлялось не по социальным причинам, а в соответствии с этническими установками. Поэтому его ни в коей мере нельзя сравнивать с преступлениями коммунистического режима, например «социальными чистками», которые были привычным явлением в период насильственной коллективизации 30-х годов. Напротив, происходившее намного больше напоминало «этнические чистки». Именно в этой форме оно и запечатлелось в коллективном сознании. Сказанное относится к изгнанию немцев из восточных областей, которые отошли к Польше, и из Судетской области, возвращенной Чехословакии. Процессы этнической гомогенизации в Центральной и Восточной Европе сразу после 1945 года проходили в традиционном русле национальных конфликтов межвоенного периода, даже если принять во внимание, что они стали реакцией на нацистскую политику репрессий, насильственного выселения и геноцида. О борьбе режимов в духе антагонизма между большевизмом и антибольшевизмом как отличительной черте всей эпохи не могло быть и речи. Западные союзники, исходя из опыта, приобретенного в период между двумя мировыми войнами и развязанной Гитлером войны, также благословили депортации народов, с тем чтобы избавиться от гноимых нарывов, связанных с национальностями и национальными меньшинствами²⁹.

Религиозный дискурс

После войны в Германии предпочитали не вспоминать о страданиях населения, во всяком случае публично. Ничего не говорилось о жертвах насильственных перемещений и бомбардировок. О погибших не скорбели. Могло быть несколько причин такого молчания. Одна из них, наверняка имеющая особое значение, — коллективная интуиция, подсказывавшая, что ввиду тяжести преступлений, совершенных немцами во имя Германии, это гнетущее молчание предполагало некую шаткую справедливость, дающую возможность избежать сопоставлений.

Коллективная память немцев пытается преодолеть это состояние паралича³⁰. На обвинения в адрес Запада было наложено табу. В связи с тем что начинавшаяся холодная война была тесно увязана с немецким вопросом, воспоминания о воздушной войне, которую вели англосаксонские государства, тоже оказались под запретом, и лишь в результате последних событий в международной политике они вновь ожили в памяти людей³¹. Советский Союз оказался благодатной почвой для сравнения. Возможно, — и на этом тоже часто акцентируют внимание — сыграла свою роль и расстановка сил в период холодной войны. Ведь как раз в разделенной Германии, в которой восточный режим ГДР по классовым соображениям считал себя законным и в то же время как до красн напичканное антифашизмом сообщество отвергалось коллективным сознанием немцев, сравнение систем приобрело форму противопоставления ценностей и идеологий. Политичес-

²⁹ Alfred Maurice de Zayas, Die Anglo-Amerikaner und die Vertreibung der Deutschen. — Frankfurt a.M./Berlin, 1996. — С. 117 и далее; Klaus-Dietmar Henke, Der Weg nach Potsdam. Die Alliierten und die Vertreibung: Wolfgang Benz (Hrsg.) Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten. Ursachen, Ereignisse, Folgen. — Frankfurt a.M., 1985. — С. 49–69.

³⁰ Richard Matthias Müller, Normal-Null und die Zukunft der deutschen Vergangenheitsbewältigung. — Schernfeld, 1994.

³¹ Dan Diner, Der Krieg der Erinnerungen und die Ordnung der Welt. — Berlin, 1991.

кая вражда между двумя немецкими государствами вызывала к жизни образы и понятия, позаимствованные из арсенала враждующих фронтов периода Веймарской республики. Коммунисты, руководствуясь своей закостенелой философией истории, отождествляли своих нынешних врагов с пугалом «фашизма»¹². Можно коротко подытожить сказанное: немецкое прошлое было поставлено на службу борьбе систем. И все же следы коллективного сознания наперекор всему проступали в идеологических речах — когда на представителей восточнонемецкого режима навешивался яркий предельный и посябников русских, а западнонемецких политиков называли слугами англо-американцев, которые, собственно, и несут ответственность за бомбардировки немецких городов¹³.

Сопоставления, имевшие место в коллективном сознании немцев в связи с процессами более позднего времени, проецируются на событийный фон «русской военной кампании». Интенсивная и жестокая, вначале она велась как война мировоззренней, а позже была превращена в исключительно антибольшевистскую кампанию. Ведь были и другие европейские нации, войска которых приняли участие в защите западных ценностей. Такие мыслительные построения предоставляли шанс провести через книгу учета истории «русскую кампанию» немцев как решающий фронт «всемирной гражданской войны» и произвести «взаимозачет» между преступлениями, совершенными при осуществлении плана «Барбаросса», и злодеяниями режима в Советском Союзе. В коллективной памяти Сталинград стал символом сталинизма. Начавшаяся в 1945 году холодная война способствовала, видимо, распространению именно такого подхода. Не менее важное значение имела сохранявшаяся в коллективной памяти мысль о том, что в случае нацистского режима речь шла о преступлениях против других наций, в то время как преступления советского режима были направлены против *собственного* народа.

Попытка конверсии преступлений нацистской Германии в преступления режима наталкивается на сохранившиеся воспоминания населения бывшего Советского Союза. Оно оказалось отданное на откуп обоим режимам, исповедовавшим насилие в крайних его проявлениях: с одной стороны, гнету коммунистической утопии и экспериментам над человечеством, с другой — ужасам войны, которую вела нацистская Германия и которая была основана на расовой ненависти и оправдывалась ее антибольшевистским характером. Оба эти преступления — хотя и по-разному, тем не менее адекватно коллективному сознанию — воспринимаются как обращенные против народа — как классовые и расовые преступления.

Такое сопоставление, если оно вообще верно, соответствует состоянию немецкой памяти в восточной части страны, т.е. бывшей ГДР, так как именно там существует возможность сравнить нацистский режим с пришедшим ему на смену коммунистическим. Оба режима вполне могут осознаваться этническими немцами как варианты тоталитарного господства. Те, кто во времена нацизма в силу своего происхождения оказался исключенным из немецкой «народной общности», могли воспринять коммунистический режим, вопреки его предвзвешенным тоталитарным атрибутам, как систему, в которой не практиковалось уничтожение по признаку происхождения. Для благополучной «перелицовки» коллективных преступлений в преступления режима требуется, однако, опровержение со стороны носителей иной коллективной памяти. Это, возможно, позволяет

понять, почему в бывшем Советском Союзе воспоминания о преступлениях сталинского режима неизбежно отличаются от воспоминаний о преступлениях Гитлера в Германии.

* * *

Европейские национальные культуры испытывают потребность в сопоставлении. В период между войнами фашизм и коммунизм противостояли друг другу на территории континентальной Европы в качестве крупнейших смыслообразующих идеологий XX века¹⁴. От доминирующего влияния этой конфронтации, по крайней мере в мире идей, уйти было очень сложно, даже при осознании того факта, что у истоков конфликтов нашего столетия могли стоять и другие силы. Сегодня отголоски тех событий утратили свой интерпретационный потенциал. Однако он возрождается при воспоминаниях о прошлом. Это относится, в первую очередь, к пониманию и толкованию центральных событий столетия — гигантских по масштабам преступлений против человечества, обрушившихся на мир с приходом к власти немецкого национал-социализма и сталинского коммунизма. Их расшифровка по своему значению станет, очевидно, последним приговором ушедшему веку. Иначе трудно понять накал страстей в споре, разгоревшемся вокруг этого вопроса. Этот спор отсылает нас к глубинным движущим силам, которые, скорее всего, уходят корнями в пространство религиозной памяти. Многие в дискуссии относительно сопоставительного подхода соответствуют способам обоснования истины в последней инстанции¹⁵. Религиозные контуры светского диспута явно проступают там, где речь заходит о ранге и значении преступлений, прежде всего Холокоста. В вопросе о Холокосте как явлении единственном в своем роде отражается, по всей видимости, тема избрности. В то время как стремление к сопоставлению и производная от него антропологизация преступлений соответствуют скорее особенностям христианского эпического образа, настаивание на единичности воссоздает еврейский эпический образ¹⁶.

Кажущийся светским диспут глубоко проникнут религиозными эпическими образами. Поэтому можно предположить, что в стремлении к правдивому освещению и истолкованию событий, связанных с массовым уничтожением людей и геноцидом, вряд ли удастся избежать силы притяжения эпических образов, хранящихся в тайниках памяти и отфильтрованных по меркам обоснования, претендующего на истину в последней инстанции. Это в равной степени справедливо как в отношении разногласий в историографии о массовых преступлениях нацистов, так и в отношении сопоставления нацизма и коммунизма. Задача взлома кодов соответствующих описаний и структур повествования в равной степени является велением времени как для исторической антропологии, посвятившей себя политической истории XX века, так и для исторической культурологии.

¹⁴ Ernst Nolte. *Lehrstücke oder Tragödie? Beiträge zur Interpretation der Geschichte des 20. Jahrhunderts.* — Köln, 1991.

¹⁵ Ср. аргументы Стефана Кыртыя. *Schwarzbuch* [см. сноску 6], с. 11–50, здесь: с. 29 и далее.

¹⁶ Dan Diner. On Guilt and other Narratives. Epistemological Observations regarding the Holocaust // *History & Memory.* — № 9. — 1997. — С. 301–320.

¹² Antonia Grunenberg. *Antifaschismus — ein deutscher Mythos.* — Reinbek, 1993.

¹³ Sigrid Meuschel. *Legitimation und Parteiherrschaft in der DDR.* — Frankfurt a.M., 1992. — С. 101 и далее.

Фритц Фейер

«Молодец» и «гениальный парень»

Гитлер и Сталин: точки соприкосновения
между немецким и русским национал-социализмом

За фасадами «национального социализма» и «социализма, построенного в одной отдаленно взятой стране» две самые большие нации в Европе оказались свернутыми в прошедшем столетии в пучину варварства. Чтобы предотвратить возрождение чего-либо подобного, особенно в той национальной среде, которая не обладает опытом исторической памяти, действующей в качестве иммунитета, необходимо провести сравнительный анализ причин, форм проявления и последствий обоих феноменов.

Пока отсутствуют даже попытки подобного сопоставительного исследования двух систем, и это при том, что для будущего человечества оно является одной из наиболее неотложных проблем. Известный историк Дан Динер¹ в комментариях к «Черной книге коммунизма» Стефана Куртуа и других авторов приближается к ответу на эти судьбоносные вопросы путем сопоставления эпических образов (нарративов) и коллективной памяти. Естественно, такой метод мало что дает для изучения реальных событий, так как субъективное сознание достаточно сильно подвержено влиянию различного рода манипуляций.

Тем не менее Динер требует «ломки соответствующих стереотипов в описаниях и в эпических структурах», прежде чем они перерастут в монолитную официальную картину истории. Попыткой такой «ломки» и призвано стать исследование этого автора и его умозаключение о том, что преступления Гитлера были якобы «злодеяниями, причиненными Германией другим народам», в то время как преступления советского режима «вряд ли можно выдвигать за преступления русских», так как сталинский террор был обращен против собственного народа.

Вот это и есть то, что Динер называет «нарративом» и что по сути своей является продуктом военной и послевоенной пропаганды, гласившей, что немцы (чаще — движимые угодничеством, реже — испытывая чувство стыда) молчали, а русские не могли быть услышанными. На самом деле, по мнению Сони Марголиной, все было скорее наоборот: «миллионы рабочих, бывших крестьян», глубоко обовлаченных к тому времени официальной доктриной², «с энтузиазмом поддерживали» чистки в Советском Союзе. В

то же время первой (и последней) жертвой Гитлера были сами немцы: сначала миллион политических заключенных в мирные годы (каждый второй в концентрационном лагере), которые, по крайней мере на некоторое время, были брошены в тюрьмы³, затем первые 70 тысяч человек, уничтоженных в газовых душегубках, за ними последовали 200 тысяч «непригодных к труду»⁴, отравленных газом или погибших от недоедания, не говоря уже о миллионах жертв войны, которые также остаются на совести этого тирана.

Первыми жертвами Гитлера были немцы

Одним из аргументов Динера является то, что преступления нацистов, особенно в годы войны, были обращены не против собственного народа, а против «инородцев». Однако представители общественных групп, объявленных вне закона, — евреи, проживавшие в Германии, коммунисты, социал-демократы, проповедники учения Христа, свидетели Иеговы, прусские аристократы, дезертиры, цыгане, «асоциальные элементы», гомосексуалисты, инвалиды — все они были немцами.

Каким бы критическим ни оставалось отношение к свидетелям исторических событий, «эпические структуры» в подлинной исторической памяти немцев совпадают преимущественно в одном: никто не мог «беззаботно», как полагает Динер, заниматься повседневными делами, каждый находился под постоянным контролем ищейек, доносчиков, дворников и «унтерфюреров» разных мастей. Следили за тем, что человек говорит, слушает по радио, ест и читает, как одевается, с кем общается, во что верит и кого любит, причем в случае неправомерного поведения всем угрожал вездесущее жало суровых санкций — от концентрационного лагеря до казни. Каждый мог в любой момент стать жертвой в условиях, которые Динер, руководствуясь собственными представлениями, называет «фактически упорядоченными, чуть ли не создающими ощущение правовой защищенности». Ни одно из убийств нацистов не могло быть оправдано немецким правопорядком, что отчасти и толкало зачинщика неслыханных злодеяний, несмотря на открытое словесное подстрекательство исполнителей, к столь настойчивым попыткам скрыть содеянное, а еще в большей степени — свою причастность к нему.

Динер усматривает наиболее яркое различие между двумя диктатурами в системе принудительного труда, которая при нацистском режиме не распространялась на этнических немцев. Однако центральным элементом системы насилия в Германии была военная трудовая повинность. С 1935 года каждый мужчина в возрасте от 18 до 25 лет в течение полугода, а с 1939 года и каждая женщина в течение одного года обязаны были отбывать трудовую повинность, живя на казарменном положении в условиях особо жесткой дисциплины (нередко становившейся причиной самоубийств). Все женщины трудоспособного возраста с 28 января 1943 года привлекались на службу в составе «трудовых бригад военного времени» и работали, как минимум, 11 часов (в военной промышленности — 12) за ежедневную плату в размере 1,70 рейхсмарки за теми же станками или рыли те же окопы, что и иностранные рабы, с той лишь разницей, что немки в несравнимо мень-

¹ Dan Diner. Gedächtnis und Erkenntnis. // Osteuropa. — № 6. — 2000. — С. 698 и далее; Stéphane Courtois и др. (Hrsg.): Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror. — München/Zürich, 1997.

² Sonja Margolina. Das Ende der Lügen. — Berlin, 1992. — С. 85.

³ Michael Schneider. Unterm Hakenkreuz. Arbeiter und Arbeiterbewegung 1933 bis 1939. — Bonn, 1999. — С. 1069; Материалы к «Черной книге», представленные немецкой оппозицией, издание правления социал-демократической партии Германии (машиннопись). — Лондон, 1946. — С. 186; Eugen Kogon. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. — Berlin, 1947. — С. 145.

⁴ Ernst Klee (Hrsg.). Dokumente zur «Euthanasie». — Frankfurt/Main, 1985. — С. 87, 283 и далее.

шей степени подвергались издевательствам, их лучше кормили, и жили они (если квартира не сгорела) в намного лучших условиях⁵.

Тезис о коллективной ответственности — новый виток

Мнение Динера о том, что следует говорить о «режиме, бывшем заодно с народом», вполне соответствует нацистской пропаганде. Однако неосуществимость свободных выборов (во время последних выборов более двух третей голосовало против Гитлера), равно как и поведение немцев во время «хрустальной ночи» 1938 года, говорят об обратном. Социал-демократическая партия Германии, находившаяся в изгнании в Праге, по этому поводу сообщала следующее:

«Все полученные данные свидетельствуют о том, что эти эксцессы резко осуждаются преимущественным большинством немецкого народа. Во время первых погромов на территории всего рейха были арестованы сотни арийцев, вступивших в свое негодование. [...] Однако каким бы большим ни казался размах всеобщего возмущения, следует отдавать себе отчет в том, что жестокость со стороны банд погромщиков еще более усилила состояние запутанности и укрепила в сознании людей мысль о бесцельности какого бы то ни было сопротивления неограниченной власти национал-социалистов»⁶.

Такой же была реакция большинства немцев на этнотазирование⁷ и введение так называемой «звезды Давида» для евреев, проживавших в Германии⁸. Во время аннексии Су-

⁵ В ходе «Широкомасштабной национальной акции по распределению детей» малолетние уроженцы больших городов попадали в условия, приближенные к условиям в нацистских лагерях: приюты были переполнены, питания не хватало, процветала антисанитария; детям часто приходилось сносить побои и муштру даже при выполнении полевых работ, а иногда и при участии в боевых действиях: Claus Larass. Der Zug der Kinder. KLV — Die Evakuierung 5 Millionen deutscher Kinder im 2. Weltkrieg. — Frankfurt/Main, 1992. — С. 58, 203, 219; Gerhard Kock. «Der Führer sorgt für unsere Kinder...». Die Kinderlandverschickung im Zweiten Weltkrieg. — Paderborn, 1997. — С. 311 и далее. И хотя замысел состоял в том, чтобы обеспечить воспитание в условиях строгого режима, вдали от семьи, детям пришлось пережить бомбардировки, во время которых задохнулись или сгорели живыми 56 тысяч детей в возрасте до 14 лет: Gunnar Heinsohn. Lexikon der Völkermorde. — Reinbek, 1998. — С. 115; Mildred Scholl. «Ничего для меня это было тяжелое, очень тяжелое время, а никогда бы не пожелал пережить что-либо подобное последующим поколениям»: Claus Larass. Der Zug der Kinder [см. ранее], с. 204.

⁶ Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade) 1934–1940. — Frankfurt a. Main, 1980, Jahrgang 1938. — С. 1186 и далее, 1205 и далее. О преимущественно отрицательном отношении со стороны населения см.: Hans Mommsen/Dieter Obst. Die Reaktion der deutschen Bevölkerung auf die Verfolgung der Juden 1933–1943: Hans Mommsen/Susanne Willems (Hrsg.). Herrschaftsaltag im Dritten Reich. — Düsseldorf, 1988. — С. 391. Британский журналист писал по этому поводу там же: «...все без исключения были просто шокированы происходившим. Я неоднократно слышал фразу: «Мне стыдно за то, что я немец»; Ian Kershaw. Antisemitismus und Volksmeinung. Reaktion auf Judenverfolgung. Martin Broszat/Elke Fröhlich (Hrsg.). Bayern in der NS-Zeit. — München/Wien, 1979, Bd. II. — С. 318 и далее; David Bankier. The Germans and the Final Solution. — Cambridge/Mass., 1992. — С. 86; Berichte ausländischer Diplomaten: Sarah Gordon. Hitler, Germans and the Jewish Question. — Princeton, 1984. — С. 88 и далее. По слову США Вильсон: «Если учесть, что речь идет о тоталитарном государстве, невозможно не удивиться тому размаху и интенсивности, с какими граждане Германии осудили последние эксцессы против евреев».

⁷ Klee. Dokumente [см. сноску 4], с. 221 и далее.

⁸ Kershaw. Antisemitismus [см. сноску 6], с. 337; Bankier. The Germans [см. сноску 6], а.а.О., с. 126 и далее.

детской области, в начале войны и после нападения на Советский Союз, а также после Сталинграда⁹ немцы испытывали страх и растерянность. Используя формулировку о действиях Германии против других народов, Динер реанимирует тезис о коллективной ответственности, который опровергается хотя бы тем, что никому не придет в голову требовать возмещения ущерба, а то и отчета от населения России за злодеяния Сталина и его подручных. Послевоенные поколения, граждане свободной страны, едва ли могут представить себе то, в чем уверен нынешний министр иностранных дел Польши и бывший узник Аушвица № 4427 Владислав Бартошевски: «Большинство немецкого народа узнало о преступлениях, совершенных в Аушвице, лишь во время судебного процесса по Аушвицу во Франкфурте»¹⁰. Это большинство несло на себе бремя собственной судьбы, обрекавшей его на постоянную угрозу смерти.

На одно из противоречий указывает и Ханс Момсен: «В отличие от советских депортаций «окончательное решение» формально, а большей частью и фактически осуществлялось тайно, что вряд ли соответствует происходившему на архипелаге ГУЛАГ»¹¹. Иное мнение о депортациях, проводившихся в пределах его ведомственных полномочий, высказал Никита Хрущев, бывший партийный руководитель Украины: «Я не знаю, куда отправляли этих людей, и никогда не спрашивал об этом. У нас существовало правило: если этого не говорят, значит, оно тебе и не нужно, а чем меньше ты знаешь, тем лучше для тебя»¹².

Русские также не ощущают ответственности за преступления коммунизма, которые, вопреки мнению Динера, отнюдь не были направлены лишь против собственного народа. Многие давно избавились от пропагандистских стереотипов и не возлагают более ответственности за злодеяния правителей на рядовых немцев, а считают их скорее жертвами по несчастью. «Обе наши страны пережили страшных тиранов», — пишет Матвей Копыченко из Запорожья в письме радиостанции «Немецкая волна», причем, по моим наблюдениям, это мнение разделяют многие его земляки. «У вас был Гитлер, у нас — Сталин. В Германии был Аушвиц, у нас — ГУЛАГ. Однако вы более дисциплинированы и ждете зеленого света, а мы идем на красный»¹³.

Этот общий исторический опыт и есть существенный элемент того особого отношения между двумя народами, который заслуживает всяческого внимания. Русская и немецкая

⁹ Ralf Georg Reuth (Hrsg.). Joseph Goebbels, Tagebücher 1924–1945. — München/Zürich, 1992, Bd. 3. — С. 1278; Heinz Buberach (Hrsg.). Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS 1938–1945. — Herrsching, 1984. — С. 4751, 4760f., 4783.

¹⁰ Предсмертные записки из концлагеря Аушвиц. Фрагменты. Издание государственного музея Аушвиц — Биркенау — Мюнхен — Нью-Провиденс — Лондон — Париж, 1995. — Т. I. — С. 13. Практически невозможно доказать, знали ли люди о существовании лагерей массового уничтожения: Mommsen/Obst. Reaktion [см. сноску 6], с. 403. Письмо Гельмута Джеймса Мольке от 25 марта 1943 года в Лондон о том, что он полагает, что «как минимум каждый десятый не подвергается об убийствах сотен тысяч евреев. Люди, как и прежде, убеждены, что их просто отделили и они ведут прежний образ жизни, только дальше на восток от места своего рождения, возможно, в худших условиях, зато не подвергаются опасности воздушных налетов», см.: Freya von Moltke/Michael Balfour/Julian Frisby. Helmut James von Moltke 1907–1945. Anwalt der Zukunft. — Stuttgart, 1975. — С. 215 и далее. Генрих Болль: «Мы все полوزрели о том, что творилось в лагерях. Мы даже не знали об их существовании... Поймите, эта дезинформация о том, что происходило в стране, в которой ты жил, распространялась по всему миру». См.: Heinrich Boll/Lew Kopelew. Warum haben wir aufeinander geschossen? — Bornheim-Merten, 1981. — С. 31.

¹¹ Hans Mommsen. Von Weimar nach Auschwitz. — Stuttgart, 1999. — С. 277.

¹² Strobe Talbot (Hrsg.). Chruschtschow erinnert sich. Die authentischen Memoiren. — Reinbek, 1992. — С. 86 и далее.

¹³ Was denken Russen über die Deutschen? Deutsche Welle. — Köln, 1999. — С. 15.

культуры не настолько глубоко отличаются друг от друга, как это неправомерно полагает Динер, равно как и стремление русских и немцев к таким сопоставлениям. Национализм, проявивший себя в отношениях с внешним миром, был характерен для обеих систем.

Динер говорит о «перелицовке» в целях самооправдания и превращения немецких «коллективных преступлений в преступления режима» и о невосприимчивости коллективной памяти русских к такого рода конверсии понятий. Однако подобный вывод не соответствует состоянию сознания русских, тем более если учесть, что даже советское правительство и командование, как правило, проводили различие между «немцами» и «фашистами», следуя указанию Сталина от 23 февраля 1942 года: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ, немецкое государство остаются». Исключением из этого правила был Илья Эренбург:

Динер остается заложником пропаганды военного времени, не замечая того факта, что в существовавших условиях диктаторского режима немцы не воспротивились «делу всей нации» — походу против России, а сражались, причем намного ожесточеннее, чем того требовал инстинкт самосохранения. Причиной этого был страх перед экспансией советской империи, который Запад начал испытывать лишь с 1945 года. Правда, в течение тех двух лет, когда действовал пакт между Гитлером и Сталиным, антисоветская доктрина не внедрялась в сознание немцев, однако они сопротивлялись пропагандируемому Коммунистической партией Германии переносу условий, сложившихся в России, на почву «советской Германии» — в качестве свидетеля можно призвать военнослужащего Генриха Белля¹⁴. Лев Копелев — в то время враг Белля, — служивший политруком в Красной Армии, впоследствии писал: «Немецкие солдаты, казалось, были твердо убеждены в необходимости превентивной войны. Такое впечатление подтверждалось при чтении их дневников и писем. Нам они заявляли, что начали войну, чтобы упредить удар со стороны 150 дивизий Красной Армии»¹⁵. Все они наверняка слышали слова о попытке предвосхитить угрозу, сказанные в собственном оправдание их полководцем, охваченным безумной страстью к завоеваниям и пытавшимся обеспечить себе стратегические тылы в последующей войне против Запада:

«Немецкий народ никогда не питал враждебных чувств к народам России. [...] В то время как Германия весной 1940 года в соответствии с так называемым пактом о дружбе отвела свои вооруженные силы далеко от восточной границы, более того, вообще преимущественно очистила эту территорию от своих войск, началось продвижение русских армий, осуществлявшееся с размахом, в котором невозможно было не усмотреть сознательной угрозы Германии... [В декабре 1940 года] последовало еще одно увеличение концентрации русских войск вдоль восточных гра-

¹⁴ «Для многих, пожалуй даже большинства, большое значение имело то, что они увидели в Советском Союзе: экономические, социальные условия — в той степени, в какой их вообще можно было оценить на войне, — но ведь когда ты видишь село... испытываешь огромное разочарование, и это надо знать, чтобы понять причины антикоммунизма... Пережитое в Советском Союзе, даже в качестве военнослужащего, вне зависимости от службы в нацистской армии или какой-либо другой, не слишком-то вдохновляло и отнюдь не было аргументом в пользу социализма или коммунизма. Ведь не все немецкие солдаты были идиотами, у многих были глаза, и они могли видеть истинное положение дел, а также делать из этого выводы. Это, как я полагаю, несомненно обстоятельство, о котором до сих пор мало кто задумывался». Bell/H.Kopelew. Warum [см. сноску 10], с. 24.

¹⁵ Guido Knopp. Der verdammte Krieg. Das Unternehmen Barbarossa. — München, 1991. — С. 76.

ниц Германии. Все больше танковых соединений и десантных подразделений перебрасывалось в места, расположенные в непосредственной близости от германских границ. [...] Сегодня вдоль наших границ расположены 160 русских дивизий»¹⁶.

Немецкие солдаты вочую могли наблюдать подтверждение этих слов: миллионные армии и сотни военно-полевых аэродромов угрожающе выдвинулись к границе, противник имел многократное превосходство в танках и артиллерии. Все это вместе с обнаруженными следами расстрелов наполняло сердца немцев ужасом. Они поверили мастеру лжи: ощущая раздвоенность, которую вполне можно назвать трагической, большинство немцев, так же как и русских, предпочли своего тирана чужому. Тем самым мы вплотную приблизились к вопросу о сходстве между двумя режимами, которое открыто признавалось бывшим поклонником Ленина Геббельсом, а также Риббентропом, Мартином Борманом, шефом гестапо Генрихом Мюллером и, наконец, самим Гитлером¹⁷.

Помощь при захвате власти и подготовке войны

Сталин довольно рано осознал это родство, дошедшее иногда до полного совпадения. Он способствовал приходу к власти своего немецкого коллеги, сорвав процесс объединения немецких левых — единственной реальной силы, способной оказать сопротивление Гитлеру, и отдав распоряжение Компартии Германии считать «врагом номер один» не гитлеровский фашизм, опасность которого казалась ему незначительной, а социал-демократию. В беседе с членом Политбюро КПГ Хайнцем Нойманном в 1932 году Сталин сказал: «По-моему, этот Гитлер действительно молодец!»¹⁸ Спустя десять

¹⁶ Приказ солдатам от 22 июня 1941 года. См.: Max Domarus. Hitler — Reden und Proklamationen. — München, 1965, Bd. II/2. — С. 1727 и далее. На самом деле Германия, Финляндия и Румыния противопоставило 258 дивизий и 165 воздушных эскадрилий, см.: Восточный вестник. — Москва. — № 9. — 1992. — С. 5. Ср.: Распоряжение Главному отделу по пропаганде при командовании вермахта с указанием использовать контрпропаганду войск, чтобы убедить всех в том, что «...русские изготонились к прыжку, а тем самым военные приготовления немцев абсолютно обусловлены военной необходимостью». См. в этой связи: Jürgen Förster. Das Unternehmen «Barbarossa» als Eroberungs- und Vernichtungskrieg: Horst Boog и др. Der Angriff auf die Sowjetunion. — Frankfurt/Main, 1991. — С. 529.

¹⁷ Гитлеру нравилось в Сталине то, что ему удалось поставить на службу своей идеологии всю прессу, насильственными методами добиться строгой организации государства, безжалостной эксплуатации человеческого фактора (без присущей немцам возни вокруг идеи гуманности) в сочетании с плановой экономикой, обеспечением полной занятости и высокими зарплатами за «стахановский» труд, см.: Henry Picker (Hrsg.). Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier. — Stuttgart, 1976. — С. 214, 299, 451 и далее. Ему нельзя вменить в вину ограбление банков, так как он совершил их в интересах революции: там же, с. 447, 23 марта 1942 года Гитлер похвалил Сталина за то, что, как сообщил фотограф ХOFFMAN (Сталин сам велел ему передать свои слова Гитлеру), он не подпускал сверка к искусству: там же, с. 133. Пять месяцев спустя, когда части вермахта подошли к Сталинграду, из Москвы поступило гневное послание ЦК в связи с тем, что «культурные учреждения России возглавляются не россиянами (а преимущественно евреями)», см.: Arkadi Waksberg. Die Verfolgten Stalins. Aus den Verlesenen des KGB. — Reinbek, 1993. — С. 195. Прилагался также длинный список имен, среди которых фигурировали фамилии Ойстраха и Гилельса. «Если бы я, как Сталин, уничтожил всю национальную интеллигенцию, все было бы значительно проще», см.: Werner Jochmann (Hrsg.). Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims. — Hamburg, 1980. — С. 25, прим. 31.

¹⁸ Margarete Buber-Neumann. Von Potsdam nach Moskau — Stationen eines Irrweges. — Stuttgart, 1957. — С. 317.

лет Гитлер ответил на этот комплимент, заявив: Сталин — «...это в своем роде гениальный парень»¹⁹.

В преступной сообщности с Гитлером Сталин развязал Вторую мировую войну. Нет, причину преступлений нацизма не следует искать в ответной реакции Гитлера на поведение Сталина, как полагал Эрнст Нольте. Между двумя системами скорее существовала диалектическая связь кооперации и конфронтации, постоянно подталкивавшая обоих диктаторов к повторению того, что считалось допустимым для одного из них²⁰.

Почти одновременно оба укрепили свою власть: после расстрела крыла социалист-революционеров в нацистском движении последовало убийство Кирова — Сталин осознал, что террор против своих же соратников остается без последствий даже в глазах мировой общественности: «Гитлер, вот это да! Вот кто знает, как найти управу на своих политических противников!»²¹.

В 1936–1939 годах в СССР были почти полностью запрещены более тысячи еврейских школ и выпуск еврейских газет за пределами Биробиджанской области, превращенной в резервацию для евреев. В 1936–1938 годах Сталин велел уничтожить наиболее важных партийных лидеров еврейской национальности; эти казни, по выражению Анджее Камински, должны были стать «недвусмысленным сигналом для Гитлера»²². Именно так они и были восприняты фюрером.

Антикоммунизм, как и антифашизм, очень скоро на поверку оказался идеологической оболочкой, которая должна была обеспечить режиму симпатии внутри страны и на Западе. Так же как и пропагандистский лозунг о «еврейском большевизме», он не имел сколько-нибудь решающего влияния на вопрос о власти. Оба диктатора неуклонно двигались навстречу друг другу вплоть до заключения пакта о дружбе и ненападении. Выполняя договоренности, зафиксированные в тайных протоколах от 28 сентября 1939 года, сотрудники НКВД с декабря 1939 года обучали курсантов СС в школе гестапо в Закопане методам усмирения бунтовщиков²³. Сразу после Катынской резни, устроенной совет-

скими войсками, в Генерал-губернаторстве (часть оккупированной Польши. — Прим. ред.) была осуществлена «чрезвычайная акция по усмирению», унесшая жизни 6500 поляков, половина из которых принадлежали к высшему руководящему звену. В это же время, 8 марта 1940 года, Гитлер писал Муссолини:

«В России после окончательной победы Сталина, вне всякого сомнения, произойдет преобразование большевистского принципа в направлении к национальному русскому жизненному укладу. [...] Именно еврейское руководство международным коммунистическим движением сделало национал-социализм смертельным врагом коммунизма. [...] О том, насколько эпохальными, по нашему убеждению, можно считать эти изменения, Вы, дуче, лучше всего узнаете из рассказа министра иностранных дел Рейха о его личных впечатлениях и личном опыте»²⁴.

Однако сравнение двух форм диктатуры позволяет выявить и различия между ними — например, в целях экспансии и в ожидаемых стратегических преимуществах. Имперские устремления Москвы были направлены в первую очередь на увеличение населения, поэтому в принципе были несовместимы с массовым уничтожением людей. В Берлине сосредоточились на аграрных и сырьевых ресурсах, которых не хватало Германии, и сверх-преступным следствием этого стали конвейеры уничтожения «лишних ртов». Один подход можно назвать абсолютистским, другой — феодальным, однако обе эти реакционные тенденции производили впечатление достаточно современных.

Сталин: «Вместе с немцами мы были бы непобедимы»

После столкновения их империалистических программ на Балканах Сталин все еще хотел присоединиться к пакту о создании оси Берлин — Токио, восходившему к антикоминтерновскому пакту — антикоммунистическому альянсу²⁵. Обе силы готовились к войне на уничтожение, не имея достаточно четкого представления о намерениях другой стороны. Действуя по принципу «ворон ворону глаз не выклюет», они вновь попытались помириться. Сталин снова и снова зондировал почву для заключения секретного мира на условиях более активного продолжения войны Германии против Запада — сближения, к которому Геббельс пытался склонить своего фюрера в 1944 году и которое он все еще предлагал Сталину даже спустя день после смерти Гитлера. Незадолго до этого он сделал такую пометку в своем дневнике:

«Фюрер убежден, что если бы во вражеском лагере нашлась сила, которая первой желала бы вступить с нами в переговоры, то такой силой при любых обстоятельствах стал бы Советский Союз. [...] Цель, которая будоражит его воображение,

¹⁹ Picker, *Tischgespräche* [см. сноску 17], с. 473; он не скрывал «восторженного уважения» к Сталину, которого считал «титаном»; там же, с. 452, 473: «...с одной стороны, бестий, с другой — гигантов». Jochmann, Adolf Hitler [см. сноску 17], с. 336, 363, 366: «бестия, однако незавражденная», «Это единственное в своем роде явление... необычайная личность, настоящий артист, который железным кулаком сплюснул эту гигантскую империю... Глава государства, заявляющий: «Разве для вас потеря 13 миллионов человек слишком большая плата за идею?»

²⁰ Arno Lustiger, *Rotbuch Stalin und die Juden*. — Berlin, 1998. — С. 260 и далее. Сталин еще в 1939 году признался Риббентропу: «Для нас проблема проникновения евреев пока не столь актуальна. Поэтому мы не имеем хлопот с районами, заселенными евреями», тем не менее в Советском Союзе евреев последовательно удаляли из высшего руководящего звена; Picker, *Tischgespräche* [см. сноску 17], с. 448, 457. К моменту введения в строй Третьей 24 июля 1942 года Гитлер напомнил об этом: «...чтобы покончить с евреями, в которых он пока нуждается и которые занимают руководящие посты»; там же, с. 457. 1 декабря 1952 года на заседании Президиума ЦК Сталин заявил: «Каждый еврей является [сионистским. — Прим. авт.] националистом и агентом американских спецслужб»; Лев Безыменский // *Новое время*. — № 14. — 1998. — С. 38.

²¹ Robert Conquest, *Stalin. Der totale Wille zur Macht*. — München/Leipzig, 1991. — С. 231.

²² Andrzej Kaminski, *Konzentrationslager 1896 bis heute. Eine Analyse*. — Stuttgart, 1982. — С. 202.

²³ Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945, Serie D (в дальнейшем — ADAP), Band VIII, Dok. Nr. 160, Janusz Piekałkiewicz, *Polenfeldzug. Hitler und Stalin zerschlagen die Polnische Republik*. — Augsburg, 1997. — С. 274. Одно из последних совещаний НКВД и Службы безопасности рейха состоялось предположительно в марте 1940 года в Кракове и Закопане. Ср. Наталья Либелера, «Московские новости» от 25 марта 1990 года. О тайных протоколах см. также: Helmut König, *Das deutsch-sowjetische Vertragswerk von 1939 und seine*

Geheimen Zusatzprotokolle. Eine Dokumentation // *Osteuropa*. — № 5. — 1989. — С. 413–458; там же опубликованы факсимильные версии тайных протоколов; Jan Lipiński, *Sechszehn Jahre Geheimes Zusatzprotokoll zum Hitler-Stalin-Pakt. Sowjetrussische Historiographie zwischen Leugnung und Wahrheit* // *Osteuropa*. — № 10. — 2000. — С. 1123–1148.

²⁴ ADAP, Bd. VIII, Nr. 66, с. 689.

²⁵ Там же, т. XI/2, № 405.

заклучается в том, чтобы договориться с Советским Союзом и с жесточайшей энергией продолжать борьбу против Англии»²⁶.

Сталин впоследствии сожалел об упущенной возможности и признавался дочери: «Вместе с немцами мы были бы непобедимы»²⁷.

В связи с нападением на СССР Томас Манн метко назвал немецкого диктатора «единственным в своем роде воплощением большевизма в самом худшем значении этого слова»²⁸. Наверное, единственный человек на земле, пользовавшийся слепым доверием Сталина, долго колебался, захватить ему Москву или нет. Он намеревался дать возможность своему противнику сначала править территорией за Уралом, а затем за линией от Ладожского озера вплоть до Волго-Донской излучины²⁹. Населению оккупированных областей он принес не ожидаемое всеми и обещанное им «освобождение», а те же советские методы господства, угнетение украинцев, принудительную коллективизацию, экзекуции, тактику «выжженной земли». Оба военачальника в равной степени не считались в этой войне с нормами международного права, оба обрекали большую часть своих военнопленных на голодную смерть, многих просто казнили, партизанская война велась с применением самых жестоких методов с обеих сторон.

Именно там, где Динер усматривает различие, т.е. в системе принудительного труда, наблюдается просто-таки ошеломляющее сходство. Использование узников концентрационных лагерей в качестве рабочей силы началось в 1929 году в ГУЛАГе, а в 1942 году было подхвачено Ведомством по экономике и хозяйству (ВЭХ) СС, направившим коменданту Аушвица (наверное, в качестве учебного пособия) текст с описанием реалей советской системы принудительного труда. Гесс, судимый ранее за убийство, в таком пособии вовсе не нуждался³⁰. В советских лагерях, так же как и в немецких, сразу же после доставки трудоспособных заключенных отделили от нетрудоспособных³¹, инвалиды были обречены на гибель³². И здесь и там заключенным удавалось продержаться в среднем не

более трех месяцев³³, умирали «мусульмане»³⁴, искажались причины смерти³⁵, у жертв вырывали золотые зубы³⁶.

Хронология двойной жестокости: вначале немецкая сторона задумала проект создания еврейской резервации вдоль немецко-советской демаркационной линии³⁷. Резервация должна была стать аналогом Биробиджанской советской автономной еврейской области на Дальнем Востоке, представлявшей собой болотистый край, лишенный всяческой инфраструктуры, с длинными суровыми зимами и морозами до минус сорока градусов, который к тому же должен был заселяться на добровольных началах. Впоследствии гестапо даже изучало возможность депортации евреев в созданные советскими властями концентрационные лагеря³⁸.

В то же время, в 1939–1941 годах, свыше одного миллиона жителей прибалтийских государств и той части Польши, которая подверглась насильственному присоединению к СССР, были «эвакуированы» в Сибирь и Среднюю Азию. Тем самым сотни тысяч евреев, по сути, избежали участи быть расстрелянными зондеркомандами гестапо, бравшими вначале пример с Катыни, а затем не брезговавшими убийствами женщин и детей; однако, как и при всех других депортациях, осуществленных в Советском Союзе, по крайней мере треть депортируемых погибла. В 1941 году за ними последовали на Восток 400 тысяч немцев, проживавших в России. Нацистский министр Розенберг в каче-

²⁶ 5 марта 1945 года, Геббельс. Дневники [см. сноску 9], т. 5, с. 2137 и далее. Новое время. — № 37. — 1994. — С. 43 и далее. Геббельс писал еще 24 сентября 1941 года, что Сталин, возможно, «попытается добиться сепаратного мира. Фюрер, конечно же, пошел бы на это» (там же, т. 4, с. 1672); 23 сентября 1943 года: «Фюрер скорее высказал бы готовность к переговорам со Сталиным» (там же, т. 5, с. 1959).

²⁷ Swetlana Allilujewa. Das erste Jahr. — Wien/München/Zürich, 1969. — С. 297.

²⁸ Thomas Mann. Deutsche Hörer — 25 Radiosendungen nach Deutschland. — Stockholm, 1942. — С. 57.

²⁹ Гитлер в послании Абсцу 16 сентября 1941 года писал, что за чертой этой границы «Сталин и его союзники» могут делать что угодно, см.: ADAP, Bd. XIII/2, Nr. 327, с. 424 и далее; Forster. Die Sicherung des Lebensraumes. Boog. Der Angriff [см. сноску 16], с. 1272.

³⁰ Martin Broszat (Hrsg.) Rudolf Höß. Kommandant in Auschwitz. — München, 1963. — С. 139. Соответствующую публикацию «Сборника отчетов о русских концентрационных лагерях» ср.: Иван Солоневич. Россия в концлагерях, 1938. Не исключено, что орудие пытки под названием «карусель Богера», применявшаяся в Аушвице, имело советский аналог. Это подтверждается его применением на практике в штаб-квартире ГПУ на территории оккупированной к тому времени Риги, описанном в одном из пропагандистских изданий нацистов. Возможно, гестаповец Вильгельм Богер узнал о нем именно из этого издания. См.: Wolfgang Mund. Die GPU — Angriff auf das Abendland. — Dresden, 1942. — С. 188.

³¹ Ralf Stettner. Archipel Gulag — Stalins Zwangslager. — Paderborn, 1996. — С. 261 и далее; Lew Rasgon. Nichts als die reine Wahrheit. Erinnerungen. — Berlin, 1992. — С. 204; Kaminski. Konzentrationslager [см. сноску 22], с. 91.

³² Solonewitsch, Die Verlorenen [см. сноску 30], с. 337: «...инвалиды вымирали очень быстро, так как в ситуации острой нехватки продовольствия руководство лагеря обеспечивало провантом только более или менее полноценных работников, а инвалиды оказывались брошенными на произвол судьбы... Только через Подпорожское отделение прошло приблизительно 4500 полных инвалидов, т.е. людей, которые, даже по мнению

ГПУ, были целиком нетрудоспособными, к ним необходимо прибавить еще почти 7 тысяч «немогущей физической силы». В Спасском отделении Стеллага насчитывалось 9 тысяч нетрудоспособных узников, ежедневно гибли от 60 до 70, а в зимнее время — до 100 человек. Ср.: Alexander Solschenizyn. Der Archipel Gulag. — Bern, 1974, Bd. III. — С. 63 и далее. О спелдлагерях для узников с физическими и психическими недостатками, пожилых инвалидов см.: Stettner. Archipel Gulag [см. сноску 31], с. 202; Kaminski. Konzentrationslager [см. сноску 22], с. 53. Об исключительном случае, когда в лагере умерщвлял газом нетрудоспособных заключенных, см.: A. Solschenizyn. Der Archipel Gulag, Folgeband, с. 49.

³³ Stettner. Archipel Gulag [см. сноску 31], с. 189, в указ. раб. см. сноску 41, с. 271. Воспоминания начальника Вокрутинского лагеря в 1943 году Михаила Мальцева см.: Fritjof Meyer. In der erloschenen Hölle // Der Spiegel. — № 40. — 1997. — С. 211. Исааков ГУЛАГа Нафталий Френкель. шт. по работе: Solschenizyn. Archipel [см. сноску 32], с. 48. Об Аушвице см.: Raul Hilberg. Die Vernichtung der europäischen Juden. — Berlin, 1982. — С. 629.

³⁴ Rasgon. Wahrheit [см. сноску 31], с. 226.

³⁵ Вокрутинский архив НКВД, согласно раб. Meyer. Hölle [см. сноску 33], с. 212.

³⁶ Stettner. Archipel Gulag [см. сноску 31], с. 283.

³⁷ Uwe Dietrich Adam. Judenpolitik im Dritten Reich. — Düsseldorf, 1979. — С. 303, 307 и далее.

³⁸ Гейдрих — Геббельсу 24 сентября 1941 года: «Всех их в конечном счете... следует доставить [в лагерь, оборудованный большевиками у Северного Ледовитого океана. — Прим. авт.]; см.: Goebbels Tagebücher [см. сноску 9], Bd. 4, с. 1670, неразборчивый текст, дополненный по работе: Philippe Burtin. Hitler und die Juden. Die Entscheidung für den Völkermord. — Frankfurt/Main, 1973. — С. 151. На конференции в Ванинзе 20 января 1942 года обсуждался вопрос об «эвакуации на Восток», причем, по утверждению Адама, «злапанированное окончательное решение вопроса», похоже, должно было носить территориальный характер. См.: Adam. Judenpolitik [см. сноску 37], с. 309. Через неделю Гитлер заявил: «Евреи должны убраться из Европы! Наилучший способ для них — отправиться в Россию». См.: Jochmann. Adolf Hitler [см. сноску 17], с. 241. Спустя две недели после конференции в Ванинзе, 4 февраля 1942 года, Гейдрих сказал по поводу депортации чехов в район полярных морей буквально следующее: «...туда, где мы сможем воспользоваться концентрационными лагерями русских, в которых, по нашим нынешним данным, содержится от 15 до 20 миллионов депортированных, благодаря чему они [эти лагеря] могут стать в будущем идеальной родиной для 11 миллионов евреев Европы». См.: Центральный государственный архив в Праге, Фонд Ведомства наместника протектора, дополнительные материалы, досье 53, опубликовано в Die Vergangenheit warnt, hrsg. vom Institut für Internationale Politik und Ökonomie und dem Historischen Institut der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften — Prag, 1960. — С. 147.

стве репрессивной меры предлагал «сослать всех евреев в восточные районы, находящиеся под управлением русских»³⁹.

По данным Рихарда Корхера, осуществлявшего статистический учет деятельности СС, в 1942 году эта организация «тайком перебросила»⁴⁰ из Польши «...на восток России» 1 419 467 евреев. Попросту говоря, их депортировали в «лагеря для временного размещения переселенцев» (например, Собибор) на немецко-советской границе 1939 года, а затем большинство умертвили газом. Этим занимались преимущественно специализированные группы по этаназии. Одновременно та же участь постигла в Аушвице приблизительно 150 000 неевреев и столько же евреев, депортированных из Польши, 300 000 евреев из других стран Европы, а в 1944 году свыше 400 000 евреев из Венгрии: более половины узников были истреблены.

В это же время Сталин велел осуществить депортацию народностей Кавказа на Восток, в результате которой погибла половина всех насильственно согнанных со своих земель чеченцев, ингушей, калмыков, месхетинцев, а также крымских татар. Это отнюдь не следует воспринимать как «взаимозачет» преступлений, ведь подражанию злодеяниям также нет прощения. После завершения общего дела — разрушения Европы — и победы над своим «партнером» Сталину пришла в голову идея довести до конца дьявольский замысел Гитлера. Согласно показаниям свидетелей, он готовил депортацию всех евреев Советского Союза в «восточные районы». Наготове стояли эшелоны, и предсудматривалось, что половина ссыльных не должна была добраться до барачных живыми⁴¹.

То, что Даниилу Гольдхагену⁴² кажется «побочным явлением», на самом деле и было собственно отличием от всех других преступлений в истории человечества, связанных с геноцидом: так называемая нацистская этаназия в лагерях, когда нетрудоспособных умерщвляли газом (акция 14f13) (нетрудоспособных евреев часто даже сразу после их доставки), а не оставляли медленно умирать от голода, как это происходило в ГУЛАГе или в немецких «лечебных заведениях» для инвалидов (после 1941 года)⁴³.

Разбойный поход на Запад

Приведенные Динером исторические причины, вследствие которых народы, оказавшиеся во власти большевиков (украинцы, жители Кавказа и Прибалтики), не могли предать забвению насильственные деяния Красной Армии, являются не самыми существенными. Намного более глубокие причины открываются перед исследователем,

³⁹ H.D. Heilmann. Aus dem Kriegstagebuch des Diplomaten Otto Bräutigam: Götz Aly и др. (Hrsg.). Biedermann und Schreibtischtäter. Materialien zur deutschen Täterbiographie. — Berlin, 1987. — С. 144 и далее.

⁴⁰ Первая редакция от 23 марта 1943 года с собственноручной пометкой Гитлера вместо «доставлено для специальной обработки»: Serge Klarsfeld (Hrsg.). The Holocaust and the Neo-Nazi Mythomania. — New York, 1978. — С. 171.

⁴¹ Lustiger. Rotbuch [см. сноски 20], с. 261; Waksberg. Verfolgten Stalin [см. сноски 17], с. 229 и далее.

⁴² Daniel J. Goldhagen. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. — Berlin, 1996. — С. 603, в цит. раб.: примеч. 81.

⁴³ Предположительно, советские власти осуществили акцию по умерщвлению газом в Вокпуте в машине, оборудованной как газовая душгубка; ср.: George Saunders (Hrsg.). Samizdat. Voices of the Soviet Opposition. — New York, 1974. — С. 171; Nikolay Tolstoy. Die Verratenen von Jalta. — Berlin, 1987. — С. 558, «Комсомольская правда» от 28.10.90; Jewgenija Albaz. Geheimimperium KGB — Totengräber der Sowjetunion. — München, 1985. — С. 74 и далее; Michael S. Voslensky. Das Geheime wird offenbar. Moskauer Archive erzählen. — München, 1995. — С. 28 и далее. Возражения см.: Meyer. Holle [см. сноски 33], с. 211.

когда он обращается к теме оккупации Восточной Европы вплоть до Эльбы: после освобождения Родины и пересечения границы оборонительная война превратилась в разбойный поход против Запада. Многие красноармейцы совершали при этом массовые преступления, и напоминание о них, несомненно, следует поставить Динеру в заслугу. Менталитет советских солдат под влиянием моральных ценностей, насаждаемых в течение жизни целого поколения, а также вследствие ожесточающих условий военного времени деформировался (не менее, чем у немецких полицейских-резервистов) буквально через несколько месяцев службы.

Русские, ставшие первыми жертвами Ленина и Сталина, слишком хорошо усвоили урок: какие бы то ни было «эксперименты над человечеством» и «классовая борьба» являлись лишь ширмой, за которой скрывается исключительно борьба за власть внутри страны и вне ее. Гитлер двинул свои войска на Восток, также руководствуясь изначально не идеологическими побуждениями, например, расизмом — этой, скорее австрийской чертой, идущей вразрез с прусско-немецкой традицией. После заключения пакта о дружбе в Кремле министр иностранных дел еще в 1939 году растолковывал Гитлеру, что о «еврейском большевизме» больше не может быть речи⁴⁴. В войне против Советского Союза (после некоторых колебаний, обусловленных национальным чванством и страхом перед революцией) Гитлер даже разрешил миллиону русских сражаться на стороне немцев, причем 50 тысячам из них — под Сталинградом⁴⁵. Он также наконец понял, что отвратительный девиз о славянском недочеловеке был не только контрпродуктивным, но и попросту абсурдным⁴⁶. В конце войны он считал русских более сильным народом, которому вместо немецкого народа по праву принадлежат победа и жизнь⁴⁷.

⁴⁴ Согласно протоколу, в 1940 году он заявил Муссолини, что большевизм «утратил свою московско-еврейскую и международную сущность и превратился в славянскую московщину», «евреи во все возрастающей степени вытесняются из центральных органов управления русских», из советской оккупационной зоны на территории Польши «все евреи целиком вывезены в Сибирь»; ADAP Bd. IX, с. 1 и далее. Еще 20 января 1941 года он высказал Муссолини мысль о том, что до тех пор, пока жив Сталин, можно не опасаться советского удара с воздуха по нефтеносным районам Румынии, имеющим решающее военно-стратегическое значение, но если Сталина вдруг не станет, «на передний план» снова могут выйти евреи. См.: Percy Ernst Schramm (Hrsg.). Kriegstagebuch des OKW. — Frankfurt/Main, 1965, Bd. I. — С. 275. В 1942 году Гитлер похвалил Сталина: «Он использовал сарказм, чтобы устранить украинскую интеллигенцию. А затем отправил эшелоны с евреями в Сибирь»; см.: Jochmann. Adolf Hitler [см. сноски 17], с. 363.

⁴⁵ Alexander Dallin. Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945. — Königstein/TS., 1981. — С. 550; Rüdiger Overmans/ Das andere Gesicht des Krieges: Leben und Sterben der 6. Armee: Jürgen Förster (Hrsg.). Stalin-grad — Ereignis. Wirkung. Symbol. — München, 1992. — С. 442.

⁴⁶ Уже после признания краха своего похода на Восток, вопреки своему же отданному ранее приказу, Гитлер разрешил использовать труд русских военнопленных на территории рейха, аннулировал приказ комиссара, запретила игры с составлением планов типа «Генеральный план Ост». Было прекращено распространение пропагандистского издания «Унтерменш», последовал отказ от плана целенаправленного массового уничтожения голодом. Солдаты на фронте и без того были склонны к проявлению братских чувств, о чем свидетельствует пресловутый приказ Райхсхула: «...То и дело к партизанам и бродягам в чем-то вроде униформы, а то и в гражданской одежде относятся как к приличным солдатам и доставляют их в лагерь для пленных. ...Претерпевшим представлениям о гуманности является раздача провинатта походными куклами военнопленным и жителям сельской местности, равно как и раздавание сигарет и хлеба». Ср.: Процесс Международного военного трибунала в Нюрнберге против главных военных преступников (IMT). — Нюрнберг, 1947. — Т. XXXV, док. 411-D. — С. 84 и далее. В целях подтверждения противоположного тезиса в искаженном смысле цитируется в Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Ausstellungskatalog, hrsg. vom Hamburger Institut für Sozialforschung. — Hamburg, 1996. — С. 80; Hans-Heinrich Wilhelm. Die Einsatzgruppe A der Sicherheitspolizei und des SD 1941/42. — Frankfurt/Main, 1996. — С. 426 и далее.

⁴⁷ Albert Speer. Erinnerungen. — Frankfurt/Berlin, 1969. — С. 446. Минимая сына парадигм прослеживается в ретроспективе вплоть до краха блицкрига на Востоке, когда 27 ноября 1941 года, обращаясь к слишком сла-

Оккупационная политика Гитлера не позволила воспользоваться шансом, который, согласно Динеру, заключался в том, что во время войны дело так и не дошло до ожидаемой «разрядки внутреннего напряжения» и «существенного» сворачивания репрессий. Вместо этого появились новые категории жертв: красноармейцы, которых прямо во время боя массово уничтожали заградотряды НКВД как «трусов» и «дезертиров»; попавшие в плен советские граждане, а также их ближайшие родственники; недобросовестные работники (20-минутное опоздание каралось пятью годами тюрьмы); мнимые пособники; оstarбайтеры, освобожденные из немецкого рабства; представители нерусских национальностей; евреи.

По мнению Динера, в отличие от произвола в Советском Союзе, где на самом деле практиковался также в высшей степени бюрократический подход к террору⁴⁸, у нацистов не было на это и намека. Однако даже от взгляда Динера не ускользнул «реальный и в высшей степени хаотический характер связи» между коварным замыслом и практикой⁴⁹. На уровне практических решений царил неразбериха, при вынесении смертных приговоров «бал правил» произвол, трудоспособность оценивалась «не по параметрам конкретно взятого человека, а использовалась, скорее, в качестве ярлыка, который в соответствии с прагматическими целями СС мог произвольно меняться в зависимости от ситуации»⁵⁰. «Уничтожение трудом» — в противовес намерениям полного истребления — превратилось в идеологический камуфляж вызванной войной необходимости использовать новую рабочую силу и соответствовало, по сути, положению в советской стране, которое один из высокопоставленных сотрудников НКВД охарактеризовал следующим образом: «К чему просто расстреливать, когда легко можно заставить их несколько лет поработать и дать возможность умереть самим?»⁵¹

Гестапо, как и НКВД, в отличие от вермахта, Ведомства по экономике и хозяйству, предприятий и гражданских органов управления, игнорировало преимущества, вытекавшие из сохранения и даже стимулирования рабочей силы. Истоки этого следовало бы искать в глубинах сознания тайной полиции⁵². Драматическим подтверждением произ-

вола является послание руководителя отдела по организации принудительных работ Маурера к Гессу от 4 сентября 1943 года, в котором он третий раз просил предоставить данные о количестве трудоспособных еврейских пленников Аушвица⁵³. Ему сообщили, что «из общего числа заключенных-евреев трудоспособность сохранили только 3581 человек». Маурер удивился: «А что же делают остальные 21 500 евреев? Что-то здесь не так!» Вскоре после этого Гесса заменили, однако через год он снова вернулся в Аушвиц для селекции и уничтожения нетрудоспособных евреев из Венгрии, блокировав тем самым попытки Гиммлера установить контакт с Западом, — повсюду сплошной произвол.

Массовое удушение людей газом, которое осуществлялось на территориях, подчиненных немецким властям, является единственным в своем роде именно потому, что жертвами становились прежде всего беспомощные люди, объявленные «нетрудоспособными» после беглого осмотра врача, санитара или полицейского. Решающая разница, в отличие от постулата Динера, заключается отнюдь не в создании «человеческих боен... превосходящих все представления об эксплуатации и экономической целесообразности» в том виде, в каком они существовали во многих местах Советского Союза, в частности в селеении Быковия под Киевом или Куропат под Минском⁵⁴, — это не является характерной особенностью диктатур, как показывает превращение немецких и японских городов в такие же бойни при помощи фосфора и атомных бомб.

«Измлом» в развитии человеческой цивилизации, доведенный немецкими уголовниками до крайности — прямого массового убийства, обусловлен бездумным осуществлением идеи неизвестного автора из Нового Завета, подхваченной Лениным и возведенной Сталиным в 1936 году в ранг конституционного принципа: кто не работает, тот не ест. Он все еще остается слабо осознанным зловещим предостережением современному индустриальному обществу, для которого основная ценность человека заключается лишь в его производительности.

бому немецкому народу, Гитлер заявил: «... так пусть же он исчезнет и будет уничтожен другой, более могучей силой»; ср. Andreas Hillgruber (Hrsg.) Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Vertrauliche Aufzeichnungen über Unterredungen mit Vertretern des Auslandes 1939–1941. — Frankfurt/Main, 1967. — С. 657.

⁴⁸ Материалы дел всех узников ГУЛАГА подлежали «всечному» хранению, см.: Meyer, Holle [см. сноски 33]. Каждой волне арестов предшествовали цифровые выкладки относительно «контингента»: Voslensky, Das Geheimnis [см. сноски 43], с. 51. Согласно приказу НКВД № 0047 от 31 июля 1937 года, следовало арестовать 753 315 человек и расстрелять 356 105 «врагов». Исполнение: 767 397 задержано в соответствии с карточками учета, 386 798 — расстреляно; ср. выступления Никиты Петрова и Арсения Рогинского на научно-практической конференции Гамбургского института социальных исследований, опубликованные в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» от 25 февраля 1998 года. Первоначально план объясняется арестами членов семей. См.: Markus Wehner, Stalinistischer Terror // Aus Politik und Zeitgeschichte, 06.09.96. Для казни 25 700 польских пленников потребовалось решение Политбюро от 5 марта 1940 года, ср.: Voslensky, Das Geheimnis [см. сноски 43], с. 29 и далее.

⁴⁹ Dan Diner (Hrsg.), Ist der Nationalsozialismus Geschichte? — Frankfurt/Main, 1987. — С. 70.

⁵⁰ Wolfgang Sofsky, Die Ordnung des Terrors. Das Konzentrationslager. — Frankfurt/Main, 1993. — С. 289.

⁵¹ Kaminski, Konzentrationslager [см. сноски 22], с. 91.

⁵² 28 сентября 1942 года Гиммлер получил полномочия на «уничтожение трудом», см.: IMT [сн. 46], т. XXVI, док. 654-PS, с. 201 и далее. В тот же день генерал Гинант выразил протест против депортации 100 тысяч евреев, использовавшихся в качестве рабочей силы на территории генерал-губернаторства, и добился успеха: Федеральный архив, BA NS 19/neu 353, BA R 4603/105. О конфликте интересов Службы безопасности рейха и Главного ведомства по экономике и хозяйству (ГВЭХ) в вопросе «смерть или труд» см.: Нёб, Kommandant [см. сноски 30], с. 138 и далее, 163. В ноябре 1943 года высшим были расстреляны свыше 40 тысяч евреев из люблинских трудовых лагерей, которые незадолго до этого поступили в распоряжение ГВЭХ (ак-

ция «Урожай»). Опять-таки сам Гитлер, вопреки главной цели своей жизни, в 1944 году последнюю надежду возлагал на 100 тысяч еврейских узников, которые остались к тому времени в живых и были доставлены для производства «чудо-оружия» из Венгрии и Польши; Solonewitsch, Die Verlorenen [см. сноски 30], с. 181: «У технологии массового истребления было два лица. С одной стороны — «кровавая рука ГИТУ», т.е. хорошо продуманная, жестокая и безжалостная, тем не менее не лишенная вообще всякого смысла система. С другой — действия «активистов» [тайных агентов лагерного руководства. — Прим. авт.], которые доводили безжалостность до полного абсурда, не приносящего никому, даже ГИТУ, никакой пользы».

⁵³ Bundesarchiv Koblenz, BA NS 4, An 8.

⁵⁴ Очевидно, число жертв нацизма превышает 100 тысяч, см.: Heinsohn, Lexikon [см. сноски 6], с. 230.

Дитрих Бейрау

Нацистский режим и сталинская система

Рискованное сопоставление

Сопоставление национал-социализма и коммунизма является рискованной затеей хотя бы потому, что ввиду размаха совершенных ими преступлений неизменно существует опасность спровоцировать нежелательную реакцию, нездоровые эмоции или другие неприятные чувства. Однако для историков такое сопоставление является велением времени, ведь речь идет о поиске адекватных уровней и подходов, приближающих нас к решению этой задачи. Препятствия лежат, главным образом, в плоскости недостаточности узкодисциплинарного подхода. С учетом специфики каждого общества и его подсистем исторической наукой сформулированы специфические вопросы, разработаны методы и определены интересы, которые, однако, не являются безоговорочно применимыми в плане сопоставления. В то же время в научную практику прочно вошли компаративистские исследования феодальных систем, дворянских обществ, национализма, буржуазии, рабочего движения, крестьянских культур, систем правления. При этом цель сопоставления — более четкое освещение индивидуальной специфики исторических явлений. Только такой подход позволяет отличить общее от частного¹. Наиболее плодотворными представляются сопоставления среднего уровня. В качестве конкретных примеров именно такого рода исследований можно привести: сопоставительное рассмотрение феномена культа личности²; сравнительную оценку отчетов гестапо и НКВД³ о настроениях среди населения; изучение роли биологии, генетики, евгеники и дарвинизма⁴ или (из практики последних событий) сопоставление функций и методики доносительства в различных общественных системах⁵. Далее речь пойдет, прежде всего, о некоторых главных аспектах затронутой проблемы:

¹ Heinz-Gerhard Haupt/Jürgen Kocka (Hrsg.) *Geschichte und Vergleich. Ansätze und Ergebnisse vergleichender Geschichtsschreibung*. — Frankfurt a. M./New York, 1996; Hartmut Kaelble/Jürgen Schriewer (Hrsg.) *Diskurse und Entwicklungspfade. Der Gesellschaftsvergleich in den Sozial- und Geisteswissenschaften*. — Frankfurt a. M./New York, 1999.

² Martin Loiperdinger и др. (Hrsg.) *Führerbilder. Hitler, Mussolini, Roosevelt, Stalin in Fotografie und Film*. — München/Zürich 1995.

³ Sarah Davies. *Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent 1934–1941*. — Cambridge, 1997; David Bankier. *Die öffentliche Meinung und der Hitler-Staat. Die „Endlösung“ und die Deutschen. Eine Berichterstattung*. — Berlin, 1995.

⁴ Mark B. Adams. *The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil and Russia*. — Oxford, 1989.

⁵ См. статьи в журнале: *The Journal of Modern History*. — № 4. — 1996; Alf Lüdtke (Hrsg.). *Denunziantentum in der Neuzeit // Sozialwissenschaftliche Informationen*. — № 2. — 1998.

1. О признаках и последствиях «немецкой» и большевистской революций.
2. Об утопических целях и ожиданиях всеобщего благоденствия в обеих системах и вытекающих из этого маркировок врага.
3. О неомеркантильном мышлении и его последствиях для внутренней и внешней политики.

Признаки и последствия «немецкой» и большевистской революций

С конца 60-х годов, когда холодная война пошла на спад, теория тоталитаризма стала пользоваться в западных научных кругах дурной славой. Зато оппозиционные движения в Восточной Европе именно в теориях подобного рода нашли адекватное средство для истолкования собственного прошлого и настоящего. Это утверждение в равной мере справедливо и в отношении зачастую довольно беспристрастного отождествления национал-социализма и сталинизма. Оппозиционные движения взяли на вооружение опыт современных им критиков и противников обеих диктатур, в том числе так называемых ренегатов, которые после 1945 года ратовали за «свободный мир», и российских современников, знавших о национал-социализме лишь понаслышке или только по антифашистской пропаганде. Размышления подобного рода так или иначе приводили к установлению сходства (или даже отождествлению) между Гитлером и Сталиным, их культами личности, однопартийными системами и проявлениями насилия, возведенного в ранг государственной политики. В конце 30-х годов в докладных записках НКВД сообщалось, что в Ленинграде существуют настроения, согласно которым режим Гитлера считается более положительным по сравнению с советским.

После установления в Советском Союзе культа личности различие между Гитлером и Сталиным, по мнению интеллигенции, исчезло окончательно. Писатель Пастернак увидел в диктатуре национал-социалистов лишь реакционный придаток или кривое зеркальное отражение революционной России⁶. В начале войны антибольшевистский ученый В. И. Вернадский пришел к выводу, что национал-социализм является еще более упадочной системой по сравнению с коммунистическим режимом⁷. На исходе сталинской эпохи писатель Василий Гроссман размышлял о сходстве между национал-социализмом и сталинизмом с точки зрения морали, причем обоснование этого тезиса позже стало явно обозначенной темой его творчества⁸. В ретроспективе речь шла о красном и коричневом фашизме, о противопоставлении геноцида и социцида⁹. Нельзя просто отмахнуться от этих свидетельств современников, наоборот, их нужно воспринять как импульс к поиску путем дифференциации и соотнесения с более широким историческим контекстом.

Внешнее различие обеих систем является, прежде всего, следствием различных истоков. Национал-социализм — это результат революции среднего класса. Облик этого класса определяется страхом перед понижением социального статуса, болезненными амбициями, зависимостью от стереотипов и не в последнюю очередь потребностью в

⁶ Е. Б. Пастернак. Борис Пастернак. Материалы к биографии. — Москва, 1989. — С. 51 и далее.

⁷ Владимир Вернадский/Под ред. В. И. Ворожейкина и др. — Москва, 1993. — С. 241.

⁸ Василий Гроссман. Жизнь и судьба. — Лозанна, 1980. — С. 269 и далее (в переводе на немецкий язык: *Leben und Schicksal*, München/Hamburg 1984, с. 415 и далее).

⁹ Юрий Дружников. Вознесение Павла Морозова. — Лондон, 1988. — С. 257.

компенсации за национальное унижение. «Немецкая» революция и порожденный ею режим опирались на несравнимо более широкую общественную поддержку по сравнению с большевистской диктатурой. Скорее всего, это можно объяснить тем, что сначала с «национальной» революцией связывались совершенно различные ожидания. И хотя захвату власти предшествовало латентное состояние гражданской войны, все же не могут не порадовать уровень одобрения и легкость, с которой были распушены конкурирующие партии, общенациональные организации и профсоюзы, равно как и сравнительно беспрепятственное самоприобщение к господствующей идеологии большинства объединений и учреждений во главе с представителями интеллигенции — начиная от врачей и заканчивая преподавателями высших учебных заведений. Также беспрепятственно осуществлялось последовательное вытеснение левых и евреев из общественной жизни, отчасти административными мерами, отчасти назидательным применением силы.

Из притязаний обоих режимов на формирование нового общества, в котором «садовниками», уничтожающими сорняки, стали бы оба вождя, вытекают некоторые сходные черты этих политических диктатур: вождизм, однопартийная система, монополия на средства массовой информации и разгул насилия, возведенного в ранг государственной политики. В исторических исследованиях последних десятилетий эти достаточно формальные дефиниции подверглись если не искажению, то по крайней мере тщательной дифференциации и модификации. Вождизм в партийном и государственном аппарате формировал систему послушания и угодничества, уничтожившую принцип разделения функций, полномочий и власти между этими аппаратами и внутри них и по-своему спровоцировавшую беспорядочную схватку кланов и поликратическую анархию. Разрушение границ политического насилия высвободило саморазрушительные тенденции, проявившиеся, однако, с различной степенью интенсивности: в случае с национал-социализмом — во время войны, в случае со сталинской системой — в период индустриализации и Большого Террора против руководства партии и государства. «Полицейский коммунизм», — говорил В.И. Вернадский, — растет и фактически разъедает государственную структуру»¹⁰.

Национал-социалистический и сталинский режимы были наследниками кризиса либерально-имперских систем, вылившегося в Первую мировую войну. Мобилизация под националистическими лозунгами, пропаганда ненависти и насилия воспринимались не как отход от цивилизации или исключение из ее правил на период войны, а как модель интеграции и совершенствования самих общественных систем. Ибо главным признаком их стала открытая, зачастую показная демонстрация готовности к насилию. Большевистская — и сталинская — система была, однако, порождением противоречий и несуррогатов народной революции, «отечественной традиции» (*native tradition*) — Теодор фон Лауэ), перелицованной на потребу революции, которые безвозвратно уничтожили замыслы либеральной, гражданской модернизации России. Вместо модернизации с ее признаками конституционализации, коммерциализации, социальной и региональной дифференциации прочно утвердились элементы шлейбейско-пролетарской культуры с ее ненавистью к войне господ, ее ажиотажем вокруг понятий равенства и справедливости, ее «*absolutisme populaire*» (Марк Ферро) с сопутствующими явлениями демонетаризации и «стирания различий». Возрождение старой крестьянской общины было, наверное, наиболее ярким

признаком обновленной традиции. Это усугублялось большим количеством национальных революций с их весьма различными, часто противоположными устремлениями.

Большевики были частью этой народной революции, одновременно ее наследниками и ликвидаторами. Ибо утвердить надолго свою власть они могли лишь через гражданскую войну, которая велась не только против собственно контрреволюционных сил, но и против крестьянства, а опосредованно и против рабочего класса и, наконец, против национальных движений, в частности в Средней Азии и Украине. Если национал-социалисты небезосновательно полагали, что представляют ядро новой «народной общности», то большевики в конце гражданской войны вполне справедливо ощущали себя авангардом, несоотнесшимся с каким-либо классом и опиравшимся только на механизмы власти. В символическом виде это проявилось в том, что до середины 30-х годов членам партии было разрешено носить при себе револьвер. В сравнении с войной большевиков против собственного народа гитлеровский режим, несмотря на все его аномалии и насилие, может показаться почти революцией, основанной на национальном консенсусе. Популярность Гитлера все время, вплоть до победы над Францией, неуклонно росла.

Утопические цели и ожидание всеобщего блага в обеих системах

В чем же тогда заключаются тоталитарные признаки обоих режимов вопреки их генетическим различиям? Исторические исследования национал-социализма и сталинской системы со всей очевидностью показали, что необходимо различать их всеохватные притязания, тоталитарную практику, в соответствии с которой все члены общества должны стать управляемыми, и строптивую реальность, которая, казалось, каждодневно глумилась над фантазиями о возможности повальной общественной мобилизации во благо рейха или социализма. Обе системы отличались от традиционных диктатур и тираний тем, что вышли из массовых движений. Они черпали силы не в злободневных социально-политических надеждах, а в сильных светско-религиозных подводных течениях и ожиданиях спасительного блага. Поскольку по вполне понятным причинам этим ожиданиям не суждено было осуществиться, для поднятия духа и создания торжественно-культурного вида использовались ритуалы, почерпнутые из социалистических движений, христианства и военной традиции: партийные съезды, напоминавшие массовое священнодействие, парады, демонстрации, освящение флага у национал-социалистов, стандартная риторика критического и самокритического содержания, постоянное понуждение к публичным чистосердечным раскаяниям, особенно в сталинский период, показная счастливая жизнь, культ героев и не в последнюю очередь влияние харизмы вождя в гитлеровской Германии и послереволюционной России с последующим перерастанием в культ личности Сталина в конце 20-х годов¹¹.

¹⁰ Воровский, Владимир Вернадский [см. сноски 7], с. 237; Dieter Rebentisch. *Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg*. — Stuttgart, 1989.

¹¹ Olga Velikanova. *Making of an Idol: On Uses of Lenin*. — Göttingen, 1996; Benno Ennker. *Die Anfänge des Leninkultes in der Sowjetunion*. — Köln, 1997; О же. *Politische Herrschaft und Stalinskult 1929–1939*; Stefan Plaggenburg (Hrsg.). *Stalinismus: neue Forschungen und Konzepte*. — Berlin, 1998. — С. 151–182; Klaus Vonung. *Myth and Manipulation. Ideologischer Kult und politische Religion des Nationalsozialismus*. — Göttingen, 1971; Yvonne Karow. *Deutsches Opfer: kultische Selbstausschöpfung auf den Reichparteitagern der NSDAP*. — Berlin, 1997.

Обоим движениям и режимам можно приписать признаки политической религии¹², однако с точки зрения жизненного опыта и истолкования действительности они все-таки отличаются друг от друга. Нацистское движение и предшествовавшая ему более ярко интеллектуально выраженная «консервативная революция» были связаны с романтикой, консерватизмом, установившимся после французской революции, а также с многообразной амбивалентной критикой современной цивилизации. Индивидуальный опыт идеологов этого движения определялся ходом и последствиями Первой мировой войны и нес на себе печать пережитой катастрофы, а также ощущение пробуждения, призванного указать пути преодоления кризиса¹³. Не случайно катастрофа под Сталинградом должна была содействовать переходу в новое качественное состояние — «народную общность»: руда должна была стать железом, солдат — новым солдатом, а народ — новым народом¹⁴.

Большевики же считали себя наследниками Просвещения и французской революции, призванными продолжить и завершить то, что в буржуазном мире осталось невыполненным. Они видели себя исполнителями предначертаний истории. Им казалось, что марксизм вложил в их руки орудие познания социальной действительности и ее исторических закономерностей. Ленинизм претендовал на то, чтобы посредством стратегических указаний обеспечить воплощение этих идей в практику политической деятельности¹⁵. Но поскольку действительность и человек оказались строппивее, чем предполагалось, прощенный оптимизм начиная с 1927 года, периода второго революционного подъема, а также в ходе так называемой культурной революции переродился в концепцию перевоспитания, переделки, перешлифовки и перековки классов, индивидуумов и общества в целом¹⁶. Практически речь шла либо о достижении такого «самостояния», которое создавало бы иллюзию тождества между партией, коллективом и индивидуумом, либо о принудительном труде как средстве перевоспитания.

Поначалу жесточайшая эксплуатация в лагерях и на стройках коммунизма хоть как-то увязывалась с мифом о перевоспитании трудом классово близких уголовников и классово чуждых контрреволюционеров, кулаков, торговцев и других «вредителей». Здесь возросла роль литераторов как «инженеров человеческих душ». Это особенно ярко проявилось на примере наиболее известного представителя писательской среды — Максима Горького. Ему была уготована роль провозглашателя лозунгов, причем не только в узкой культурной среде. Как человек, пользующийся уважением, он был призван стать глашатаям большевистской ненависти к крестьянам, воплощавшим темное прошлое старой России. Горький облагодотворил представления большевиков об их героической миссии Прометея и создал миф об индустриальном труде. При этом необходимо учитывать и то, что гимн, воспетый им и многими другими писателями прекрасным преобразова-

ниям человека посредством принудительного труда, ни в коем случае не был исключительно результатом давления извне. «Мы освободили труд от арестантских одежд и превратили любую работу в творчество», — такие словословия с явным намеком на принудительный труд раздавались даже за рубежом¹⁷.

Освобожденный труд в большевистской пропаганде и литературных произведениях, в кинофильмах и спектаклях выполнял целебную функцию перевоспитания. Благодаря ему узники могли очиститься от своего грязного прошлого. Многим лагерным газетам с названием «Перековка» было запрещено выходить под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединитесь!» Вместо этого их украшало изречение Сталина: «Труд в СССР — дело чести, доблести и геройства». Рядовые трудящиеся каждый день служили мессе чудодейственного влияния труда. Кульминацией мистификации социалистического трудового энтузиазма стало стахановское движение. По сталинскому сценарию, оно было призвано внушить представление о раскрепощении и новом качестве физического и индустриального труда, т.е. достичь цели, которая оказалась недостижимой для социалистических движений на Западе (единственное, чего им удалось добиться, — это создать культ рабочего, свободного от восприятия труда как насилия и гнета). Сталинизм же представил утопию в виде реальности и породил таким образом обычную шизофрению, когда человек вынужден был раздваиваться между реальностью и директивной утопией.

Труд в идеологическом контексте национал-социализма фигурировал — по крайней мере, в песнях «Трудовой повинности» и «Немецкого Фронта Труда» — в ином качестве, а именно как средство создания «народной общности»¹⁸. Почести умственному и физическому труду начали воздаваться лишь с 1933 года, т.е. с момента провозглашения 1 мая государственным праздником — «красным днем календаря», а подчеркивание равенства обоих видов труда было призвано способствовать вращению рабочего класса в «народную общность». Мускулистый рабочий рядом с солдатом и крестьянином, а в Советском Союзе — с крестьянкой (!) стал излюбленным объектом изобразительного искусства обеих систем.

Мистификация труда нацистским режимом продолжалась и в лагерях. Для «чужих» рабочих существовали «воспитательные лагеря», а сами они попадали в категорию узников, «находящихся на перевоспитании». На воротах концентрационных лагерей Дахау и Аушвиц красовалось изречение: «Труд делает свободным» («Arbeit macht frei»). Внешнему миру пыталось внушить мысль, что врагом является всякий, кто боится работы и ленив по натуре. Изречение вызвало к фанатическому представлению о порядке с его ненавистью к отклонениям любого рода, присутствовавшим отнюдь не только в сознании нацистов. Таким образом, в разных условиях и с очень разными подтекстами раздавались лживые заверения в том, что проблему приобщения к труду, с которой не справились ни буржуазия, ни социалистические движения, можно считать решенной.

¹² Hans Maier. «Totalitarismus» und «politische Religionen» // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — № 3. — 1995. — С. 387–405; Michael Ley/H. Schoeps (Hrsg.). Der Nationalsozialismus als politische Religion. — Bodenheim bei Mainz, 1997.

¹³ J.M. Rhodes. The Hitler Movement. — Stanford/Cal., 1980; Stefan Breuer. Anatomie der konservativen Revolution. — Darmstadt, 1993. — С. 46 и далее.

¹⁴ Michael Kumpfmüller. Die Schlacht von Stalingrad. Metamorphosen eines deutschen Mythos. — München, 1995. — С. 76; Detlev J.K. Peukert. Volksgenossen und Gemeinschaftsfremde. Anpassung, Ausmerze und Aufbegehren unter dem Nationalsozialismus. — Köln, 1982. — С. 89.

¹⁵ Hannah Arendt. Über die Revolution. — München, 1974. — С. 65; Alain Besançon. The Intellectual Origins of Leninism. — Oxford, 1981.

¹⁶ Joachim Klein. Belomorkanal. Literatur und Propaganda in der Stalinzeit // Zeitschrift für Slavische Philologie. — № 1. — 1995/96. — С. 53–98, здесь: с. 59 и далее.

¹⁷ Wolfgang Klein (Hrsg.). Paris 1935. Erster Internationaler Schriftstellerkongress zur Verteidigung der Kultur. Reden und Dokumente. — Berlin, 1982. — С. 132 и далее.

¹⁸ Elin Fredstedt. Die politische Lyrik des deutschen Faschismus // Text & Klartext. — № 2. — 1980. — С. 353–377; Alf Ludtke. Wo blieb die rote Glut? Arbeitererfahrungen und deutscher Faschismus: On the (Hrsg.). Alltags-geschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebenswelten. — Frankfurt a.M., 1989. — С. 224–282.

Маркировка врагов и насилие

Несмотря на различия интеллектуальных и политических традиций, давших жизнь обеим системам, в них все же можно обнаружить одинаковую, хотя и сфокусированную на разных врагах структуру мышления в меняющихся конфигурациях теорий заговора. У нацистов всегда было наготове утверждение о существовании еврейского мирового заговора, начиная от Москвы и заканчивая Уолл-стрит. Достаточно привести цитату из выступления Геббельса 1937 года в связи с войной в Испании:

«Демократия... на поверку все больше и больше оказывается вывеской капитализма. Большеизм доводит ее до окончательного финала. Он, так сказать, является демократией террора... В условиях демократии головы побеждаются числом голов, в условиях большеизма они отсекаются ножом гильотины! Результат и там и здесь один: головы отсутствуют, а из ставшей безголовой массы мировое еврейское движение, ничего не опасаясь, может воздвигнуть диктатуру террора и дегнег»¹⁹.

В большевистской системе роль евреев выполнял империализм во всех его обличьях. В 1937 году он принял обличье троцкизма, в чем Сталин пытался убедить Центральный Комитет: из течения в рабочем движении троцкизм, по его убеждению, превратился в невидимую сеть заговоров против Советского Союза, охватившую весь мир. Будучи на службе у фашистской Германии и империалистической Японии, троцкисты якобы стремятся к расчленению Советского Союза. Поэтому пропагандистской основой новой троцкистской платформы стали шпионаж и саботаж. Троцкисты «скрывают свои взгляды и свою платформу не только от рабочего класса, не только от рядовых троцкистов, но и от троцкистского руководства — вот она истинная физиономия современного троцкизма». Поэтому «обязательным качеством каждого большевика должна стать способность выселить классового врага, как бы он ни маскировался»²⁰. В немецких коммунистических кругах поговаривали о «нюхе» на «замаскировавшихся» врагов партии. В нацистской риторике словосочетание «замаскировавшийся еврей» также было излюбленной стилистической фигурой.

Общей для обеих систем была нескрываемая риторика насилия: искоренение, устранивание и ликвидация стали расхожими словами. Размах и способы насилия в нацистской Германии удерживались в секрете, зато в Советском Союзе с середины 30-х годов — публично демонстрировались и приветствовались. Навязчивое желание создать нового человека и новое общество породило специфические способы маркировки врага, оставшиеся далеко позади все то, что практиковалось ранее классическими диктатурами и тираниями. Правда, врагами и в этом случае были политические противники, но неизмеримо изменились масштабы, так как отныне врагами начали провозглашать целые социальные группы: одним не находилось более места в новом обществе, а других следовало низвести до статуса илотов. Отчасти вульгарные, отчасти официальные штампы

создавали образ вредных по своей природе людей: у нацистов ими были носители наследственных болезней, чуждающиеся «народной общности», расово неполноценные (евреи, цыгане или славяне); у большевиков — классовые враги, «бывшие» (дворяне, купцы, капиталисты, полицейские, царские служащие), чуждые классовые элементы и, наконец, «вредители» и «враги народа». Общие для обеих систем. Врагами провозглашались безотносительно к реальным установкам и поведению — речь шла об идеологическом конструкте, о воображаемом враге, который, однако, подвергался вполне реальным репрессиям. Указанные группы в зависимости от ситуации — подходящего случая или сигнала к травле — получали несмысловое клеймо, подвергались дискриминации, депортации, голодной смерти, систематическому уничтожению частями, осуществлявшимся расстрелом²¹, или в нацистских лагерях смерти, где физическая ликвидация была поставлена на промышленную основу. Воображаемый враг, его символическая или реальная «ликвидация», или «уничтожение», стали основным признаком обеих систем²².

Таким образом, некоторые структурные аналогии между обеими системами вряд ли можно отрицать. Однако самой большой помехой для сравнения остается «короткий фашизм» и «длинный коммунизм». На первый взгляд национал-социализм до 1939 года скорее напоминал авторитарные фашистские режимы в Южной, Восточной и Центральной Европе. Его чрезвычайно разрушительные тенденции проявились лишь во время войны. Война и завоевания оказались главными движущими силами нацистской политики. Приблизительное сопоставление цифровых данных о количестве жертв нацизма и сталинского режима только среди мирного населения свидетельствует о том, что с немецкой стороны за шесть лет войны погибли от 6 до 7 миллионов человек, из них, по предварительным оценкам, 2,6 миллиона евреев, жизнь которых оборвалась в газовых камерах лагерей смерти на территории Польши. В сталинское время в результате акций по физическому уничтожению, в большинстве случаев расстрелов, погибли порядка миллиона человек. Однако если принять во внимание умерших в лагерях, а также во время голодомора 1932–1933 годов, то общее число жертв наверняка превзойдет аналогичный показатель нацистской стороны²³.

Отличительной особенностью советского режима с самого начала стала череда репрессий разной степени интенсивности и разных форм, часто со смертельным исходом для жертвы. При этом изменялась и маркировка врагов. Если вначале были «контрреволюционеры» — довольно расплывчатая категория, впрочем, как и все остальные, то с конца 20-х годов на смену им пришли «вредители» из числа буржуазных специалистов,

²¹ Наверное, не случайно и то, что на фотографиях, демонстрировавшихся в рамках выставки, посвященной преступлениям вермахта, во многих случаях невозможно было различить жертв и исполнителей — немецкие зондеркоманды и спецподразделения НКВД по приведенно приговоров в исполнение. Ср.: Krisztian Ungváry. *Echte Bilder — problematische Aussagen // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht.* — № 10. — 1999. — С. 585–595.

²² Именно эти аспекты оказались в центре внимания Стефана Куртуа и других авторов «Черной книги коммунизма». Ср.: Stéphane Courtois и др. (Hrsg.). *Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror.* — München/Zürich, 1997. Данные о жертвах нацистского режима см.: Herbert Jäger. *Verbrechen unter totalitärer Herrschaft. Studien zur nationalsozialistischen Gewaltkriminalität.* — Freiburg, 1967; Wolfgang Benz (Hrsg.). *Dimension des Völkermords: Die Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus.* — München, 1991; Ulrich Herbert (Hrsg.). *Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945. Neue Forschungen und Kontroversen.* — Frankfurt a.M., 1998; Helge Grabitz/Klaus Basilein (Hrsg.). *Die Normalität des Verbrechens. Bilanz und Perspektiven der Forschung zu den nationalsozialistischen Gewaltverbrechen.* — Berlin, 1994.

²³ Stephan Wheatcroft. *The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930–1945 // Europe-Asia Studies.* — № 8. — 1996. — С. 1319–1353.

¹⁹ Joseph Goebbels. *Die Wahrheit über Spanien.* — München, 1937. — С. 12.

²⁰ Речь Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года // Вопросы истории. — № 3. — 1995. — С. 7 и 4. Ср. такие же высказывания Ежова: Вопросы истории. — № 4, 5. — 1992. — С. 5, 9 и далее.

затем «кулаки» и их «пособники», наконец, «замаскировавшиеся» враги партии в государственных и партийных органах. Перед войной, во время нее и после ее окончания очередными врагами стали различные этнические группы, а в заключение был инсценирован большой сионистский заговор. Существенное отличие от нацистского террора заключается не только в продолжительности самых разнообразных репрессий, о которых у современников (и историков) довольно часто оставалось достаточно смутное представление, но и в менее выраженном намерении убивать. «Ликвидация» классового и иного врага вначале означала лишь предание его анафеме, дискриминацию, уничтожение привычных жизненных и культурных условий (прежде всего это касалось крестьян и кочевников), депортацию, принудительный труд и подчинение самым разнообразным «режимам» — от колхоза до исправительно-трудовых лагерей. Смерть была скорее сопутствующим явлением, результатом преступной халатности и пренебрежения со стороны администрации, чем следствием целенаправленного намерения убийства. Однако массовое вымирание крестьян в 1932–1933 годах или узников лагерей сознательно принималось в расчет. Во времена Большого Террора в 1937–1938 годах массовое убийство стало прямой задачей «органов». Выполнение этой задачи сравнимо с действиями немецких зондеркоманд на оккупированных территориях Восточной Европы.

Что касается репрессированных, но не подлежащих непосредственному уничтожению групп, то, так же как и в Европе, оккупированной немцами, они должны были «повышать производительность» в процессе насильственного труда. При этом официальной целью советской политики (правда, во все более слабых формах) было «перевоспитание» узников. Здесь обнаруживается остаточное действие социалистического просветительского оптимизма в извращенной форме. «Перевоспитание» пошло на пользу, прежде всего, потомкам кулаков, получившим шанс на реинтеграцию в советское общество. Рабочие-рабы в оккупированной нацистами Европе сортировались в первую очередь по расовым признакам, соответствующим было и отношение к ним — с прицелом на будущее общество, разделенное на народы-илоты и немецкую расу господ.

По сравнению с «недолговечным национал-социализмом» советская система отличалась более высокой, в некоторой степени насильственной мобильностью населения. Эта мобильность стала отчасти намеренным, отчасти сопутствующим явлением бурных процессов, начиная с гражданской войны, индустриализации и коллективизации и вплоть до Второй мировой войны. Социальные взлеты и падения, миграции и депортации сопровождались попытками управлять обществом путем отнесения людей к определенному классовому статусу, который мог принести привилегии или обусловить дискриминацию. В 20-е годы от этого особенно пострадали так называемые лишенцы. К данной категории относились чиновники, офицеры и полицейские царского времени, не сумевшие пристроиться в советских государственных учреждениях, а также священники и предприниматели, позже — кулаки. Эти группы, определение которых носило произвольный характер, лишались и без того мало значившего права голоса, что влекло за собой многочисленные притеснения: ограничения в праве на образование детей, на получение жилищной и большого количества дополнительных пайков и всевозможных товаров, а также на свободу передвижения. Свидетельству об арийском происхождении и наследственном здоровье в гитлеровской Германии соответствовало документальное подтверждение классового происхождения в советской России. Приведем по два примера из среды интеллигенции. Писатель Михаил Булгаков, подвергшийся общественному ostracismu как представитель «мелкобуржуазного отродья», пытался скрыть, что он сын церковного

цензора, и свое пребывание на «белой» территории²⁴. Уже будучи популярным и официально признанным поэтом, Александр Твардовский и после 1953 (!) года не оставлял попыток уничтожить в своих личных бумагах записи о том, что он сын кулака²⁵. Готфрид Бенн заказал расследование в Великобритании, чтобы выяснить, действительно ли среди его предков были евреи, в чем его неоднократно упрекали враги²⁶. Начиная с историка Карла Дитриха Эрмандта, который отнюдь не вопреки своим убеждениям писал учебники по истории, выдержанные в нацистском духе, столкнулся с большими трудностями, когда его будущая жена не смогла предоставить доказательства своего арийского происхождения²⁷.

В Советском Союзе 30-е годы прошли не только под знаком различных кампаний по проверке партийных документов и партийных чисток, но и (после введения внутренних паспортов) многочисленных акций по разоблачению и устранению «классово чуждых элементов» из городов и с мест их работы в колхозах, на предприятиях, стройках, в государственных структурах и даже в партийных органах. И снова особенностью советской политики, в отличие от политики борьбы за чистоту арийской расы в Германии, стал ее кампанийский характер и не особенно высокий уровень эффективности. Однако тот, кто понапад в поле зрения «органов», уже не мог избавиться от клейма. После увольнения из университета и отказа в награде за выдающиеся успехи на поприще дипломатии и истории историк Б.А. Романов испытывал «шещающую боль... дискриминации по цвету кожи (ибо не можешь же ты переменить дату твоего рождения)»²⁸. Таким образом, здесь даже после окончания войны речь шла о проблеме буржуазного происхождения, которая стала проблемой «цвета кожи» (!), так как автор этого высказывания попал под подозрение органов намного раньше.

Реинтеграция и «успешное» перевоспитание, т.е. непрерывные унижения и подавление своей воли, наверняка нанесли тяжелые психологические травмы миллионам людей, которые отсидели свой срок, вернулись из ссылки или вынесли публичные моральные издевательства. Это относится даже к тем многочисленным инженерам, ученым, военным, служащим и специалистам, которым после выхода из тюрьмы или возвращения из ссылки в конце 30-х годов удалось занять высокие должности в научных учреждениях, конструкторских бюро или органах управления. Когда речь шла о пользе для партии и государства (как ее видело руководство), политика предоставления того или иного статуса в Советском Союзе была более гибкой по сравнению с кондовым расизмом в Германии.

Фиксация классового статуса, а также официальная регистрация национальной принадлежности в сочетании с планово-распределительной экономикой способствовали формированию общества с многочисленными сословными признаками, что наиболее ярко проявлялось в различном фактическом и правовом статусе заключенных, сельских и городских жителей с последующей более тонкой дифференциацией, особенно среди городских жителей. Апартеиду в Германии соответствовало некое подобие сословного (по индустриальному признаку) общества в Советском Союзе.

²⁴ М. Чудакова. Жизниописание Михаила Булгакова // Москва. — № 7. — 1987. — С. 5–52, 35 и далее; № 8. — 1987. — С. 9–87, здесь: с. 66 (цитата).

²⁵ А. Твардовский. Из рабочих тетрадей // Знания. — № 7. — 1989. — С. 124–192, здесь: с. 132.

²⁶ Harald Steinhagen (Hrsg.): Gottfried Benn. Briefe an F.W. Oelze 1932–1945. — Wiesbaden/München, 1977. — С. 32 и далее.

²⁷ Martin Kröger/Roland Thünne. Die Geschichtsbilder des Historikers Karl Dietrich Erdmann. Vom Dritten Reich zur Bundesrepublik. — München, 1996. — С. 54 и далее.

²⁸ В.М. Панася. Борис Александрович Романов. Письма друзьям и коллегам // Отечественная история. — № 3. — 1993. — С. 125–154, здесь: с. 139.

Неомеркантильное мышление и его последствия для внешней и внутренней политики

Разруха в мировой экономике послевоенного времени и экономический крах царской империи, продолжавшийся в советской России, способствовали возрождению концепций неомеркантилизма. В Германии они стали продолжением довоенных планов относительно Центральной Европы. Под влиянием военной экономики, а также последующих кризисов эти концепции провозглашались то под лозунгом автаркии, то под лозунгом создания крупномасштабной хозяйственной системы. Она должна была конкурировать с Британской империей, колониальной Францией и США. Цель заключалась в создании на европейском континенте экономической империи под немецким господством и контролем. В рамках этой концепции Восточная Европа имела скорее второстепенное значение для немецкого хозяйства. Ей была отведена роль поставщика сельскохозяйственной продукции и сырья. В стратегических планах нацистов Восточная Европа и Советский Союз фигурируют почти исключительно как находящийся под угрозой источник ресурсов, охраняемый «красным драконом». В зависимости от политической конъюнктуры эти регионы следовало использовать в интересах экономических и военных планов либо мирным, либо военным путем.²⁹

Гитлер упрощенным и жестоким образом воплотил значительно более изощренные концепции создания крупномасштабных экономических систем, первоначально не лишённые элементов сотрудничества и взаимной выгоды и возникшие как отклик на мировой экономический кризис. Гитлеровские планы по созданию «империи на Востоке» представляли в форме тривиальных вариантов неомеркантилистской концепции, одобренной и узаконенной расистским социальным дарвинизмом. Вопреки реальным историческим тенденциям развития, отличительными особенностями которых были перемещение промышленности на Восток и переплетение немецкой промышленности с индустрией Западной Европы и США, основанное на конкуренции и разделении труда, Гитлер и его клика поставили выживание немцев в зависимости от численности населения, территориальных владений («жизненного пространства») и подчинения, а также эксплуатации или изгнания соседних народов на «восточных территориях». Этот жестокий и упрощённый максималистский подход определил политику в странах Восточной и Юго-Восточной Европы. Она основывалась на меркантилистской концепции, в соответствии с которой экономический успех являлся захватом добычи и эксплуатации по принципу *кто-то теряет, кто-то находит* (one man's gain, another man's loss)³⁰. Причём это понималось буквально, о чем и свидетельствуют сохранившиеся фрагменты общего плана «Восток» и, прежде всего, практика оккупационной политики.

Предметом отдельного анализа может стать вопрос о том, не руководствовались ли выдающиеся марксисты при создании теории развития империализма, особенно Ленин, критериями неомеркантилизма, и если да, то в какой степени. Однако в любом случае их главная идея относительно капиталистической и империалистической эксплуатации отталкивается от предположения, что богатство достигается только путем эксплуатации.

²⁹ Rolf-Dieter Müller. Das Rußlandbild der Wirtschaftseliten im «Dritten Reich» Problemskizzen und Hypothesen: Hans-Erich Volkmann (Hrsg.). Das Rußlandbild im Dritten Reich. — Köln/Wien, 1994. — С. 357–385, здесь: с. 373.

³⁰ Johannes Burckhardt. Der Umbruch der ökonomischen Theorie: August Nitschke (Hrsg.). Verhaltenswende in der industriellen Revolution. Beiträge zur Sozialgeschichte. — Stuttgart, 1975. — С. 57–72, здесь: с. 60.

Это представление соответствовало — что и было подтверждено в ходе революций — враждебному восприятию коммерции любого рода, которое то и дело обнаруживает себя как в популярных стереотипах, так и в интеллектуальном репертуаре популизма и марксизма. Успех клише о «кулаке» как о крестьянине-богаче, который обогащается за счёт односторонней, может быть объяснен только с учётом этого подчеркнуто враждебного восприятия богатства. Причём в городах, в рабочей среде, оно было ещё более распространено и увязывалось с более устаревшим пониманием кулака как «миродея», т.е. односторонника, который обогащается за счёт всей деревни. В основе большевистской политики времен гражданской войны, дискуссии 20-х годов среди партийных теоретиков и, наконец, коллективизации сельского хозяйства лежали предположения о том, что индустриализация и «социалистическое накопление» осуществимы лишь при условии лишения чего-то рабочих и особенно крестьян. Наряду с печально известными теориями Э.А. Преображенского о функции крестьянства как внутренней колонии советской России, так называемая таблица Сталина — Немчинова была, по всей видимости, оправданием коллективизации, осуществлявшейся параллельно с «ликвидацией кулачества как класса» и сопутствовавшими ей реквизициями. Таблица Сталина — Немчинова должна была доказать, что продовольственное снабжение городского населения и экспорт зерна до 1914 года были обеспечены эксплуатацией со стороны кулаков и помещиков. Секретное послание партийным активистам гласило, что отныне пролетарское государство должно взять на себя функцию кулаков и помещиков и повести войну против крестьянства, в случае необходимости — вплоть до вымирания последнего от голода.³¹

Коллективизация и искусственный голодомор 1932–1933 годов стали кульминацией политики («добычи трофеев»), которая постоянно практиковалась с 1918 года. В период народной революции все началось с экспроприации помещиков и буржуазии. Затем последовала реквизиция продовольствия у крестьян в период гражданской войны и разграбление церковного имущества в 1922 году под предлогом оказания помощи голодающим. В ходе преследования так называемых изнанов ОГПУ охватила «золотая лихорадка», т.е. практиковалось вымогательство у частных лиц золота и других ценных вещей, затем наступила очередь кулаков и снова церкви, у которой в целях социалистического накопления отняли колокола.

Этот логический ряд был продолжен послевоенной политикой репараций, в соответствии с которой для восстановления хозяйства использовался труд гражданских заключённых и военнопленных, а также материальные и технические репарационные поставки. Несколько интеллигентнее выглядело создание на территории побеждённых стран «смешанных товариществ», которые меньше пострадали от репараций. По сравнению с общепринятым сегодня подходом в исследованиях более раннего периода (очевидно, под влиянием дискуссии 20-х годов) заострялось внимание на этой меркантильной черте сталинской политики: на советской экономике как «экономике разграбления человеческих и природных ресурсов»³² и насильственном труде как «направленном против собственного народа постоянным циничным разбоем государства, основанном на принципах меркантилизма»³³.

³¹ J.W. Stalin. An der Getreidefront (1928): он же. Werke, Bd. 11. — Berlin, 1954. — С. 72–86; он же. Zu Fragen der Agrarpolitik in der UdSSR (1929): он же. Werke, Bd. 12. — Berlin, 1954. — С. 125–152. Ср. по этому вопросу: Stephan Merl. Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. — München, 1981. — С. 445 и далее.

³² Hans Raupach. Geschichte der Sowjetwirtschaft. — Reinbek bei Hamburg, 1964. — С. 107.

³³ Werner Hofmann. Die Arbeitsverfassung der Sowjetunion. — Berlin, 1956. — С. 270.

Вряд ли удастся раскрыть сущность и нацистского режима, и сталинской системы лишь посредством обращения к существовавшим в них скрытым или явным меркантилистским концепциям, однако они были важным компонентом политики и экономики, обличенных, с одной стороны, в расовую теорию социального дарвинизма, с другой — в представления о светлом социалистическом будущем. Эксплуатация, разграбление и массовые убийства предполагали создание образа врага. В основу этого образа легли расовые критерии, а также классовые признаки, которым был придан онтологический характер. Если в одном случае это привело к беспримерным грабительским войнам, призванным превратить Европу, особенно Восточную, в колонию Германии, то в другом — Сталин сам превратил страну в некое подобие внутренней колонии, с тем чтобы на ее основе осуществить строительство социализма. Первый эксперимент закончился сокрушительным поражением, второй — консервацией состояния отсталости.

Резюме статей

Стефан Кройцбергер, Инго Маннтойфель, Ютта Унзер
Коммунизм и террор

«Черная книга коммунизма»: основные тезисы и аргументы

Для лучшей систематизации отдельных статей, опубликованных в настоящем тематическом сборнике, в сжатом виде излагаются основные тезисы о коммунистическом терроре в XX веке, выдвинутые Стефаном Куртуа и его соавторами в «Черной книге коммунизма».

Манфред Хильдермайер
Сталинизм и террор

Вне зависимости от определения сталинизма и ответа на вопрос о возможности его сопоставления с национал-социализмом не подлежит сомнению тот факт, что массовый террор является одним из его наиболее существенных признаков. В силу этого обстоятельство имеется, по крайней мере, столько же мнений о сталинском терроре, сколько и о самом сталинизме. Однако все они отчасти относятся к совершенно разным этапам и формам, между которыми не существует четкого разделения и которые при достаточно широком подходе сводятся воедино. Как минимум, необходимо различать следующие этапы: преследование кулаков в 1929–1930 годах, голодомор 1932–1934 годов, показательные судебные процессы 1936–1938 годов и Большой Террор 1936–1938 годов. В каждом отдельном случае целевые группы и объекты этих кампаний насилия были разными. После краткого описания этих этапов и существующих предположений о числе жертв формулируются четыре концепции толкования данных событий: связь между коммунистической идеологией и террором; соображения, высказываемые теоретиками модели тоталитаризма; «ревизионистское» истолкование с англосаксонской родословной; некий усредненный подход на основе новейших постсоветских исследований.

Терри Мартин
Террор против наций в Советском Союзе

В статье рассмотрены истоки советского террора против коренных наций. Практика подавления «классовых врагов», построенная на категоризации и имевшая упреждающий характер, а также мотивированное идеологическими причинами недоверие к внешнему миру и существование этнических связей вне границ страны на первых порах обусловили особое внимание советского режима к так называемым диаспорным нациям. Затем представление об определенных национальностях как источниках хронической проблемы «социально чуждых элементов» привело к террору против других проживавших в СССР этносов. На практике соответствующие мероприятия принимали неожиданный и часто идеологически противоречивый характер.

Йорг Баберовски

«Или за социализм, или в Архангельск!»

Сталинизм как крестовый поход против всего чужого

В данной статье сталинский террор рассматривается как кампания против всего чужого. Представлено понимание сталинизма как попытки с помощью террора преодолеть собственную несостоятельность, достичь единичности и устранить амбивалентности. Культурная сдержанность империи стала толчком, а мировоззрение властей — причиной применения террора для изменения сопротивляющейся действительности. Это продемонстрировано на примере одной из советских республик — Азербайджана.

Сузанна Шаттенберг

К вопросу о вине

Новые концепции в советологии на примере «дела инженеров» 20-х–30-х годов

В статье «Государство против собственного народа» Никола Верт выдвигает дихотомию «исполнитель — жертва» и посылает становится логичным точки зрения, которая скорее характерна для adeптов тоталитаризма. Тем самым он лишает себя возможности произвести более точный анализ проблемы исполнителей. При поиске нового ответа на вопрос, откуда пришло насилие, не лежат ли его истоки в идеологии, необходимо обратиться к истории культуры нового времени. Идеология переносилась в повседневную жизнь и трансформировалась в сознании людей в адекватную схему объяснения окружающего мира. Насилие порождалось не только государством, но и передаваемыми из поколения в поколение образами врага, реально существующими социальными конфликтами и разжигаемыми агрессивными устремлениями. Население Советского Союза не может быть разделено по признаку «исполнитель — жертва», необходим комплексный подход, применение которого и входит в задачу историка.

Давид Феест

Террор и насилие в эстонской деревне

На примере поствоенной Эстонии показаны идеологические претексты и схемы отправления власти, которые сложились еще в 20–30-е годы и применялись в новых условиях. Раскрывается сущность различных форм насилия. Помимо борьбы против внешних и действительных противников режима насилие было средством осуществления власти, порожденным недостатками системы. В отличие от Никола Верта, который в «Черной книге коммунизма» привел тезис о «матрице насилия», высказывается мнение, что в его основе лежит треугольник из структурно обусловленных недостатков в организации и контроле, статических по своему характеру идеологических стереотипов толкования и политической морали, отличительной особенностью которой является запрещение готовности к применению насилия.

Владзимеж Боруджей

Насилие в Польской Народной Республике (1944–1989)

Насилие со стороны государства было средством удержания и стабилизации власти в народной Польше на протяжении всех 45 лет ее истории. Исследование этого вопроса во многих отношениях нельзя назвать удовлетворительным, а потому ряд утверждений носит гипотетический характер. Особенно остро ощущается недостаток исследований

«спокойных» периодов в целом по стране и в разрезе отдельных общественных слоев, когда государственная монополия на власть проявлялась не столь ярко. В статье используется традиционная политическая и историческая периодизация, причем особое внимание уделяется 1956 году, оставившему глубокий след в истории народной Польши. После 1956 года органы безопасности и родственные им службы, несмотря на идеологическое приращение силы как главного оружия в 1970 и 1981 годах, никогда более не обретали такого влияния, как в период расцвета сталинизма.

Йоахим фон Путткамер

К вопросу о логике репрессий в коммунистических странах

Сравнительный анализ событий в Чехословакии и Венгрии

В «Черной книге коммунизма» дана общая схема насилия и репрессий, имевших место в условиях коммунистического режима в странах Центральной и Восточной Европы. Эта схема воплощалась в жизнь, как правило, вне зависимости от априорных политических и общественных условий. И все же упомянутые режимы смогли просуществовать сорок лет лишь благодаря разнообразию методов господства, построенного на насилии. На примере Чехословакии и Венгрии обнаруживается, что на ранней стадии существования режимов применение, направленность и размах насилия во многом зависели от степени поддержки властей населением. Тем не менее в обеих странах широкомасштабное насилие в качестве средства стабилизации коммунистического господства оказалось контрпродуктивным.

Петер Ульрих Вайсс

Два режима — одна система

Деспотизм в Румынии: 1944–1989

Характерной чертой Румынии поствоенного времени было применение репрессий и насилия диктаторскими режимами Георгу-Дежа и Чаушеску. Несмотря на сходство методов обеспечения диктата, существовали различия в масштабе, характере, а отчасти и в целях политического террора. Большевицкая система и ее догматическая идеология (марксизм-ленинизм) были изначально «импортными товарами», введенным советскими оккупационными войсками в Румынию и навязанным этой стране в обостренной тоталитарной форме (сталинизм). Однако преступные методы подавления инакомыслия стали «продуктом домашнего приготовления», и его ужасающий размах был в основном делом рук самих румын.

Дан Динер

Историческая память и познание

Национализм и сталинизм в сопоставительном контексте

У коммунизма и национал-социализма, вопреки достаточно распространенной точке зрения, есть много общего. Непосредственно связанные с харизматической фигурой вождя, оба режима соответствовали типу тоталитарного государства в его наиболее яркой форме, а их движущими силами были историко-философские мировоззрения. Сталинская диктатура в соответствии с коммунистическими убеждениями постоянно пыталась ускорить ход времени и была готова при этом принести в жертву якобы светлому будущему и настоящее, в то время как национал-социализм, воплотившийся в некую биологическую фикцию — расовое общество, — сопротивлялся течению времени. Обе

концепции имели своей предпосылкой утопию и для реализации нуждались в насилии со стороны институтов власти. Оба режима были братьями-близнецами, воплощением ужаса, и своими страшными преступлениями оставили неизгладимый след в XX веке. Однако если посмотреть на предмет с близкого расстояния, а не с высоты общих абстрактных подходов, то конкретная картина становится значительно более многообразной.

Фритьоф Мейер

«Молодец» и «гениальный парень»

Гитлер и Сталин: точки соприкосновения
между немецким и русским национал-социализмом

В отличие от тезиса Дана Динера, согласно которому советский режим угнетал только собственный народ, в то время как репрессии нацистского государства, поддерживаемого немецким населением, были изначально направлены против других наций, исключенных из состава «немецкой народной общности», в статье обосновывается мысль о том, что Гитлер и Сталин на самом деле многому учились друг у друга — между немецким национал-социализмом и советским «социализмом, построенным в одной отдельно взятой стране» существовала диалектическая связь кооперации и конфронтации. До сих пор сравнительно незамеченным остается сходство между ними в использовании концентрационных лагерей как производственного фактора, в проведении депортаций и уничтожении этнических меньшинств и «лишних ртов». И немцы, и русские в равной степени испытали на себе жестокость обоих тиранов.

Дитрих Бейрау

Нацистский режим и сталинская система

Рискованное сопоставление

Исходя из теории тоталитаризма и новых документальных данных, автор акцентирует внимание на некоторых главных признаках, которые подводят к мысли о возможности сопоставления нацистского и сталинского режимов. К таким признакам относятся: ожидание спасительного чуда, сопровождавшееся специфическими ритуалами; теории заговоров и их корни; сортировка населения по определенным критериям; создание образов вымышленного врага, подвергаемого реальным репрессиям. В завершение рассмотрен вопрос о том, какое влияние на внутреннюю и внешнюю политику обеих систем оказали элементы неомеркантилизма.

Библиография

- Helmut Altrichter. «Offene Großbaustelle Rußland». Reflexionen über das «Schwarzbuch des Kommunismus» // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — № 3. — 1999. — С. 321–361.
- Jörg Baberowski. Stalinismus von oben: Kulakendeportationen in der Sowjetunion 1929–1933 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — № 46. — 1998. — С. 572–595.
- Jörg Baberowski. «Die Verfasser von Denunziationen jagen den Parteiführern einen Schrecken ein»: Denunziation und Terror in der stalinistischen Sowjetunion 1928–1941: Friso Ross/Achim Landwehr (Hrsg.). Denunziation und Justiz: Historische Dimensionen eines sozialen Phänomens. — Tübingen, 2000. — С. 165–198.
- Jörg Baberowski. Wandel und Terror. Die Sowjetunion unter Stalin, 1928–1953. Ein Literaturbericht // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — № 43. — 1995. — С. 97–129.
- Christoph Boyer/Peter Skyba (Hrsg.). Repression und Wohlstandsversprechen. Zur Stabilisierung von Parteiherrschaft in der DDR und der ČSSR. — Dresden, 1999. — С. 129–140.
- Oleg V. Chlebnjuk. Das Politbüro. Mechanismen der politischen Macht in der Sowjetunion der dreißiger Jahre. — Hamburg, 1998.
- Robert Conquest. The Great Terror. A Reassessment. — New York, 1990.
- Stéphane Courtois и др. Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror. Mit dem Kapitel «Die Aufarbeitung des Sozialismus in der DDR» von Joachim Gauck und Ehrhart Neubert. — München/Zürich, 1998.
- V. Danilov/A. Berelowitch. Les documents des VČK-OGPU-NKVD sur la campagne soviétique, 1918–1937 // Cahiers du Monde Russe. — № 3. — 1994. — С. 633–682.
- R. W. Davies. The Socialist Offensive. The Collectivisation of Soviet Agriculture, 1929–1930. — London, 1980.
- Sarah Davies. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. — Cambridge, 1997.
- Dennis Deletant. România sub regimul comunist. — Bucureşti, 1997.
- Sheila Fitzpatrick. Everyday Stalinism. — Oxford, 2000.
- Sheila Fitzpatrick (Ed.). Stalinism: New Approaches. — London, 2000.
- Sheila Fitzpatrick. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930's: Sheila Fitzpatrick/Robert Gellately (Hrsg.). Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989. — Chicago, 1997.
- Sheila Fitzpatrick. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. — New York, 1994.
- Veronique Garros/Natalia Korenevsky/Thomas Lahusen (Hrsg.). Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930's. — New York, 1995.
- J. Arch Getty. The Road to Terror. Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. — New Haven, 1999.
- J. Arch Getty. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. — Cambridge, 1985.

- J. Arch Getty/Gabor T. Rittersporn/V. N. Zemskov. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence. — *American Historical Review* 98 (1993). — С. 1017–1049.
- Graham Gill. The Origins of the Stalinist Political System. — Cambridge, 1990.
- Graham Gill. Stalinism. — London, 1990.
- James Harris. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. — Ithaca, N. Y., 1999.
- Manfred Hildermeier. Geschichte der Sowjetunion 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. — München, 1998.
- Manfred Hildermeier (Hrsg.). Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung. — München, 1998.
- Jochen Hellbeck (Hrsg.). Tagebuch aus Moskau 1931–1939. — München, 1996.
- Eckhard. Jesse (Hrsg.). Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der Forschung. — Bonn, 1996.
- Oleg Khlevniuk. In Stalin's Shadow. The Career of „Sergo“ Ordzhonikidze. — Armonk, 1995.
- Johannes Klotz (Hrsg.). Schlimmer als die Nazis? «Das Schwarzbuch des Kommunismus», die neue Totalitarismusdebatte und der Geschichtsrevisionismus. — Köln, 1999.
- Amy Knight. Beria. Stalin's First Lieutenant. — Princeton, 1994.
- Gerd Koenen. Utopie der Säuberung. Was war der Kommunismus? — Berlin, 1998.
- Steven Kotkin. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. — Berkeley 1995.
- Hiroaki Kuromiya. Freedom and Terror in the Donbass: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s. — Cambridge, 1998.
- Hans Lemberg (Hrsg.). Sowjetisches Modell und nationale Prägung. Kontinuität und Wandel in Ostmitteleuropa nach dem Zweiten Weltkrieg. — Marburg, 1991.
- Martin Malia. Vollstreckter Wahn. Rußland 1917–1991. — Stuttgart, 1994.
- Jens Mecklenburg/Wolfgang Wippermann (Hrsg.). «Roter Holocaust»? Kritik des Schwarzbuch des Kommunismus. — Hamburg, 1998.
- Stephan Merl. Die Anfänge der Kollektivierung in der Sowjetunion. Der Übergang zur staatlichen Reglementierung der Produktions- und Marktbeziehungen im Dorf (1928–1930). — Wiesbaden, 1985.
- Stephan Merl. Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems 1930–1941. — Berlin, 1990.
- Horst Möller (Hrsg.). Der Rote Holocaust und die Deutschen. Die Debatte um das «Schwarzbuch des Kommunismus». — München/Zürich, 1999.
- Norman Naimark/Leonid Gibianskii (Hrsg.). The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949. — Boulder, 1997.
- Stefan Plaggenborg (Hrsg.). Stalinismus. Neue Konzepte und Forschungen. — Berlin, 1998.
- Gabor T. Rittersporn/Nick Lampert (Eds.). Stalinism: Its Nature and Aftermath. Essays in Honour of Moshe Lewin. — Armonk/New York, 1992.
- Gabor T. Rittersporn. Stalinist simplifications and Soviet Complications: Social Tensions and Political Conflicts 1933–1953. — Philadelphia, 1991.
- Peter H. Solomon. Soviet Criminal Justice under Stalin. — Cambridge, 1996.
- Klaus Suhl (Hrsg.). Vergangenheitsbewältigung 1945 und 1989. Ein unmöglicher Vergleich? Eine Diskussion. — Berlin, 1994.
- Lynne Viola. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford, 1996.
- Hermann Weber/Dietrich Staritz (Hrsg.). Kommunisten verfolgen Kommunisten. Stalinistischer Terror und «Säuberungen» in den kommunistischen Parteien Europas seit den dreißiger Jahren. — Berlin, 1993.

- Hermann Weber/Ulrich Mähler (Hrsg.). Terror. Stalinistische Parteisäuberungen 1936–1953. — Paderborn, 1998.
- Nicolas Werth/Gaël Moullec (Hrsg.). Rapports secrets soviétiques: la société russe dans les documents confidentiels, 1921–1931. Recueil de pièces d'archives. — Paris, 1994.
- Н. А. Ивницкий. Коллективизация и раскулачивание, начало 30-х гг. — Москва, 1996.
- П. М. Полян. Жертвы двух диктатур. Военнопленные и оstarбайтеры в Третьем Рейхе и их репатриация. — Москва, 1996.
- О. В. Хлевнюк. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. — Москва, 1992.

Именной указатель

А

Агамов-оглы Самед 55
Али Бей Гарун-оглы Зизик 51, 54
Антонеску 132, 134, 135
Антонов 77
Антонов-Овсёенко А. 27
Апостол Г. 139
Ахундов Рухулла 55

Б

Баберовски Йорг 7, 43, 184
Багиров Мир Джафар 50, 51, 54, 60
Бардин И.П. 74
Бартошевски Владислав 159
Бартошек Карел 13, 15, 118, 119, 127, 129, 131
Бах А.Н. 73, 74
Бейрау Дитрих 170, 186
Белль Генрих 160
Бенн Готтфрид 179
Берия 60, 100, 106
Берут Болеслав 17, 100
Бжезински З. 130, 131, 143, 144
Болдур-Латеску Георге 136
Бондаревский Дмитрий Иванович 76
Борман Мартин 161
Бороджей Влодзимеж 97, 184
Булгаков Михаил 178

В

Вайсс Петер Ульрих 129, 185
Валенса Лех 17
Ванькович Мельхиор 110
Веймер Арнольд 92, 93
Верлет И. 139
Вернадский В.И. 171, 172
Верг Никола 7, 10, 11, 12, 13, 19, 20, 28, 35, 64, 65, 66, 80, 82, 83, 95, 96, 184
Винтер А.П. 74
Власов 36
Волкогонов Д. 27
Вышинский 132

Г

Гавел Вацлав 15
Геббельс 161, 163, 176

Именной указатель

Георгиу-Деж Георге 131, 135, 136, 137, 138, 139, 142, 143, 185
Герек Эдвард 110, 114
Гесс 164, 169
Гештор Александр 111
Гиммлер 169
Гитлер 14, 145, 146, 150, 153, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 166, 168, 171, 173, 180, 186
Глинка 121
Гомулка Владислав 109, 110, 111, 113
Горакова Милада 121
Горький Максим 174
Готвальд Клемент 120
Гроза Петру 132, 133, 134, 135, 136
Гроссман Василий 171
Гугель Я.С. 74
Гусак Густав 126
Гусейнов М.Д. 53

Д

Делетант Денни 131, 137
Дилас Милован 111
Динер Дан 145, 156, 157, 158, 159, 160, 164, 166, 167, 168, 169, 185, 186
Драгач А. 139
Дубчек Александр 125, 126

Е

Ежов Николай 27

Ж

Жданов 91, 95

З

Збарский В.И. 73
Зиновьев Григорий 25, 43

И

Ионитоу Цицероне 136

К

Каганович 44, 80
Кадар Янош 124, 125
Калинин 16, 59
Камсёв Лев 25
Камински Анджей 162
Каплан Карел 123, 124
Караев Али Гейдар 53, 54, 55
Каротамм Николай 91, 92, 93, 94, 95, 96
Кастро 9
Кат-Мацкевич Станислав 110
Кейль 75
Ксмаль Мустафа 53
Кершо Айан 132, 143
Кёнен Герд 29
Киров Сергей 24, 25, 31, 150, 162
Клементис Владимир 124
Ковач Бела 122

Конквест Роберт 23, 27, 28, 31
 Копелев Лев 160
 Копешу Корнелиу 136
 Копылова Н.И. 75
 Копыченко Матвей 159
 Корхерр Рихард 166
 Кржижановский Г.М. 74
 Кройтбергер Стефан 4, 8, 183
 Кумм Борис 94
 Куронь Яцек 111
 Куртуа Стефан 7, 8, 9, 10, 28, 30, 68, 82, 129, 131, 155, 156, 183

Л

Лауэ Теодор фон 172
 Ленин 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 23, 24, 25, 26, 33, 38, 161, 167, 169
 Линц И.И. 143
 Логинов Лев Игнатьевич 77, 78, 79, 80, 81
 Ломинадзе В.В. 58

М

Маленков Георгий 93
 Малия Мартин 29
 Мандельштам Надежда 27
 Манеску М. 139
 Манну Юлиу 133, 136
 Манн Томас 164
 Маннтойфель Инго 4, 8, 183
 Мао 9
 Марголина Соия 156
 Маркс 33, 74, 129
 Мартин Терри 33, 183
 Маурер Ион Георге 139, 140, 169
 Медведев Р. 27
 Мейер Фритхоф 156, 186
 Мерль Штефан 30, 89
 Миллер Роберт Ф. 87
 Мильке Эрих 107
 Мионов 77
 Михай Г. 132, 135
 Млынарж Здзек 125
 Могнороз Александру 136
 Модзелевски Кароль 111
 Молотов 43, 44, 45, 57, 58, 59, 60, 61, 80, 132
 Момсен Ханс 159
 Москаленко Валентина 94
 Мочар Мечислав 111, 112
 Мусабекон Газанфар 54
 Муссолини 163
 Мюллер Генрих 161

Н

Надь Имре 124
 Надь Ференц 122
 Никоара Корнель 136
 Никулеску-Мициль П. 139

Новотны Антонин 125
 Нойманн Хайнц 161
 Нольте Эрнст 162

О

Опарин А.И. 73
 Орджоникидзе Г.К. 76

П

Пальминский 72, 73
 Пантинет В. 139
 Пастернак 171
 Патрашкану Лукрециу 139
 Паукер Анна 136, 137
 Пачковски Анджей 16, 18, 97, 98, 105, 106, 110, 116
 Пирвулеску Константин 136
 Пиясь Станислав 115
 Пол Пот 45
 Попелюшко Ежи 116
 Пресображенский Э.А. 181
 Путткамер Йохим фон 7, 118, 185
 Пяал Эдуард 87

Р

Радковский Р.С. 75
 Радеску 132
 Райк Дасло 123
 Рангету Иосиф 136
 Реца (шах) 53
 Рем 24
 Риббентроп 132, 161
 Риттершпорн Габор Т. 31, 75
 Романов Б.А. 179
 Русан Ромулус 131
 Рыков Алексей 25, 26, 50
 Рязанов 74

С

Сарафанкин 77
 Санатеску 132
 Сен-Симон 71
 Серов 77
 Серов Иван 99, 100
 Ставский Рудольф 123, 124
 Сталин И.В. 9, 10, 12, 15, 16, 19, 20, 21, 23, 25, 26, 30, 31, 32, 33, 37, 38, 41, 43, 44, 45, 48, 58, 60, 61, 63, 64, 67, 79, 84, 87, 102, 106, 122, 124, 125, 128, 131, 137, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 159, 160, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 170, 173, 175, 178, 181, 185, 189
 Стаханов А.Г. 75
 Стойка Ч. 139, 140
 Султанова Айна 59

Т

Твардовский Александр 179
 Тито 123, 124
 Трошанов В.А. 75

У

Унзер Ютта 4, 8, 183

Ф

Фатх Али Мухтар 49
Феест Давид 82, 184
Фейнсон Мерль 30
Ферро Марк 172
Фитцпатрик Шейла 75
Фридрих К.И. 130, 143, 144

Х

Хафиз Эфенди 56
Хильдермайер Манфред 19, 183
Хирояки Куромия 75
Хлевнюк Олег 32, 75, 189
Хо Ши Мин 9
Хрушев Н.С. 31, 79, 138, 159
Хуссейн (имам) 52

Ц

Цыранкевич Юзеф 113

Ч

Чаушеску Елена 140
Чаушеску Николае 131, 139, 140, 141, 142, 143, 185
Черчилль 132

Ш

Шаттенберг Сузанна 64, 184
Шатуновская О. 27
Шенин Сергей Дмитриевич 74, 75, 80, 81
Шлинг Ота 124
Штайнгарт Н. 138
Штейннигер Александр 4
Штюнкель Борис Эрнестович 74, 75, 80
Шубин Н.А. 76

Э

Эйхе 45, 61
Энгельс 74, 129
Эрдмани Карл Дитрих 179
Эренбург, Илья 160

Я

Ярузельский Войцех 18, 116, 117, 118

Авторы

Йорг Баберовски (1961), доктор философии, научный сотрудник факультета восточноевропейской истории и страноведения Тюбингенского университета, Германия

Дитрих Бейрау (1942), доктор философии, профессор факультета восточноевропейской истории и страноведения Тюбингенского университета, Германия

Влодзимеж Бородажей (1956), доктор философии, профессор Варшавского университета, Польша

Петер Ульрих Вайсс (1970), студент Потсдамского университета, Германия

Дан Динер (1946), доктор философии, профессор университета имени Бен Гуриона, г.Беер-Шева, Израиль, директор института Симона Дубнова еврейской истории и культуры при Лейпцигском университете, Германия

Стефан Кройцбергер (1961), доктор философии, редактор, преподаватель курса истории стран Восточной Европы в Рейн-Вестфальском Техническом университете, Аахен, Германия

Инго Маннтойфель (1971), М.А., историк, преподаватель курса истории восточноевропейских стран в Рейн-Вестфальском Техническом университете, Аахен, Германия

Терри Мартин (1963), доктор философии, доцент по истории России Гарвардского университета, Кембридж, штат Массачусетс, США

Фритц-Фейер (1932), политолог, ведущий редактор немецкого информационного журнала «Шпигель», Гамбург, Германия

Йоахим фон Путткамер (1964), доктор философии, научный сотрудник Фрайбургского университета, Германия

Ютта Унзер (1940), М.А., редактор, преподаватель курса истории восточноевропейских стран в Рейн-Вестфальском Техническом университете, Аахен, Германия

Давид Феест (1969), М.А., докторант Геттингенского университета, Германия

Манфред Хильдермайер (1948), доктор философии, профессор, руководитель семинара по истории средних веков и современной истории Геттингенского университета, Германия

Сузанна Шаттенберг (1969), доктор философии, научный сотрудник факультета истории Эрлангенского университета, Германия

Александр Штейннигер (1930), доктор философии, главный редактор журнала «Osteuropa» («Восточная Европа»), Аахен, Германия

Петер Ульрих Вайсс (1970), студент Потсдамского университета, Германия

Громадсько-політичне видання
КОМУНІЗМ, ТЕРОР, ЛЮДИНА
Дискусійні статті на тему «Чорної книги комунізму»
(російською мовою)

Укладачі
С. Кройцбергер, І. Мантейфель, О. Штейнгер, Ю. Унгер

Редактор *Тетяна Мазур*
Художнє оформлення *Вічеслав Потієвський*
Комп'ютерна верстка *Тетяна Іванько*

ISBN 966-7869-02-4

9 789667 869021 >

Здано на виробництво 21.11.2000. Підписано до друку 29.01.2001.
Формат 70×100/16. Папір офсетний. Гарнітура Times.
Друк офсетний. Ум. друк. арк. 15,4. Ум. фарб.-від. 15,8. Обл.-вид. арк. 15,1.
Тираж 1500 пр. Зам. № 1-378

Видавництво «Оптима»
Україна, 04050, м. Київ, вул. Тургенівська, 69, кв. 6. Тел. 216 49 31
Свідцтво про внесення у Державний реєстр видавців
ДК № 171 від 11.09.2000

Надруковано: ЗАТ «Вітол», ДК № 15
Україна, 03151, м. Київ, вул. Волинська, 60